

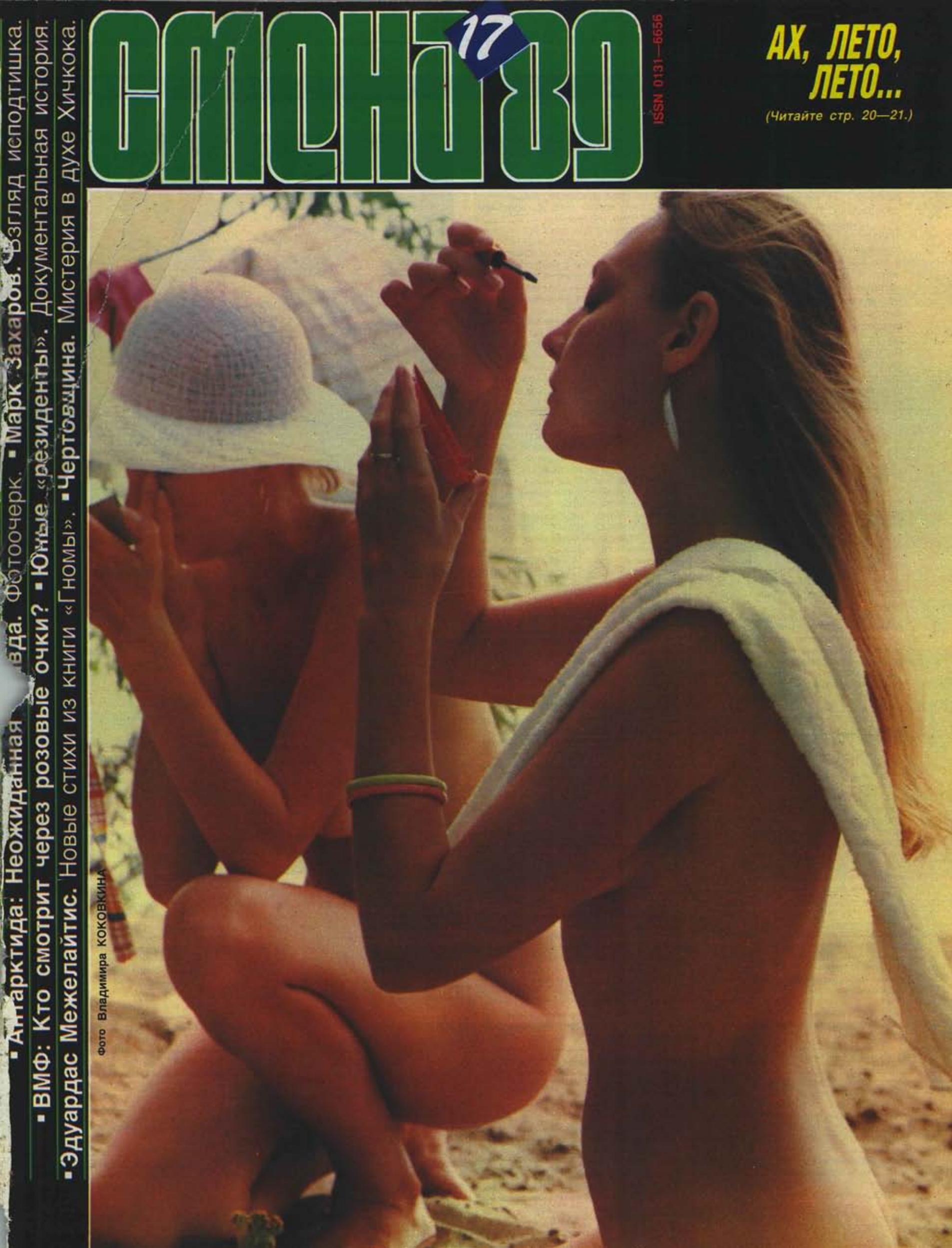
СТРОНГ

17

АХ, ЛЕТО,
ЛЕТО...

(Читайте стр. 20—21.)

ISSN 0131—6656

- Антарктида: Неожиданная вда. Фотоочерк. ■ Марк Захаров. Взгляд исподтишка.
- ВМФ: Кто смотрит через розовые очки? ■ Юные «рэзиденты». Документальная история.
- Эдуардас Межелайтис. Новые стихи из книги «Гномы». ■ Чертовщина. Мистерия в духе Хичкока.

Фото Владимира КОКОВКИНА

...К тому же я решил попробовать записывать не только то, что говорит Марк Захаров, но и как он говорит. Записывать не только произнесенное слово, но и интонацию, взгляд, выражение глаз, которые это слово сопровождают. По меньшей мере мне это представлялось интересным. Трудность, конечно, была: художественный руководитель Ленкома — и это как бы система — всегда держится с собеседником бесстрастно, «отодвинуто». Он садится рядом, но, начиная говорить, никогда не смотрит в глаза. Виден только его профиль с неизменным, живущим где-то за кончиком носа лукавством. Он блестяще оттогает, предпочитая взаимодействовать с пространством, и тем самым заставляет слушать себя напряженно и внимательно.

ДИАЛОГИ В ЛИЦАХ

А сейчас он сказал: «Это интересно». И не улыбнулся. Я повторил:

— Марк Анатольевич, но ведь вы очень любите, когда вам стремятся понравиться. И в особенности — молодые артисты...

Он ответил: «Угу», крутанул коробку моих спичек, пристально рассматривая отчек серы, и сказал:

— Чрезмерное желание понравиться режиссеру и публике может вызвать обратную реакцию — таково свойство нашей психики.

Затем он вновь отвернулся к зашторенному окну. Туда и говорил:

— Мы с большим уважением относимся к человеку независимому, спокойному, презирающему суевье. Кроме того, я считаю, что актер становится

большим актером, когда ему удается

выразить не только собственную личность, но и нечто большее. Это свойство я называю социальным обаянием.

Часто привожу в пример судьбу Евгения Павловича Леонова. Сначала он был

молодым актером с малоинтересной внешностью (таких много), постепенно

начал выделяться обаянием (таких еще

больше), а затем — как считает Леонов, с фильма «Донская повесть», а по-моему, с «Белорусского вокзала» — он становился народным независимо от звания артистом. Ему удалось выразить большой социальный пласт людей. Мы узнавали в нем многих, хотя он ни на

кого не походил конкретно. В его по-

следних театральных работах, которые

мне очень дороги, удалось собрать как

бы весь наш «государственный кри-

минал», морем разлитый по многочислен-

ным номенклатурным физиономиям,

формировавший принцип мышления,

общения и даже биологические, такти-

ческие ходы, пассажи, уловки. Все это

Евгений Павлович, будучи еще и челове-

ком наблюдательным, смог, по-моему,

наиболее полно реализовать в ролях

Вожака в моем спектакле «Оптимисти-

ческая трагедия». Роль эта многих оби-

дала, что радует. Настоящая сатира та,

которая обижает...

— Вы, Марк Анатольевич, умеете

«раскручивать» артистов. И очень ча-

сто эксплуатируете при этом их внеш-

ние данные. Можете со мной не согла-

ситься, но если бы не внешность Леоно-

ва, Янковского, Абдулова, Алферовой,

магически действующая с киноэкрана,

вряд ли Ленком бы так непотягли,

как сегодня. Киноинерция, если так

можно сказать, работает на театр,

даже если театр иной раз и не заслужи-

вает столь пристального зрительского

внимания.

— Вы, Марк Анатольевич, умеете

«раскручивать» артистов. И очень ча-

сто эксплуатируете при этом их внеш-

ние данные. Можете со мной не согла-

ситься, но если бы не внешность Леоно-

ва, Янковского, Абдулова, Алферовой,

магически действующая с киноэкрана,

вряд ли Ленком бы так непотягли,

как сегодня. Киноинерция, если так

можно сказать, работает на театр,

даже если театр иной раз и не заслужи-

вает столь пристального зрительского

внимания.

Во время моего «монолога» он кивал

своим птичьим профилем и снова крутил в пальцах коробку спичек. Ответил не сразу:

— По идеи, я должен сейчас ополчиться на вас внутренне и запротестовать. Не буду. Исходя из принципа, что покупатель всегда прав. А насчет красоты — тема интересная...

Как добиться красоты? Тут я, пожалуй, дам самый главный и актуальный совет молодым актерам. В нашем деле она — я совершенно с вами согласен — имеет большое значение. Огромное дело — изначальный капитал, внешние данные, что пришли неизвестно откуда, вроде бы от родителей, хотя и не совсем от них — мы ведь не точная копия своих отцов и матерей, иначе и не слезли бы с дерева. Наша собственная работа над внешностью, независимо от наших родителей, которых, конечно, стоит поблагодарить в случае удачи, — проблема немаловажная. Сделать свою внешность обаятельной — задача сложная, и простая улыбка здесь не поможет. Обрести свой стиль (включая косметику, прическу, одежду), пусть не сразу (методом проб и ошибок) — актеру необходимо. Знаю, могу вызвать скептические иsarкастические улыбки, но без своего стиля нельзя — профессия наша публичная. Интересно, что кинозвездами становятся вовсе не самые красивые. Такие зарубежные кумиры, как Бельмондо, Брижит Бардо или длинноносая, с выпирающими kostями Лайза Миннelli, — отнюдь не красавцы. Красивы ли Инна Чурикова или Николай Карабанов — эти споры сейчас, по крайней мере в моем присутствии, в значительной степени поутихи, ибо даже те, кого не устраивает их внешность в качестве эталонной, согласились в конце концов, что это очень интересные люди, актеры со своей неповторимой и очень выразительной индивидуальностью.

Убежден, что изменять, развивать и преобразовывать себя можно с помощью самой загадочной субстанции — с помощью мысли. На Льва Николаевича Толстого в молодости смотреть было неинтересно, его изображение в молодые годы вызывает разве что вялое любопытство, а вот по прошествии большого количества времени, после многих лет мучительной духовной работы, раздумий и страданий, этот седовласый мудрец обрел пронзительную человеческую красоту. Не обаяние, не милоту, не приятность. Красоту.

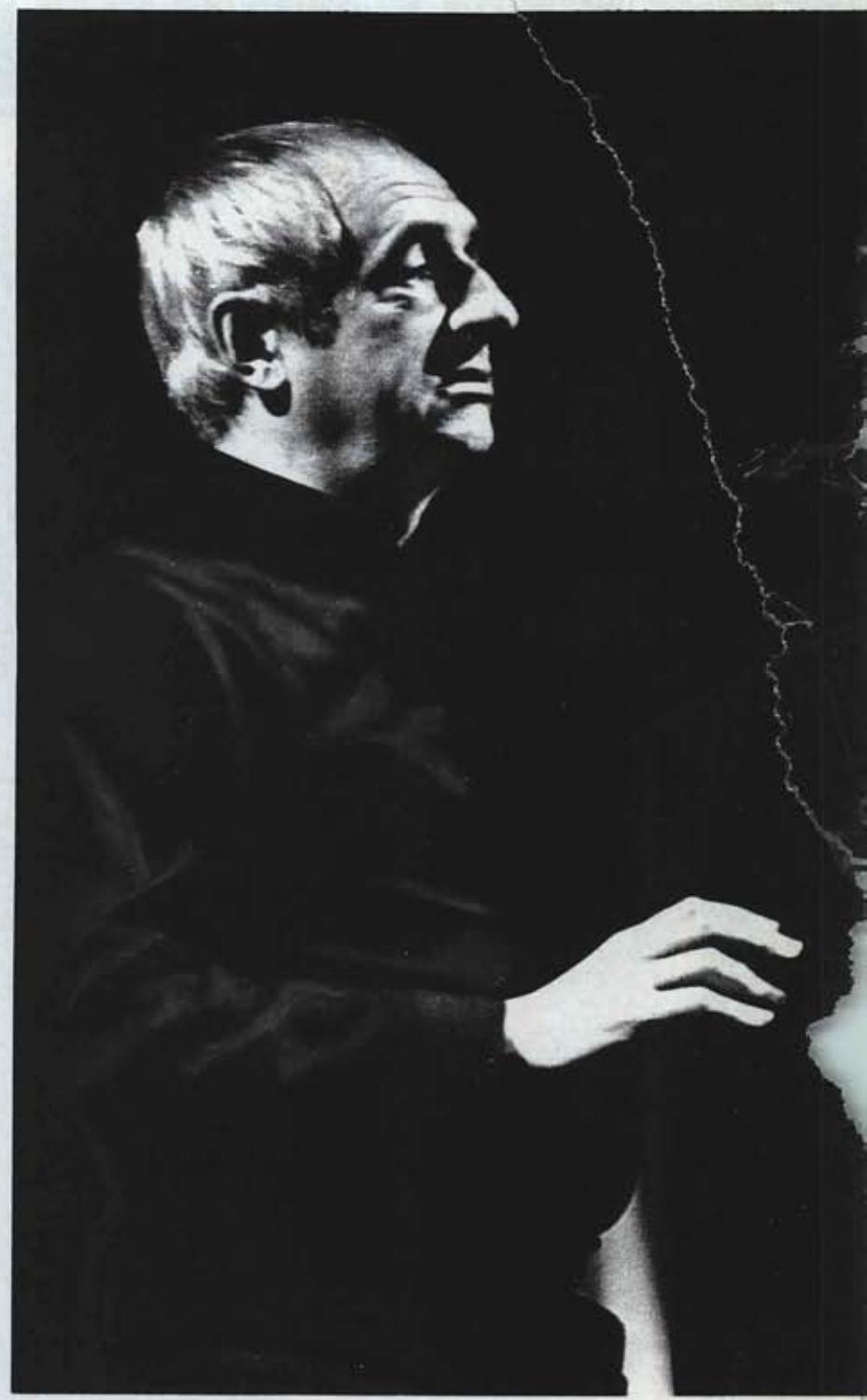
Естественно, я не хочу сказать молодым: «Подождите до старости, а там разберемся, что из вас получилось». Я говорю о самом принципе тех изменений, которые происходят в лице человека, его глазах, морщинах, его внутреннем и внешнем излучении. Не надо быть тибетским лекарем, чтобы по внешнему виду человека догадаться о внутренних механизмах его духовной и материальной жизни. Театральный зритель, в общем, довольно быстро понимает, какими мыслями живет тот или иной артист, какой ведет образ жизни...

— Вы как-то заметили, что и субъективное на сцене не плохо, если неплохо сам субъект. Что вы имели в виду?

— Я рад, что вы так тщательно изучили мое теоретическое наследие. Он взглянул на меня с тем обескураживающим серьезом, после которого хочется отряхнуть плечо, переложить с места на место ручку, в общем, сделать что-то. Повисла пауза.

— Судя по вашим работам и высказываниям в печати, — не сразу начал я, — вы много внимания уделяете форме спектакля, которая, говоря образно, частенько ведет себя вызывающе на сцене вашего театра.

— Однажды Виктор Розов, — моментально ответил Захаров, — на одном заседании очень смешно сказал, что жил,

жил и только сейчас понял, что форма важнее содержания. Так вот, беру смелость утверждать, что в нашем искусстве иногда важно не столько «что», сколько «как» и «кто». Сегодня важно погрузить зрителя в поток эмоционального восприятия мира. Театр для меня — всегда поэтическая фантазия и вместе с тем это всегда сочинение...

ИЗ РЕЖИССЕРСКИХ ЗАПИСЕЙ ВО ВРЕМЯ РЕПЕТИЦИИ СПЕКТАКЛЯ «ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

...Вожак — руководитель улычивый, заботливый, агрессивно безграмотный. Уверен, что натура его совершенна и потому бескультурье, иссушающее его мозг, становится силой страшной, разрушительной.

...Интересно, сколько главных редак-

торов центральных изданий владеет английским языком?..

...Совсем необязательно, что правое дело сразу побеждает. Совсем не обязательно, что человек, который борется за правду, выходит победителем — жизнь сложнее и коварнее. Интересно проследить один день жизни человека, который решит жить только по правде!

...Отказаться от комиссарской традиционной кошки!

...Терпение! Не терпимость, не терпливость, а терпение. То самое, что позволяет возводить пирамиду Хеопса, что позволяет кандидатам в президенты выигрывать предвыборные кампании, что позволяет матерям рожать, а самым непокорным идти на эшафот с улыбкой, поскольку они — обреченные и прозревшие — знают: их терпение сверстает завтрашний день, их терпеливая непокорность отзовется и породит новых непокорных, новых недовольных. Терпение, в зависимости от жизненных виражей, умеет принимать форму страдания, унижения или протesta. Ведь протест как результат — це-

Андрей КУЧЕРОВ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ГАШЕСТЬ

ленаправленное терпение. (Алексей — Каракенцов)

...Еще никому не удавалось закрыть одним телом семь амбразур сразу. Гений коммерции не шутил, предсторегая от дешевой ломки стульев. Тов. Бендер благодаря большому жизненному опыту догадывался: если вода начи-

нает точить камень, надрываться не стоит. Надо подождать, и вода сделает свое дело. Тов. Бендер проигрывал редко и уважительно относился к переходным периодам. (туда же...)

...Бросок всегда пьянил. Отсутствием небес. Самообман. Один бросок уже глубоко засечен нашей памятью. Мы до

сих пор, озираясь, пытаемся разобраться, куда нас бросило. Тот бросок, казавшийся мгновенным раем, вытянулся в длинный мучительный марафон в... никада. Тогда же, как под гипнозом, одним росчерком — «господа офицеры, голубые князья...» — и к стенке. К стенке! Те, кому повезло и кто смог метнуть последний взгляд на отторгаемую горизонтом Россию, вспоминают и жалеют свою страну до сих пор. Искренне вспоминают и искренне жалеют. А ведь тогда топорно, с бесшабашной верой в «из искры возгорится пламя» рубили свои же корни. В небо запустили буревестников, которые только могли, что гордо реяят. Их не страшили черные фабричные трубы. В выбросах дыма они чувствовали себя превосходно. Белых вольнолюбивых птиц извели. Не сразу, конечно... (Это для Янковского, для его лейтенанта Беринга.)

...Наглели постепенно. Начинали лагерями, заканчивали расстрелами в затылки. Я никогда не поверю, что виноват только Сталин и только сталинское окружение. Виновата доктрина, программирующая создание культов и культивирующая последующие расправы. Культы не возникают из воздуха. Культам нужна культивация. Сталин не случайно активно создавал культ личности Ленина, а уж затем, приучив и выставив, начал подводить постамент под собственные ботинки. Мы все-таки учимся понимать, что нам не нужны бюсты и изваяния. Но не умеем мы еще без бюстов и изваяний. Нет у нас вольнолюбивой истории. Разбивая одни бронзовые головы, тут же отливаем другие. Это уже в крови. (Леонову Е. П.— его Вожаку.)

...До слез обидно, что тогда, на Сенатской площади, интеллигенция потерпела фиаско. Просто до слез обидно! Их вычеркнули как класс. Как мысль нации. Как смысл, как гордость нации. Как породу, которую природа долго оттачивает и бережет, чтобы однажды предъявить миру. С которой можно брать пример. С породистых людей брать пример полезно. Беда нынешнего момента в том, что мало породистых людей. Мало таких, ради которых хотелось бы работать... (в сцену Комиссар — Алексей).

...Они прощались, предчувствуя. Страдали, предчувствуя. Они дрались не столько за власть, сколько за культуру и за возможность объяснить свою предчувствия. Они пытались, как могли, не дать нарушить связь времен. (Янковскому — Гамлет.) И еще они дрались за болезненное, из крови кричащее право — чтобы их дети, внуки,

дования касательно нашей памяти и наших же родословных! Если мы и можем оглянуться, то на свисток милиционера, стерегущего пешеходную зону... (атмосфера сцены).

От себя добавлю: это написано Марком Захаровым в ноябре 1983 — январе 1984 года, в период активной работы над пьесой Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия».

ДИАЛОГИ В ЛИЦАХ

— ...И тем не менее после «Юноны и Авось» вы ставите «Трех девушек в голубом» — спектакль, так сказать, тихий, где никто уже не толпится и дыма вроде бы нет. Или же вы вспомнили в тот период просьбу Константина Сергеевича Станиславского, который рекомендовал переучиваться через каждые пять лет?

— Он слишком много времени отпускал на переучебу, хотя Станиславского надо читать, — ответил Захаров. Затем поднялся из кресла и включил в кабинете свет: на улице уже стемнело. — Дело не только в гении Константина Сергеевича. Как-то я показал своей подрастающей дочери старые, пожелтевшие фотографии своих предков, которых почти не осталось на свете. И вдруг понял, что эти фотографии, эта память ее очень мало интересуют. Потом она остановилась на каком-то снимке и спросила: кто это? Я не смог ответить на ее вопрос и со смертью моей матери уже не смогу на него ответить, не смогу передать своей дочери никаких сведений о человеке, имеющем отношение к моей жизни или жизни близких мне людей... Меня эта ситуация повергла в большую тоску...

(После паузы). Во все времена наибольшей передовой часть общества следила за собой во времени и пространстве. Люди хорошо помнили, кем были их бабушки, прабабушки, прапрабабушки. У дворянства был в обиходе даже такой термин, как «пращур». Память человека простиралась очень далеко. Люди рассматривали себя очередным звеном в единой цепочке восхождений, неудач, побед. Сегодня мы скорбим о том, что дальние бабушки наша память не простирается. В спектакле я попробовал поднять эту проблему преемственности. Мне хотелось, чтобы люди, населяющие спектакль, мыслили как бы голографически, чтобы они задумывались о некоторых категориях, над которыми сегодня стоит задумываться нам всем.

Тут он откинулся в кресле, выпрямился и посмотрел на меня, что называется, в упор:

— В свое время, помнится... — произнес он, — спектакль сильно били за чернушку и мелкотемье, излишние бытовизмы. И вы, Андрей Юрьевич, тоже повеселились на этот счет.

— Да, помню, — сказал я и почему-то смущился. — Надо ли смотреть на жизнь такими грустными глазами, да еще через щели полуразвалившегося дачного туалета, да еще пригибаясь от свиста пикнирующего на голову лайнера... Кажется, так... Но, собственно, я и сейчас не откращусь от этих строк!

— Ваше право. Я о другом. Почему-то считается, если человек хочет запрудить реку, то это уже масштаб, все остальное — мелкотемье. Да, я очень благодарен Петрушевской за то, что она ввела в пьесу проблему семейного бюджета, которая очень часто влия-

Окончание на 24-й стр.

Валерий ЛОКТЕВ
Фото Льва МЕЛИХОВА

Проезд Серова (бывший Лубянский), 3/6. Сюда, «к Маяковскому», приходил не единожды.

Плакаты, фото — резкий, неулыбчивый взгляд стриженного под машинку мужчины. Под стеклом рукописные копии стихов, писем; тонкие книжки на желтоватой бумаге и тома с винчестерским тиснением: «Владимир Маяковский». И шелестящий голос экскурсовода:

— Жизнеутверждающим оптимизмом наполнены строки великого пролетарского поэта...

Слушал, а в душе билось — «...ко-
сые скульки океана», «...на флейте во-
досточных труб». Впрочем, музей
был как музей — чем удивишь?
...«Был» — не оговорка. Нынешний
государственный музей В. В. Мая-
ковского, хоть и по тому же адресу,
ручаюсь, удивит каждого. Это не про-
сто иная экспозиция — кусок духа,
быта людского, выхваченный из нача-
ла века, из двадцатых годов, вживлен
в сердцевину сегодняшней Мо-
сквы. Уникально, дерзостно органи-
зовано музейное пространство. Нет
привычных витрин, стендов, залов —
вся площадь, кубатура завязаны
в единое целостное решение, овеществ-
ленную метафору. Жизнь, поэзия,
душа раскручены по спирали: от

истока — грузинского села Багдади (даже камни, подернутые патиной времени, — оттуда!); от «Облака в штанах» и «Флейты-позвоночника» через Революцию, «работу адovу» — ввысь, к космосу, к «Во весь голос» и последней, размашистой карандашной скорописи: «...Лиля — люби меня!.. Товарищ Правительство, моя семья...» По ступеням времени — на четвертый этаж в одиннадцатиметровую «комнатку-лодочку», откуда он ушел навсегда в апреле тридцатого, «в звезды врезываясь».

И живописные панно, и вздыбленные сварные конструкции, и весь этот художнически блестяще организованный «хаос» металла, бетона, дерева работает на понимание главного: «Я поэт. Этим и интересен...» Не хроника быта, не внешняя житейская канва, а хронология души, глубинное развитие поэтического «я» — вот осевая «спираль». Нет, зряшное дело — браться за описание увиденного. Как передать ощущение достоверности (не предметной — духовной!) творческого бытия? Машина времени что ли сработала?!

— Просто время, — говорит директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР Светлана Ефимовна Стрежнева. — Маяковский — не «бронзы многопудье», а неукротимое движение, революционность во всем... И — нежное, ранимое, кровоточащее сердце. Это по сути — сегодняшний день.

Когда два года назад началась, на-

конец-то, реконструкция здания, решили не ограничиваться капремонтом, а переинчарить сам принцип музейного экспонирования. «Как живой с живыми говорят...» Вот он — «золотой ключик».

...С тяжким, режущим скрипом приоткрывалась дверь в незнамое, мучительно медленно набиралась скорость.

Если бы не строй управление КГБ СССР, — продолжает Светлана Ефимовна, — реконструкция длилась бы десятилетия, а так полтора года. По нашим меркам — срок небывалый. От Главного управления культуры Мосгорисполкома, от Управления по делам изобразительных искусств и музеев — только указующие бумаги. Ни гвоздя, ни единого кирпича...

Ладно, не будем о гвоздях. Спасибо строителям Комитета госбезопасности, что так деловито, четко помогли музею, посчитав стройку эту объектом государственной важности. Но сейчас, когда экспозиция готова, когда Дом Маяковского (пишу с большой буквы, ибо это не хранилище застывшей памяти, а нечто одухотворенное сердечным теплом, творческой мыслью) готов распахнуть двери, «маяковеды» из исполкома крывают губы.

Что же смущает их? Ответ прост: новизна. Новизна мышления, художественного образа, взгляда на «великого пролетарского...». Их, видимо, пугает живой Маяковский. Затиснутый в мрамор, стенд, витрину, он

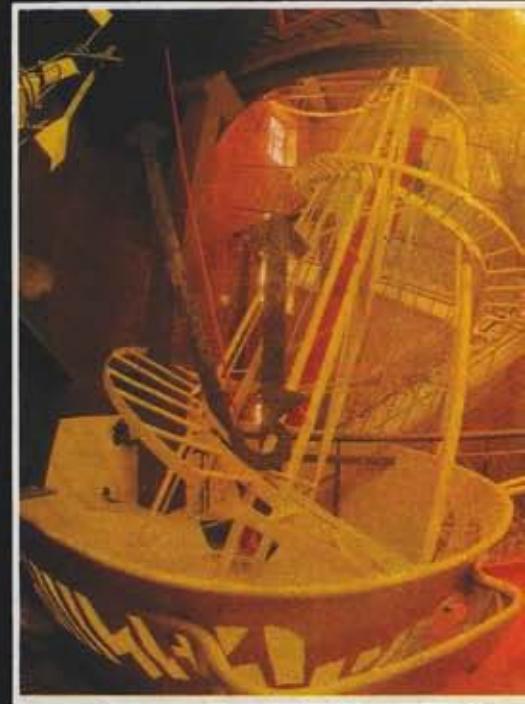
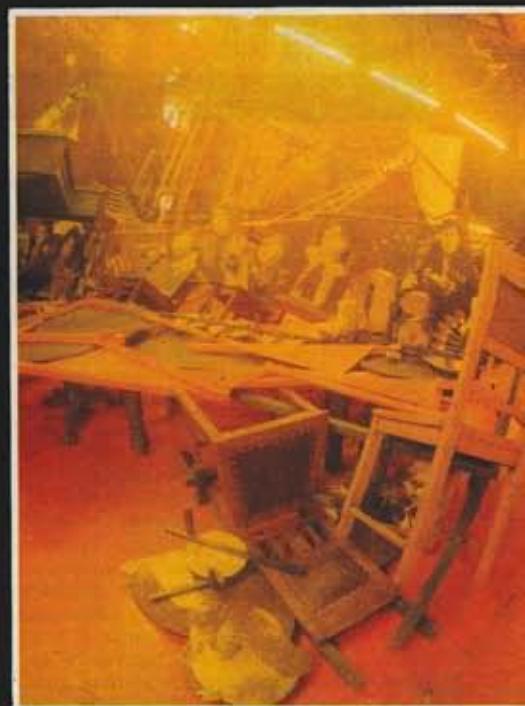
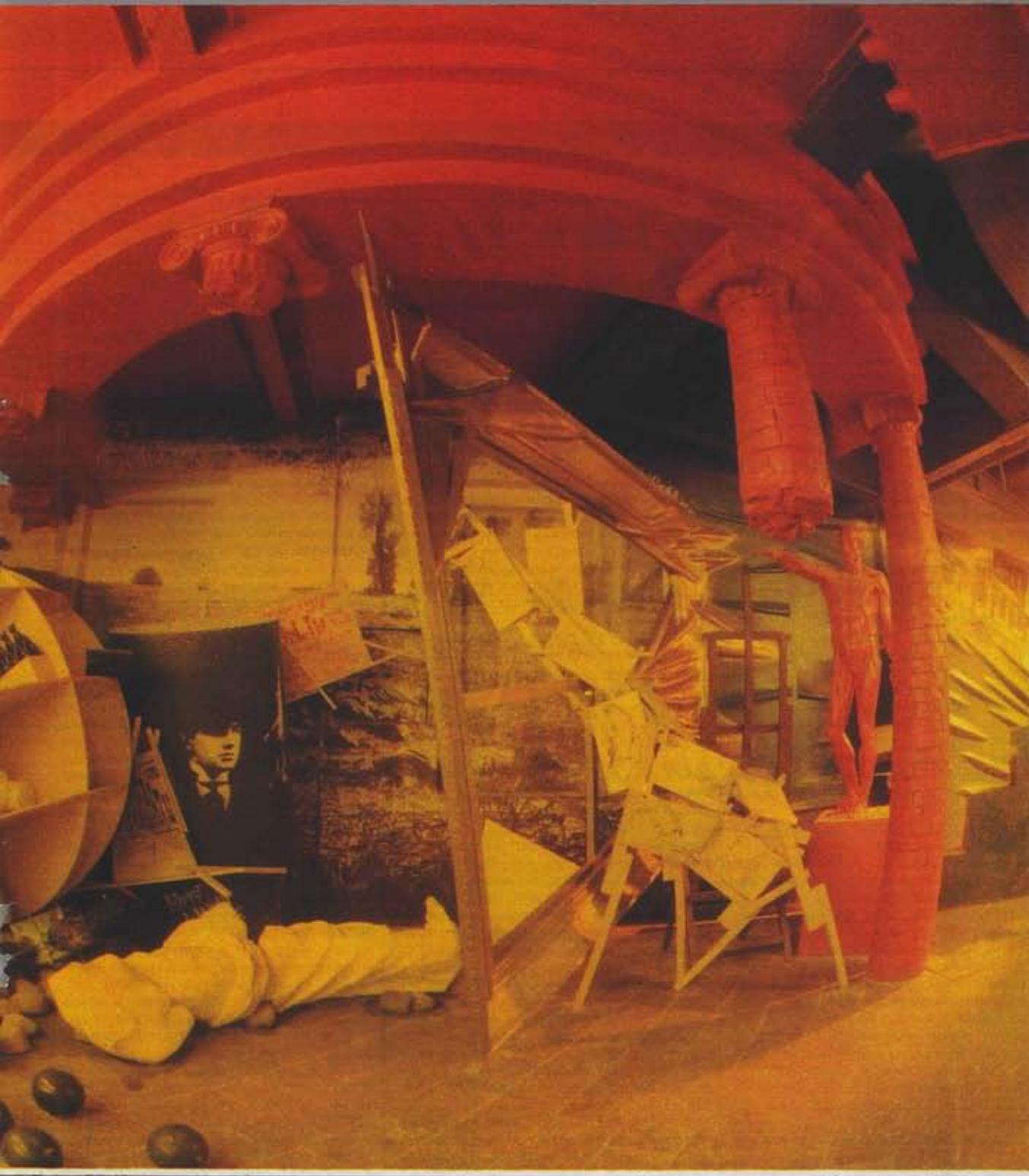

ЖИВ

надежно привычен. Здесь же, в изломанном, как судьба, пространстве, поэт видится во всем великолепии несоответствия муциальному стандарту.

«...И я себя смирял, становясь на горло собственной песне». Новый музей — «собственная песня» Евгения АМПАСЮРА, Андрея БОКОВА, Игоря ИВАНОВА, Ивана ЛУБЕННИКОВА, Тогрула НАРИМАНБЕКОВА, Игоря ОБРОСОВА, Тараса ПОЛЯКОВА, Бориса ЧЕРНОВА... Архитекторов, художников, специалистов по муциальному экспонированию. Так что же, снова «становясь на горло»?

Похоже, комиссии, проверяющие-принимающие, исходят в своих суждениях из бесхитростного «нравится — не нравится». Ну, никак не нравится им стилизованные тени на стенах и потолке, не по нутру уличная

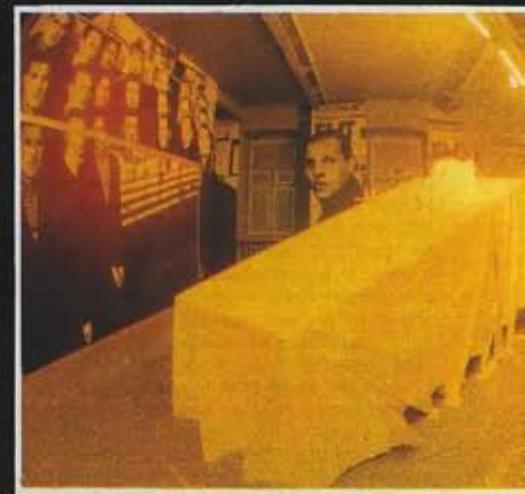
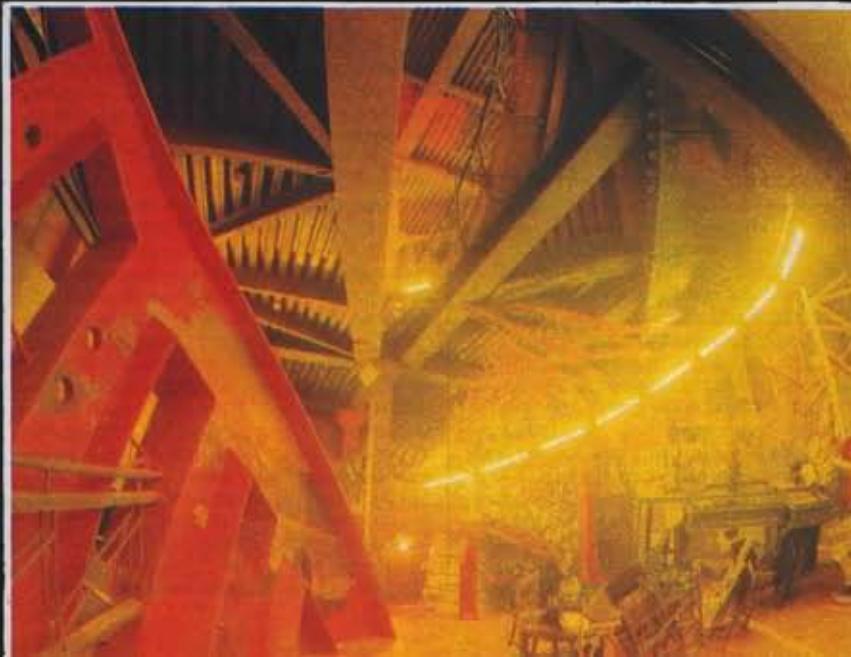
ОЙ-С ЖИВЫИ...

витрина, что вводит посетителей в мир поэта,— лучше снести ее и высадить тут травку, цветочки... Почему не явственно прославление «отечества, которое есть и трижды которое будет»?

— Порой судят об искусстве на арифметическом уровне: или — или. Разве можно без полутона? Ведь рассказываем о жизни поэта, а не бухгалтера...

Понимаю горячность Светланы Ефимовны.

...Выхожу в солнечный день не из музейной тиши, а из реальности — в реальность. Под ногами брусчатка, перед глазами — скульптурный портрет поэта (работа лауреата Ленинской премии Юрия Орехова) и та самая, руганная витрина: ладони, вздернутые в единогласном одобрении-с; слоники в мутной, засты

шей реке мещанского быта: одряхлевший бульдог, охраняющий госбюрократию... И — летящие сквозь время жестяные листки нашего летоисчисления: 1917, 1924, 1937, 1956, 1985... Боль, горечь, надежда...

И слышится через десятилетия такое наущное сейчас: «...чтоб в лоб, а не пяяться, критика дрянью косила. И это лучшее из доказательств нашей чистоты и силы!»

Так-то вот. Живой — с живыми!

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

✉

...Автору в течение нескольких дней была предоставлена возможность посетить флагман Военно-Морского Флота крейсер «Киев» на Северном флоте. По результатам этого посещения он изложил свое видение проблем службы и быта военных моряков, коснулся центрального комплекса проблем, от ремонта боевых кораблей и до организации быта и досуга личного состава. В этой связи у нас возникла потребность дополнительно рассмотреть острые проблемы, затронутые в статье, тем более редакция любезно приглашает профессиональных военных к серьезному разговору об армии и флоте, их роли и месте в обществе.

Вызывает, мягко говоря, недоумение то, что вся система боевой и мобилизационной готовности, та деятельность, ради которой, собственно, и создана военная организация в мирное время, называется ни больше ни меньше «ратной суматохой». Как же это понимать? Для автора главные, жизненно важные вопросы деятельности коллектива, каждого военнослужащего всего лишь второстепенные сюжеты, лишь «восторженные описания». Итак, с самого начала телега поставлена впереди лошади.

Хотелось бы спросить И. Кононова: кто же вас заставляет восторгаться чрез силу тем, во что не вники, чего не знаете?

...Так что же все-таки интересует автора? Может быть, конкретные люди, комсомольцы и молодежь? Свежо предание, да верится с трудом. На всю статью три фамилии: земляка автора матроса А. Ковалева, командира корабля и члена военного совета — начальника Политического управления Северного флота. Ну как же без этого! Ведь общался с людьми в столь высоких сферах, такой высокой ответственности, как же тут не проявить смелость и не сорвать восхищение, восхищения близких. Вернемся все же к нашим «баранам» (по Кононову). Так где же люди? Люди есть, но они существуют сами по себе. Боевая техника тоже сама по себе. Человек, воин в деле, в боевой деятельности не получился. И все только потому, что Кононова не пустили в море. Но подскажем автору, что матрос, мичман, офицер в действии, в обеспечении боевой готовности, дисциплины и организованности — это и есть сама жизнь, независимо от того, где находится корабль. За более чем десятилетний срок своего существования авианосный крейсер «Киев» подготовил тысячи специалистов для себя и других кораблей флота. В 1985 году корабль первым из надводных кораблей ВМФ СССР в послевоенный период за большие заслуги в вооруженной защите социалистической Родины награжден орденом Красного Знамени. На сегодняшний день за 1310 ходовых дней кораблем пройдено более 230 тысяч морских миль, что равно 10 кругосветным путешествиям. За скучными цифрами статистики стоит геройзм и мужество моряков и летчиков морской авиации. Боевая готовность в море не шутка, не абстракция.

Правда, для автора это лишь громкие слова, «горячка боевых учений», «идеологическая накачка на народном добре, ибо матрос гробит технику». И все тут! Мы не ратуем за лозунги-рекламный характер материалов не только по флоту — по любой области нашей полити-

ческой, экономической и социальной жизни. Нет. В данном случае речь идет об объективном освещении напряженной жизни и деятельности флота со всеми достоинствами и недостатками, противоречиями и зависимостями. Ведь это надо видеть, анализировать и не валить все в кучу.

Например, ставится вопрос о строительстве и развитии военно-морской базы, решении жилищных проблем, свободного времени офицеров и мичманов, качестве текущего и капитального ремонта кораблей и т. д. Трудно не согласиться с актуальностью повседневных задач флота. Однако, судя по материалам, получается, что никто и рассматривать эти проблемы не собирается. Военные если и пытаются что-то решить, то делают все необдуманно. Денег ведь много, вот, мол, и бросают их на ветер. Так описан «инцидент» со строительством причала для крейсера «Киев», который на самом деле существует лишь в разыгрывшемся воображении корреспондента и тех, кто ему эту информацию подсунул.

Или взять жилищную проблему. Конечно, она существует. Где ее нет? Вооруженные Силы не исключение. Но даже здесь автор передергивает факты, пытаясь выдать желаемое за действительное. Мы не будем говорить за весь флот. Возьмем тот же крейсер «Киев», который находится в поле нашего внимания. В 1985 году было 120 бесквартирных. В настоящее время 24. Ждут жилье в очереди, как правило, не более года. ...Многое еще предстоит построить, реконструировать и улучшить, это понятно. Но, не вникнув в технологию финансирования и строительства, автор усиливает акценты на факте, на проблеме, а не анализирует процесс жизни.

...Самый острый вопрос — это вопрос о рабочем дне офицера. Это проблема проблем. Сразу успокоим автора: об основном завоевании трудящихся — восьмичасовом рабочем дне — знает каждый начальник и его подчиненный. Информированы на флоте и о двух выходных днях, о чем автор скромно умолчал. Дело достаточно серьезное. А у автора, по нашему мнению, легковесный подход, что, мол, кто-то где-то в кабинете устанавливает свои законы. Стоит, мол, только поставить зарвавшихся командиров на место — и вопрос исчерпан, решен. Товарищ вновь попутал божий дар с яичницей. ...Служебное время офицера — это тот же непрерывный процесс отливки стали на производстве с двух- или трехсменным режимом работы. С той разницей, что вместо стали выплавляются бдительность и боеготовность и формируются главные морально-боевые качества людей... «Рабочий день» офицера и мичмана связан с основным завоеванием трудящихся не прямо, а косвенно, опосредуется боевой, морской и технической готовностью корабля, воспитанием и обучением личного состава. Уложить его в 8 часов регламентировано от «а» до «я» — мечта неисправимых фантазеров.

...Не зря говорят — не зная броду, не лезь в воду. Можно замочить не только ноги, но и подмочить свою профессиональную репутацию, что гораздо серьезней для авторитета уважаемого журнала. Примерно так получилось у корреспондента с анализом конкурсов в военно-морские училища. Спрашивается: где, в каком году, в какие училища эти конкурсы падали?! То же самое со «злополучным» французским эсмин-

цем. Если для автора боевая служба — это прогулка по Средиземному морю от ничего делать, то для экипажа это несколько другое, совсем противоположное. И взаимоотношения с представителями других флотов в этот период регламентируются отнюдь не личными желаниями командира и положениями о порядке деловых и дружественных визитов. Хотя по-человечески понять стремление автора и отдельных «командиров от инфanterии» устроить братание с вероятным противником во время взаимного противостояния можно. Чего там мелочиться, кутить так кутить.

...Один из самых злободневных и больших вопросов на флоте, затронутых автором, — это ремонт и обслуживание техники и вооружения. Вот что по этому поводу нам высказал начальник завода, где ныне ремонтируется «Киев», капитан 1 ранга Панибратец Е. П.: «Идея, освещенная в статье, по ремонту кораблей по американскому образцу не нова. Весь вопрос в реализации такого подхода. А это уже проблемы экономические и социальные, связанные в тугой узел народного хозяйства страны... Что касается ремонта в течение 6—8 месяцев, можно сказать следующее. Сегодня для этого требуется длительная подготовка, в течение 2—3 лет. Иметь все необходимое при наших «сбоях» со снабжением — это проблематично...»

В дополнение к сказанному отметим, что с постановкой корабля в ремонт боевая жизнь не прекращается... Личный состав не просто «бегает с красками по кораблю», как это дело понимают некоторые, а осваивает в ходе ремонта ту технику, с которой ему придется потом работать в море.

Больше всего возмущений среди личного состава вызвали оценки по поводу того, что на флоте не надо думать, якобы «этого просто не требуется, более того, не приветствуется». Даже земляк корреспондента Саша Ковалев, с которым у него состоялись откровенные беседы, выразил недоумение. Сам Саша, несмотря на «рутину обстановки», показанную в статье, собирается поступать в высшее военное учебное заведение. Вот и получается, что в материале концы с концами не сходятся. Не сходятся концы с концами и в рассуждениях о выполнении распорядка дня, об организации политической учебы, строевой подготовки и многого другого...

Флотская служба предполагает уставную организацию, единобразие уклада жизни и быта личного состава, дисциплину и организованность, наличие единонаучия. Без этого и многого другого нет армии, флота, нет организации, нет победы. Прописные истины! — скажет читатель. Да, прописные. Приходится апеллировать к этим прописным истинам, когда кто-то пытается подложить под них мину замедленного действия. Пытается поставить знак равенства между уставом, единонаучием и дубиной, между приказом и культом приказа, между решением и мнением командира, «доводящим до бездумности»... Однако этим автор не ограничивается. От «дубин» он переходит к обоснованию концепции неуставных взаимоотношений. Одно место из текста в связи с этим заслуживает особого внимания. Прочитаем полностью: «Субординация, доходящая до пресмыкательства (! — Авт.), кульп приказа, доводящий до бездумности, — это вос-

питание по-армейски. И это «воспитание» я бы назвал так: унижение по уставу — «уставняк». (И далее самое интересное.) Протест против «уставняка», выраженный в активной форме, проецируется на отношения между матросами и называется «годковщиной»; пассивная же форма рождает тихий саботаж распоряжений командира, изнаружающие конфликты между старшими и младшими по званию».

Вот это перлы! В самом деле — Америка... в районе Кольского залива. Мы согласны с тем, что в обществе иногда появляются экстремистские тенденции поставить все с головы на ноги, но зачем пытаться все не на ноги, а на то место, которое находится чуть ниже спины? С какой целью?

...Наша точка зрения такова. Неуставные взаимоотношения по своим социально-психологическим механизмам адекватны аналогичным явлениям в школе, ПТУ... В воинских коллективах эти процессы имеют свою специфику, своеобразное преломление через «коэффициент» особых условий жизни и быта личного состава... Многие учёные, общественные деятели, командиры и политработники понимают, что искоренить неуставные взаимоотношения можно лишь на путях совместных усилий. Может быть, имеет смысл организовать, хотя бы на базе того же журнала «Смена», дискуссионный клуб и периодически публиковать его материалы. Возможен и другой подход, например, обмен публикациями между «Морским сборником», флотской газетой и журналом «Смена». Вариантов много. Давайте подумаем.

...В последнее время много энергии, споров отдается дискуссии о том, нужна ли нам профессиональная армия. Автор коснулся и этой темы. Для конкретного разговора нужна всеобъемлющая информация, серьезные научные разработки, обоснования, сравнения и изучение опыта других стран, эксперименты, а не пожелания интендантов. По нашему мнению, в рамках журнала «Смена» эту проблему сегодня, конечно, можно поднимать, но нужно это делать при соответствующей подготовке. Ломать не строить, говорить не значит знать.

В заключение мы хотели бы сказать о том, что актуальность поднятых и «освещенных» в статье вопросов не вызывает сомнения. Мы не претендуем на истину в последней инстанции. У нас, как и у каждого офицера, мичмана, матроса флота, болит душа за те или иные недостатки в стране и ее Вооруженных Силах... Но наибольший вред приносит словоблудие, когда на словах говорят одно, делают другое. Когда не видят положительного, хорошего, даже в откровенности личного состава усматривают подвох и обо всем судят через кривое зеркало скептицизма и недоверия...

**В. СЕЛЕЗНЕВ, капитан 1 ранга,
В. МАКАРОВ, подполковник**

ОТ РЕДАКЦИИ. Этот отклик на очерк И. Кононова «У матросов есть вопросы» («Смена» № 5, 1989 г.) мы публикуем в сокращенном, фрагментарном виде лишь из-за недостатка журнальной площади.

Мы не меняем ни стилистику письма, ни его полемической направленности. Все критические замечания в адрес автора и публикации (даже если они и заведомо спорные) сохранены.

✉

Не хотелось бы ставить себя в исключительное положение, но мне было особенно интересно читать статью «У матросов есть вопросы», потому что речь в ней шла о крейсере «Киев», которым я командовал в конце 70-х — начале 80-х годов. Это был последний из пяти боевых кораблей, где я был командиром, после него — учеба в академии, командные должности на уровне эскадры, флота. Всего более 30 лет службы во флоте, и это, я думаю, дает мне право высказать свою точку зрения как на статью, так и на некоторые проблемы флота в целом.

Я не готов «подписываться под каждым словом» статьи, как это проскальзывает в некоторых письмах-откликах, но утверждаю, что, за исключением некоторых неточностей, все изложенное в ней — правда, как ни прискорбно в этом признаться. Я не считаю возможным и нужным оспаривать какое-либо из положений статьи, и единственное, что мне хотелось бы, — это дополнить материал фактами, о которых И. Кононов не мог знать, а также некоторыми личными соображениями как профессионала.

Главное требование, которое предъявляется к армии и флоту, — боеготовность. После объявления о сокращении наших Вооруженных Сил на 500 тысяч человек возникает естественный вопрос: «А не скажется ли это на боеготовности?» «Ничуть», — уверяют те, кто должен отвечать на такие вопросы, в основном высшие военные, — «мы компенсируем уменьшение численности улучшением качества боевой подготовки».

Ответ достаточно логичный, но возникает следующий вопрос: «А почему нужно было ждать сокращения, чтобы улучшить это качество?» Вопрос этот уже из разряда риторических, потому что толкового ответа на него никто не дает.

Боевая подготовка держится на двух китах: собственно боевой учебе лично-го состава и уровне материально-технического обеспечения. Я не буду говорить о Вооруженных Силах в целом, коснувшись лишь хорошо знакомого мне флота, тем более, что глубоко убежден в глобальности этой проблемы.

Почти всю боевую подготовку флота можно смело характеризовать словом «липа» — это то, что в действительности существует и что передается от низовых звеньев до высшего командования, а от него — в правительство. Создание официального отчетного благополучия — вот основное занятие команда любого уровня. А для этого все средства хороши. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В систему боевой подготовки входят такие упражнения, как отражение ракетной атаки противника и ракетная атака крылатыми ракетами. В реальной боевой обстановке командир корабля в море не может точно знать, когда, с какого направления, какими силами и какая атака противника последует. Действительно, трудно ожидать, что противник сообщит обо всем этом по телефону. Командир лишь может предполагать наиболее вероятный сектор его появления, время (с разбросом в несколько часов) и т. д. А качество учебы как раз и достигается максимальным приближением к реальному бою. Но в действительности командир заранее

знает все: время пуска ракеты-мишени (до секунды), направление (до градуса), тип мишени и, конечно, параметры (высоту, скорость). Естественно, он не должен этого знать, но нет на флоте такого корабля, командир которого еще за две недели до стрельбы не имел бы полной информации. Почему, откуда ему все известно? Дело в том, что результаты ракетной стрельбы далеко не безразличны и командиру соединения, и командующему флотом. От совокупности этих результатов за год во многом зависит их «спокойная» жизнь и карьера. Какому командиру нужно, чтобы на совещании у вышестоящего начальства его «мурлыкли» за то, что ракета ушла не в ту сторону? Вот и происходит такая «случайная», вроде никому не известная «утечка информации». И в результате: «Попали?? Молодцы!!» А все, что нужно было сделать, — это заранее известные параметры в ЭВМ, которая управляет всеми ракетными комплексами, и после этого вся стрельба — сплошная бутафория. Можно на мостице песни петь или командовать совершеннейшую чушь, вроде: «По Зимнему бронебойным...» Все зависит только от состояния и исправности техники. Кстати, и технику эту к стрельбе готовят в основном не корабельный состав.

Бывают, правда, случаи, что упражнение не выполняется. Но это тоже не беда: есть карты, на картах (для отчета) нарисуем «все, как надо» и получим свое «отлично».

Естественно, любой флотский офицер знает об этой халтуре, кое-что даже «задает вопросы», но командование всегда оправдывается ссылками на технику безопасности. «А вдруг?..»

На «Киеве» я как командир месяцами не мог выполнить какого-либо упражнения, связанного с полетами авиации. Кораблем командую я, а самолетами на корабле — другое ведомство. И командающему BBC тоже спокойней спится, когда самолеты в ангарах, а не в небе. «Полеты не разрешаю!» — обычный приказ летчикам, и план боевой учебы летит к черту при ясном небе и штиле на море. «А вдруг?..» Но в свой вышестоящий штаб он шлет подробные отчеты о «совершенствовании боевого мастерства» — ту же «липу».

Показательно и отношение к боевой подготовке со стороны командования. Я не припомню случая, чтобы командр корабля имел крупные неприятности из-за провалов (их не бывает — для чего же отчетность?) в этой области. Но зато не дай бог «неуставняк» на корабле или еще какой «грубый проступок!» Тут уж не помогут никакие отличные оценки за стрельбы.

Говоря об уровне и качестве боеготовности, нельзя не сказать о ее материально-техническом обеспечении, то есть о технике, снабжении, ремонте, тыле.

В США на один доллар, вложенный в боевой корабль, тратят 3 доллара на его обеспечение, то есть на судоремонт, тыловые службы, базирование, подготовку кадров. Я не знаю точных цифр наших затрат на аналогичные вещи, но по опыту сужу, что они крайне незначительны. Попробую доказать.

Боевой корабль должен проходить очередной ремонт через определенный срок после начала эксплуатации. Я не помню, чтобы установленные сроки ремонта выполнялись. Идет бесконечная их корректировка.

По плану ремонта «Киева» в смету

было включено около 300 позиций (замена агрегатов, узлов, их капитальный ремонт и пр.). Документация была представлена заместителю главкома — начальнику Главного технического управления. «Что? Почему такой большой срок?? А кто будет на боевую службу ходить?!! Немедленно план и смета были переделаны. Из 300 позиций выбросили самое существенное, наиболее трудоемкое и оставили около 120 позиций «мелочевки». Зато сроки сократились вдвое. Что и требовалось доказать. Но качество...

Я вообще не говорю о том, что только у нас существует такой идиотизм, при котором корабль в шторм должен выходить в открытое море, — нет базирования. Из-за отсутствия «Киев» уже дважды был на грани ЧП. Одно из этих ЧП могло произойти из-за отказа турбогенератора, который выслужил все положенные сроки и должен был быть заменен во время ремонта. Но вместо этого его «отремонтировали», что и сказалось в самой экстремальной ситуации.

И если бы такое случалось только с «Киевом»! Из-за отсутствия настоящего судоремонта находятся в состоянии, далеком от идеала, боевые корабли, что и доказывает серия аварий на подводных лодках. А о скольких мы ничего не знаем!..

Резонный вопрос: почему дело обстоит таким образом? Предыдущий главком ВМФ Горшков сделал Северный флот одним из крупнейших по количеству кораблей в мире. Как ему это удалось при почти равнозначных бюджетных ассигнованиях? Смотря на что тратить деньги. Можно вложить один рубль в строительство нового корабля и три — в его обслуживание, тогда система будет нормально функционировать. Можно и наоборот, что и принято у нас. Но неужели командованию не видна вся пагубность такой политики? Конечно, видна, но ведь своя рубашка ближе к телу. Дело в том, что главком ВМФ отчитывается перед правительством за боевые единицы, то есть за новые корабли. Об обеспечении его никто не спрашивает, это как бы само собой разумеется. Что для него лучше и выгоднее: сказать, что построено 10 новых боевых единиц, или построить боевой корабль и реконструировать 3 судоремонтных завода и 5 причалов? За что будут ордена, звания, стабильность служебного положения? Понятно, за что.

Несколько слов о таком понятии, как тыловое обеспечение. В приложении к тому же «Киеву» оно имеет очень абстрактное значение. Вот простой пример: загрузка продуктов питания, боезапаса и топлива. Во всех флотах мира тыловое обеспечение построено по принципу: все к борту. Во всех, но не на Краснознаменном Северном. Каждое утро 30 человек из команды сходят на берег и загружают продукты со складов на баржу. Затем баржа подходит к кораблю, и продукты сгруживаются на приставку — плавучую пристань, пришвартованную к борту. После этого человек 150 матросов начинают растигивать все привезенное по кладовым. На это уходит почти целый день. Это — на рейде, а настоящая головная боль начинается в походе.

Наши корабли не имеют передовых баз, где можно спокойно восполнить запас продовольствия и топлива, поэтому этот процесс происходит в открытом море во время движения. Впрочем, это

обычная практика военных флотов других стран, но те укомплектованы специальными судами снабжения, рефрижераторами, танкерами. Именно специальными, приспособленными для взаимодействия с военными кораблями. Такое судно «присасывается» к авианосцу трубопроводами, по которым идет горючее, вода; сухими путями — для продуктов питания, боеприпасов. Таких трубопроводов и сухих путей — 5—6, и вся операция полной заправки занимает от силы 2 часа, причем авианосец и танкер движутся параллельно со скоростью 14—16узлов.

У нас специализированных судов нет вообще. Военные берут танкер, скажем, для доставки фруктов и овощей во время похода в Средиземное море. В иностранном порту танкер набивается за валюту этими продуктами и, пока он идет под жарким южным солнцем, половина этого добра превращается в отбросы. Естественно, ведь это не рефрижератор.

Кроме того, хотя на «Киеве» есть сухие и топливные дороги, у них нет аналога ни на одном танкере или судне снабжения, поэтому на заправку уйдет такое количество времени, что вряд ли противник в реальном бою позволит судам идти борт к борту так долго. Да и безопасности плавания это не слишком-то способствует.

Я намеренно остановился на самых болезненных с точки зрения боевой готовности проблемах, но это не значит, что в других областях все прекрасно. Можно многое сказать и о качестве подготовки офицеров, и о боевой учебе матросов, и о многом другом. Мне хочется надеяться, что пора шапок-закидательских настроений прошла и что самое время посмотреть правде в глаза, потому что ложь, сопровождающая жизнь армии и флота на каждом шагу, может слишком дорого стоить.

**В. ПЫКОВ,
капитан 1 ранга**

ОТ РЕДАКЦИИ. В дополнение к этим двум письмам мы посчитали необходимым привести еще одно, которое, на наш взгляд, может быть дополнительным штрихом к разговору об армии.

«Пишут вам моряки Краснознаменного крейсера «Киев» — того самого, о котором шла речь в статье «У матросов есть вопросы». Хочется поблагодарить автора и редакцию за эту статью. До этого мы читали лишь сплошные заметки, вызывавшие горькую ironию, а это — первая публикация, пролившая истинный свет на нашу действительность. Почти все в ней, за исключением незначительных неточностей, правильно. Жаль, что И. Кононов пробыл у нас так мало времени, а то он смог бы написать материал и покруче.

Хотим вас предупредить, если вы получите гневное письмо по поводу этой статьи якобы от экипажа корабля, не придавайте ему большого значения. Это письмо «липовое». Оно может быть только от нашего командования, которое очень на вас обиделось. Наши доблестные политработники развернули широкую пропаганду против вас, подстрекали на написание коллективного негодующего письма, но мы эту «инициативу» не поддержали. Так что знайте об этом.

Можем собрать сотни подписей под этим письмом, да не хочется рисковать — будут нехорошие для нас последствия». (Письмо подписано, подпись в редакции имеются.)

Евгений ЧЕРНОСВИТОВ

Рина Грушева умерла 12 марта 1988 года в районной больнице небольшого дальневосточного городка от острого лейкоза в возрасте 18 лет. Паталоганатомическое исследование подтвердило диагноз, выставленный лечащими врачами. Летальная комиссия, возглавляемая приглашенным из краевого центра профессором, признала действия медиков по спасению Рины правильными.

Рину похоронили 16 марта на кладбище, расположившемся на самой большой сопке, откуда в ясный день хорошо виден весь город.

Грушевы приехали на Дальний Восток год назад, и в городе их почти не знали. И все же смерть Рины всколыхнула город, и поползли разные слухи о СПИДЕ, о наркотиках и, конечно, о несчастной любви.

К концу месяца в городе сложилась явно нездоровья атмосфера вокруг смерти Рины. Масло в огонь подлили местная печать и радио, выступившие одновременно по теме «Все ли у нас благополучно в здравоохранении?», где в качестве примера «явного неблагополучия» упоминалась смерть Рины Грушевой. Грушевы оказались в центре внимания. Только необыкновенное мужество и выдержка этих людей, молчаливо

Почти документальная история

Чертовщина

переживавших свое горе, сдерживали готовые к выплеску людские эмоции. На стенах домов появилось имя Рины на английском языке. Пятнадцатилетние девочки стали носить прическу «а-ля Рина» и красить волосы в ярко-рыжий цвет (как у Рины). Смерть Рины будоражила людей до начала июня гораздо больше, чем свежий номер «Огонька», отсутствие сахара, стирального порошка, мыла и пр., и пр., и пр. Но пришло лето, в городе стало жарко, и о Рине забыли.

10 июля к прокурору города пришел отец Рины, Альберт Владимирович (40 лет, слесарь-сантехник), и положил на стол заявление с просьбой произвести судебно-медицинскую экспертизу в связи со смертью дочери, ибо, как было написано в заявлении, «Рина умерла не от лейкоза, а была задушена». Оставил заявление без дополнительных разъяснений, Грушев ушел, сказав только, что «в случае отказа обратится к прокурору края, а будет нужно, и Республики».

Прокурор поостерегся принять решение самолично: позвонил секретарю горкома. Через час у последнего в кабинете собралась экстренная комиссия в составе секретаря горкома, прокурора, заместителя председателя горисполкома, начальника милиции и главного врача центральной районной больницы. Решение было принято единогласно: назначить судебно-медицинское исследование, пригласив эксперта из краевого бюро, а также профессора, возглавлявшего летальную комиссию. Экстремацию решили осуществить 12 июля. Грушеву позвонил сам секретарь, долго разговаривал с ним по телефону, сообщил, что «просьба его будет удовлетворена», и взял с него слово, что «в интересах следствия Грушевы будут молчать».

12 июля сопка была оцеплена отрядом милиции, могилу разрыли, гроб вынули и перевезли в морг — небольшое здание, дверь которого закрывается на висячий замок. Вскрытие трупа было назначено на 13 июля. Все это произвели оперативно и тихо — город ничего не узнал. Был составлен акт исследования и заключение: «Смерть Рины Грушевой, 1970 года рождения, наступила в результате острого лейкоза». Никаких признаков удушения найдено не было. В 10 часов Рину вновь похоронили. Грушевых пригласили в прокуратуру и зачитали заключение эксперта. Мать тихо плакала, Альберт Владимирович выслушал молча. На вопрос прокурора, «удовлетворен ли он результатом экспертизы?», ответил «да» и пообещал,

что «больше следственные органы беспокоить не будут». На этом и разошлись.

20 июля, вечером, жительница города Кирина Мария Петровна понесла мусор во двор. Как она потом рассказывала, у нее закружилась голова, минут пять она постояла в подъезде, затем подошла к мусорному ящику, подняла крышку и... «О, господи, в ящике, на груде мусора, лежала голая девушка... как большая кукла!.. Тело ее было сплошь в синих пятнах, а в руках зажата иконка...» Мария Петровна бросила ведро, закричала и рванулась бежать. На лестничной площадке ее остановил соседский парнишка, Виктор, 16 лет, учащийся СПТУ. С трудом разобрал, что напугало бабку Марью, он выскочил во двор. В мусорном ящике, как он потом рассказывал, никакой «голой девочки и куклы не было». Врач, вызванный соседями к Марии Петровне, кроме испуга, никаких расстройств у нее не обнаружил, но на всякий случай велел два дня полежать в постели и попринимать успокаивающее.

На другой день Виктор рассказал друзьям, что у его соседки «крыша поехала — голую девочку в мусорном ящике видела». Проходивший мимо Василий Петрович, водитель автобуса, спросил: «И красивая была девочка?» Виктор, не задумываясь, ответил: «Как Рина Грушева!»

22 июля Виктор пришел с работы (он проходил практику на цементном заводе) уставший и разбитый. Было около 18 часов. Плюхнулся, не переодеваясь, на кушетку в прихожей и тут же уснул. Сколько спал — не знает. Проснулся от сильного хохота. Преодолевая свинцовую тяжесть в теле, открыл глаза — смеялись в большой комнате, дверь в которую была открыта настежь. По комнате гулял сквозняк, ветер трепал тюль на окне. Витя приподнялся: в проеме балконной двери, за колыхающимся тюлем, стояла высокая стройная девушка. Расчесанные беспорядком волосы были одного цвета с закатным солнцем. Она хохотала. «Ты — Рина Грушева?» — спросил Витя. «А ты алкоголик, сын алкоголика», — прохоротала в ответ девушка, — и неделю назад нюхал бензин в подвале». «Ты — Рина, я видел тебя на дискотеке, но ты... ты ведь мертвая!» Хохот прекратился. «Мертвая... мертвая...» — тихо повторяла девушка, пяясь к балкону. «Мертвая», — еще раз услышал Витя, прежде чем она исчезла.

Об этом видении Витя никому не рассказал. Пить

прекратил, стал задумчив. Изменилось его отношение к родителям: стал мягким, внимательным, заботливым и даже нежным. С тех пор спать днем никогда не ложится. Ночью спит со светом.

На следующий день после встречи с ребятами, от которых услышал о голой девочке в мусорном ящике, Василий Петрович вел свой автобус по маршруту «Аэропорт — центр — морской порт». Остановившись на «Стрелковой» и объявляя остановку, он вдруг неожиданно для себя произнес: «В ста метрах отсюда проживает Рина Грушева». Сказал это, испугался и оглянулся в салон — несколько пассажиров дремали на своих сиденьях, жара сморила. Автобус был почти пуст. «Чертовщина какая-то», — подумал Василий Петрович. — Слава Богу, что никто не услышал. Ну, ладно, в голову всякая всячина лезет... Но за язык-то кто дернует?» Василий Петрович тяжело вздохнул: «В отпуск пора». Мысли его перенеслись на озеро, где он увидел себя с удочкой в камышах, и о своей «оплощенности» тут же навсегда забыл.

Оля Шушина, 16 лет, ничем не отличалась от своих сверстниц. Она перешла в 10-й класс и в июле проходила школьную практику на хлебокомбинате. Вставала на работу в 7 часов, с трудом поднималась с постели, как сомнамбула брела в ванную и только там просыпалась. Так и сегодня, 23 июля. Расчесывая свои густые черные волосы и позевывая перед зеркалом, она вдруг опешила: из зеркала на нее глядела красивая девушка с огненно-рыжими волосами. Оля стала судорожно протирать глаза — девушка из зеркала повторила ее движения. Она опустила руки — то же самое проделала одновременно с ней и девушка. Оля высунула язык. «Отражение» сделало то же самое. Язык у «отражения» был длинный, узкий, сухой, с прикусенным кончиком. Оля убрала язык, закрыла рот и улыбнулась. «Отражение» ее скопировало.

Сколько простояла Оля у зеркала, она не помнит. Очнулась от наваждения, услышав нервный стук в дверь и голос мамы: «Поторопись, Оля, опаздываешь на работу!» «Прощай, подруга», — бросила Оля своему «отражению» и вышла из ванной.

Она никому не рассказывала о своем видении и была почти счастлива, ибо почувствовала в себе что-то новое, значительное, настоящее. День прошел, как обычно. К вечеру Оля была уже прежней Олей, уставшей и недовольной всем на свете. Подергалась

И. Пилищенко

Рисунок Игоря Пилищенко

ную никогда не видела. Вспомнила слухи, ходившие о ее смерти. Оле страшно захотелось увидеть, как выглядела Рина. Но как это сделать? К Грушевым идти неловко, да и под каким предлогом? «Кстати, — подумала Оля, — а где Рина похоронена?» Она прикусила губу: «Наверное, на сопке, где хоронят молодых и приезжих». И Оля решила пойти на кладбище.

На другой день, встав, как обычно, и пообщавшись со своим «отражением», Оля, вместо того чтобы идти на работу, пошла на сопку. День начинался жаркий. Зной еще только поднимался из земли, еще стелился теплым густым туманом. Громко звенели цикады. От травяного запаха кружилась голова, на душе было легко и чисто.

Могилу Рины Оля нашла быстро, еще издали увидела огромный портрет вместо памятника. Подошла и замерла — это было ее «отражение»! Лицо Рины на фотографии было строгое и очень сосредоточенное, не то что в зеркале в ванной. Платье — скромное, с большим накладным воротником и длинными рукавами. Косые лучи восходящего солнца упали на стекло, и в нем Оля увидела свое настоящее отражение. «Как мы непохожи», — подумала она печально. Затем сорвала несколько ромашек, растущих рядом с могилой, и положила к портрету Рины. Обратила внимание на то, что могила свежевырытая, даже глина еще не высокохла. «Странно, — подумала Оля, — ведь Рину похоронили весной». Но больше ей ни о чем не хотелось думать. Так, без мыслей, просидела она у могилы минут 10—15, затем встала и медленно, не оглядываясь, пошла домой. «Ну и что, будем жить вместе, Рина», — сказала она шепотом, закрывая калитку кладбищенской ограды.

Город, в котором умерла Рина Грушева, не имел достопримечательностей, хотя ему было несколько сот лет. Туристы посещали его редко. Летом один раз в месяц они приплывали на большом теплоходе с верховья реки. Прямо на причале они, как правило, делились на две группы: одна оставалась в городе, другая пересаживалась на маленькие тихоходные катера и уносилась к Лесному Озеру, где недавно была построена турбаза.

Владimir Nikolaevich Prokudin, бывший дальневосточный, ныне проживающий в Москве, всегда путешествовал один. Он выбрал, конечно, Лесное Озеро. Едва устроившись поудобнее на корме катерка, Влади-

мир Николаевич увидел красивую девушку, сидевшую напротив, вытянув стройные ноги. Среди туристов, приехавших на теплоходе, Владимир Николаевич ее не видел. «Такую нельзя не заметить и в столичной толпе, — подумал он. — Какие удивительно огненные волосы, какая артистическая небрежность в прическе... Точеный высокий лоб, тонкий греческий носик с трепещущими ноздрями, огромные синие глаза...» Он заглядился на девушку. — Вот только губы жуткие, словно со следами запекшейся крови, а сами обескровлены, мертвые... Как у вампира». Владимир Николаевич покривился. Была жара, все 30°, а девушка была одета в длинную зеленую юбку и такого же цвета блузку без рукавов, но с прямым, по самое горлышко, воротником. На тонкой изящной шее было массивное ожерелье из красных индийских камней. «Уж не Хозяйка ли это Медной горы?» — подумал с восхищением Владимир Николаевич. Девушка, заметив, что он рассматривает ее, посмотрела Владимиру Николаевичу прямо в глаза. Ему стало неловко за свою бесцеремонность, и он попытался что-то сказать, но девушка опередила: «Вместе, значит, к Лесному? Затем, улыбнувшись одними глазами, добавила: «Там хорошо, там воздух чистый». Они разговорились, как могут говорить случайные попутчики, плавущие к Лесному Озеру. Владимиру Николаевичу было легко с девушкой; возникло ощущение, что, разговаривая с ней, разговариваешь сам с собой, так быстро и свободно проникала она в душу, в самые затаенные ее уголки. От этого ощущения было приятно. Но спокойно не было. Что-то мешало, присутствовал какой-то дискомфорт. Чувства раздавливались. Когда катер пришвартовался к причалу Лесного Озера, Владимир Николаевич понял, что мешало ему в общении с Ксенией — от нее веяло холодом, не приятной прохладой, а именно холодом. Осознав это, он тут же нашел подходящее объяснение: «Девушка умна и нрава строгого», — хотя это никак не укладывалось в образ, рожденный от общения с ней.

Высадившись на берег Лесного Озера, они сразу же оторвались от группы. Владимир Николаевич повел Ксению на сопку с веселым названием «Дункин пуп». У подножия сопки протекал довольно широкий и очень глубокий ручей с темной прозрачной водой, которая была вкусна и ароматна от настоя трав и сброшенной

в дискотеке, выкурила сигарету «для гадости» и к часу вернулась домой. Утром встала как всегда в 7 часов, побрала в ванную и нисколько не удивилась, когда опять увидела в зеркале свое «отражение». Так Оля стала жить в двух лицах: одно, наружное, знали все окружающие, другое, внутреннее, видела только она, да и то лишь по утрам, когда причесывалась. А чувство нового в себе Оля оберегала, как маленький хрупкий росточек, набиравший с каждым днем силу. Мама тоже заметила в Оле некоторую перемену: походка стала более уверенной и женственной, жесты плавнее, голос глубже и мягче. «В женщину превращается подросток, — вздыхала она понимающе, — годы... Быстро летят годы, когда дети взрослеют!»

Однажды, возвращаясь домой из дискотеки, Оля услышала, как кто-то бежит за ней и кричит: «Рина! Подожди, Рина!» Она остановилась, оглянулась и увидала незнакомого мужчину. Тот тоже остановился как вкопанный, глядя на нее в упор. Затем, сняв и протерев очки, сказал: «Извините, ошибся!»

Эта встреча вызвала у Оли беспокойство. Она сразу вспомнила о Рине Грушевой, недавно умершей, кото-

прибрежными кустами черной смородины. Добравшись до ручья, Владимир Николаевич предложил Ксении разуться и окунуть в него ноги. Сам расстегнул рубашку и начал притираться, жмурясь то ли от удовольствия, то ли от лучей солнца, пробивающихся сквозь листву и хвою. Ксения села на огромный камень и начала болтать голыми ногами. Кругом стояла тишина. Наконец Владимир Николаевич промолвил: «Жаль, что у вас такая блузка и такое тяжелое ожерелье. Вода действительно восхитительна!» При этих словах лицо Ксении помрачнело и стало какое-то сухое. Она резко встала и сказала с нескрываемым раздражением: «Так мы идем на сопку?» Владимир Николаевич растерялся от такого оборота. Затем, не застегивая рубашку, взял Ксению за руку и стал подниматься на сопку. Ладонь ее была холодна, как лед. Поднимались медленно, раздвигая ветки кустарника, густо поросшего на склоне сопки. Не успели сделать и десяти шагов, как Ксения вскрикнула. Владимир Николаевич увидел, что ожерелье оборвалось, и Ксения, едва успев подхватить рассыпающиеся камни, крепко прижимала их к шее. Владимир Николаевич протянул к ней руки. Она резко повернулась и побежала вниз. Он растерялся и, ничего не понимая, закричал: «Ксения, куда вы? Куда же вы, подождите!» Но девушка уже скрылась в кустах. Постояв так несколько минут, Владимир Николаевич стал медленно спускаться к ручью. Там, где только что была Ксения, на ветке орешника, за которую заселилось ожерелье, висел длинный кусок скомканного бинта, пропитанный давно засохшей кровью...

Владимир Николаевич больше никогда не видел Ксению.

Несколько ночей подряд жители окраины видели из окон яркое пламя костра на вершине сопки, где размещалось кладбище. Об этом, естественно, узнали в ГОВД, но, наученные горьким опытом собственного бессилия перед «непонятными явлениями крайнего людского беспокойства», решили действовать осторожно. Ночью капитан милиции, оперуполномоченный уголовного розыска Спирина П. А., вооруженный японской кинокамерой с инфракрасным подсветом, пряталась за могильные плиты и кресты, притаился невдалеке от могилы Рины Грушевской. Да, костер пыпал именно на ее могиле! Вокруг костра прямо на земле тихо сидели 14 человек, медленно раскачиваясь с вытянутыми в сторону пламени руками. Губы шевелились, но слов не было слышно. «Молитву, что ли, творят?» — подумал оперуполномоченный и покрутил зачем-то огромный ус. Он не сразу заметил, что руки у «кружковцев» (как он успел их окрестить) были окровавлены (подтеки крови были потом хорошо видны при просмотре этой кладбищенской кинохроники, добытой капитаном милиции Спириным П. А.).

Оперуполномоченный сильно испугался, рука потянулась к кобуре пистолета, но тут он с досадой вспомнил, что брать оружие ему было запрещено. Мелькнула мысль: «Где жертва?» Рискнул и, оставив кинокамеру, подполз поближе к костру. Теперь, лежа за соседней надгробной плитой, он мог хорошо разглядеть лица «кружковцев». Несмотря на отблески пламени, они поражали своей мертвенно-бледной кожей. Он разобрал произносимые слова: «Рина! Возьми нашу кровь. Встань. Рина. Настал срок. Пусть будет так!» Покачиваясь в такт словам, «кружковцы» сжимали и разжимали кулаки, а из порезанных жил по вытянутым рукам выпекала к земле кровь.

Большинство «кружковцев» были подростками 15—16 лет, но среди них были юноша и девушка лет двадцати. Двоих Спирина узнал сразу: Витьку Матвеева, учащегося СПТУ, знакомого еще по детской комнате милиции, и Олю Шушину, свою соседку. «А она как здесь оказалась?» — искренне удивился капитан милиции. Он решил проследить до конца, чем все кончится, не вмешиваясь и не раскрывая себя. Кровь выпуклая около получаса, затем движения тел и кулаков прекратились. Спирину стало не по себе, когда, повернувшись лицом к портрету Рины, «кружковцы» жалобно завыли, как молодые волчата. Наконец, они замолчали. Дружно разбившись на пары и повернувшись лицом друг к другу, они вынули из карманов бинты и начали перевязывать израненные руки. По окончании процедуры все поднялись, затушили костер, выстроились в цепочку и не спеша ушли с кладбища. Странное это было зрелище! Темная цепочка медленно двигающихся людей с опущенными головами, едва волочивших ноги под ясной луной и яркими звездами, между залитыми лунным светом крестами и надгробными глыбами.

В городке милиции при просмотре заснятой Спириным кинопленки быстро идентифицировали 12 человек. Все они были местные: учащиеся школ, СПТУ, техникумов, двое рабочих. Только двоих, парня лет 22 и девушку, опознать не могли.

На следующую ночь в засаде находилась опергруппа из пяти человек. Костер обычно вспыхивал около часа. На сей раз и в 3 часа никто на могиле Рины Грушевской не появился. Поняли, что засада провалилась.

4 сентября в горисполком обратилась группа граждан, попросившая зарегистрировать их как « дальневосточный комитет». Устав и программу этого комитета

представил его лидер, Борис Яковлев. Несмотря на то, что Борис только начинал свой трудовой путь в качестве нарколога города, он был хорошо известен: семьянин, общественник. В частной беседе с работниками горисполкома он, между прочим, сказал: «Основная наша задача — перекрыть пути на Дальний Восток ринам грушевым». В этот же день в горкоме комсомола явились... «кружковцы», все 12 человек. Они заявили, что сформировали «альтернативный комсомол» и назвали его «Фронт Рины Грушевской». Устав и программу «Фронта» изложил лидер кружковцев — студент автодорожного техникума Юрий Новокрецнов. Инструктор горкома, принимая ребят, обратил внимание, что, несмотря на жару, все они были одеты в рубашки и блузки с длинными рукавами.

Бабка Марья чувствовала себя обделенной. Ведь после того, как она увидела голую девушку в мусорном ящике, внимания разных людей было ей предоставлено. Ее «интервью» по этому поводу было опубликовано в заводской многотиражке, приходил корреспондент из радио, записал ее рассказ на магнитофон. Обещал сообщить, когда передача «выйдет в эфир», но куда-то исчез, а фамилию его она не запомнила. Да, еще совсем недавно бабку Марью все уважали. Обидно, как быстро о ней забыли. Но куда обиднее, что народ потянулся в соседний двор к ее старой сопернице, «этой дурочке Катьке». Вот чем завлекала людей Екатерина Александровна Машкова, пенсионерка, по-другу-соперница и одногодка бабки Мары.

25 июля Екатерина Александровна случайно оказалась на площади Ленина, где увидела «надвигающуюся, как черная туча, толпу». Она быстро сообразила, что к чему, и юркнула в подъезд горкома, пробежала мимо оторопевшего милиционера, поднялась на последний шестой этаж и стала наблюдать за происходившими на площади событиями. От Екатерины Александровны все, кто хотел, могли узнать следующее. Она «своими глазами видела, как впереди толпы бежала Рина Грушевская... Волосы ее были, как пламя на голове, одета была в зеленое платье, расстегнутое на обнаженной груди... Рина махала рукой, увлекая за собой толпу, и кричала неземным голосом: «Волю даю, люди! Берите!»

Именно от этого видения у Екатерины Александровны потемнело в глазах, и она потеряла сознание. Очнулась в больнице, но не согласна с врачами, что перенесла сотрясение мозга.

Слушают «дурочку Катьку» и стар, и мал, и штатский, и служивый, и завидно, тяжко на душе у бабки Мары. «Совсем испортился народ,— вздыхает она,— и далась им эта голая Рина... Да и не в зеленом она была, а голая и синяками покрытая... Катька-дурочка соследу не разглядела. Вот двадцать лет назад в городе тоже ужасные дела творились. Один злодей, решив за что-то отомстить Советской власти, принял душить детей больших начальников... Сынка секретаря горкома задушил, дочку председателя горисполкома, Танюшку, племянницу начальника милиции... Подкараулил, выследил и задушил... Душил, чем попало,— чулком, полотенцем, подушкой... На суде сказал — «из-за мести». Месяц город жил в ужасе, но верили, что не уйдет он от праведного народного суда. Судили на площади Ленина, прямо под открытым небом, и никаких беспорядков в городе не было. Другие времена, другие люди!..»

Выступление профессора Шевелева на советско-американском симпозиуме психиатров, проходившем в Москве весной 1989 года, привлекло всеобщее внимание. Он говорил о психических эпидемиях — явлениях массового безумия, хорошо известных с древних времен. Он привел развернутую историческую справку о наиболее значительных и известных психических эпидемиях, захватывающих города, страны, даже целые континенты (Фивы — 10—8 вв. до н. э., древнегреческий Тиринф в начале второго тысячелетия до н. э., библейские Содом и Гоморра, ведовские процессы в средние века, охватившие Англию и европейские страны, «чумной бунт» 1771 года в Москве, «картофельный бунт» на Урале, шпиономания в 30-х годах и т. д.). Геннадий Иванович подчеркнул, что «причины психических эпидемий всегда объективны, но были ошибкой ограничивать их лишь социально-экономическими условиями... пора принять во внимание, что космос может вести с нами необъявленные метеорологические войны, вызывая, в частности, психические эпидемии».

Он раскрыл некоторые механизмы безумия и рассказал о путях воздействия на них и о клинике психической эпидемии: «...Зигмунд Фрейд, известный австрийский психотерапевт, раскрыл в нашей душе бессознательное и изучил способы воздействия на него. Он одним из первых серьезно заговорил о психопатологии обыденной жизни, проявляющейся в оговорках, описках, обмолвках. Это его заслуга. Но психические эпидемии — это тотальное проявление других «Я» в человеке — «призрака», «мертвеца», «зомби». При психических эпидемиях работают все три механизма чужого «Я»... Люди, собираясь в толпы, превращаются для себя и окружающих в этих оборотней-призраков, мертвцев, зомби... Да, призраки, мертвцы, зомби... Но мертвых больше...»

Эдуардас Межелайтис выпускает сборники стихов на родном языке почти ежегодно. И нет среди них похожих друг на друга. Вот и книга «Гномы» необычна. Речь в ней идет не о маленьких сказочных существах. Межелайтис попытался использовать древнегреческую форму, впрочем, с постоянным ее нарушением или разрушением. Это уж как угодно определить читателю. Написаны гномы без знаков препинания, порой слова расставлены как в зубчатой системе передач, где всяческое колесико может оказаться то вверху, то внизу.

Сам Эдуардас говорит: «...в интимных, дневникового характера самоизобличениях может быть обнаженной сердце поэта. Рисунок мгновений запечатлен методом светомрака. Двойность такой живописной манеры, думается, очевидна. На холсте книги отдельными точками и точечками цветов разбросаны гномы (гномическая поэзия существовала и в античной трагедии, и в европейской литературе). Давайте называть это поэтическим пантилизмом. Если отойти на шаг от такого холста, то, на мой взгляд, создается общая картина метафорического полотна».

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

- я не аскет и не святой
я проводник в пустыне
ищу оазис голубой
где зреет мысль как дыня
- махни рукой: не все есть злато
есть с царской ложки не вкусней
пусть лучше рубище в заплатах
чем позвоночник без костей
- в былое уходит все сущее
в фильтр это день настоящий
и через него мы пропущены
со строчкой написанной в ящик
- свобода слово это сами
как розу обольем слезами
взрастим цветок мечты извечной
он не обещан не завещан
- слишком рано зацветает вереск
не погибнем ли по одному
словно пчелы от голодной смерти?
нет: погибнем в этомном дыму
- я столько в жизни вынес честно
что может и снесу дөвесок?
- дозволено вам словом жалить
меня ж накрепко за jaki рот
здесь зависть мерзкой лапой
ржавой гармонии в полон берет
лотко за честь свою сражаясь
воскресну ли открою рот?
- духовную спираль ее падение
сопровождавшееся войнами
и волны
разматываю и как в сновидении
я вижу разрушение Персополя
как ялока верчу рукою глобус
падение спирали во вращении
остановить его хочу я чтобы
дух не подвергся саморазрушению

подобно римскому авгуру
по клину белых журавлей
летящих в облаках лазурной
предсказываю путь людем
вот жаворонок с песней бурной —
он топливо души моей! —
геометрической фигурой
висит над плоскостью полеи

и знаки в небе видят око
и сдержаньи слова мои
простыми слугами пророка
давно являются они

поэзия как бокс как драка —
арена кровью залита
есть мыши побеждай без страха
но есть другая правота:
коль мускул сердца вступит

в бой
то проиграет враг любой

попал комар мне в глаз охота
из чепухи той сотворить
проблему словно Дон Кихоту
не лучше б было просто жить
не чувствуя вокруг событий
происходящих извините
всему смеяться от души
знать: все забавы хороши

стихи судьба тяжки тускнею
взором
и как хребет не треснул у меня?
ночь длится ожиданье приговора
но каждый день с огнем играю я

посреди небытия и бытия
балансируем в душе пока есть
что-то
только чаще всех ругай и вина
рубим губам все и все еще
охотней
после нас хоть дыры в тебе
хоть потоп
и никто не крикнет а король-то
голый
и пока берется хапаем в живот
не ударил мерзко колоколом
голод

я сам как шаман знаю самое
во мках как ствол дубя лежу
и самость шаманская заново
бросает меня на межу
где мнимым искусством я

связан
арканом из злаков цветов
где мой наслаждается разум
но сбросить я путь готов
соль дикой пчелы

меломаном
глажком как шампанское пью
шаманю как Пан могиканин
и только вот так я живу
живу ооретаю теряю
на хмурю в заротах свой лоб
в ладонях я мхи растираю
а после меня хоть потоп

к чертям бумагу ручку и блокноты
и сердце с чувствами что толку в
них!
был заблокирован обыденной
работой
теперь могу смеяться за троих
жизнь собственную в виде
анекдота
поведать вам коль хотят
охота

■
не заржавела ты моя старая
да вот преодолеть уныния
в рабочей комнате тоска живет
надомником щеглом а я сижу
в уголу
вот жалуется мне — концерт
скрипичный начат
тогда как интенсивно стихи
слагал как раз
по сердцу бьет крылом и стонет
горько плачет
и — Боже упаси! — не выключает
ли глаз
созрел он земляникою и ей пора
в уста
тоска меня преследует как дьявол
Фауста

■
в венах кровь жизнь завет
что есть мочи
звонким голосом словно дитя
либо атомный гриб смерть
пророчит
издевательски глобус вертят
динозавром китом и драконом
ищет жертву и глобус трещит
полигонов отвратны жаргоны
притяжение земное страшит

■
чего гордишься Человек?
как черт я от тебя устал
на ринге был ты лучше всех
чего ж все время вопрошал
кто лучше? Скажем Червь Цветок
кладбищенский Чертополох
неужто хуже? видит Бог
что в будущем ты — их Кубок

■
какой пропра вложил пружину
в сердце
и механизм своей рукой завел
я даник времени я с ним
в соседстве
живу душа работает как вол
две стрелки движутся по
цифероплату
скользят как тени солнечных лучей
мне по лицу: ис ножницы
бесплатно
нить перережут в беге дней

■
нет назойливее телефона
но сейчас он молчит беззаконно
стиснув зубы свои как нарочно
о своем трубка думает молча
научился жить сней беззаботной
в лире твердых зубов сигарета —
птичий клюв не чиркнет ли

■
страстно
не услышу ли знакомое
«здравствуй!»?

■
да сила может одолеть железо
пламень
течение быстротекущих
дней и вод
но тот кто в человека бросил
злобно камень
опоры в мире никогда не обретет
ведь человек в несовершенном
нашем мире
единственный и несовершенный
компонент
и переделывает мир он как

■
квартиру
и совершенствованию форм
пределов нет
запустишь камнем в душу

наткнешься сам на каменную
стену

■
когда наступит и пребьет
последний час
о нажитом не вспомню очевидно
лишь будет жаль что девушкой
невинной
земля умчится из моих помехших
глаз
лишь будет жаль когда скользнет
последний луч
с глаз голубых как с бугорков
стеклянных
растает траурной свечой
но ты не мучь
себя; никто и не заметит
странный
улыбки что лицо ее face до ямы
осветит мне так стой у гроба
прямо

■
я ничего просить у неба
не стану стало все равно
звезда — дочь выпавшего снега
растаяла в руках давно

■
когда во мне кровь закипает
снова
и мир глаза не видят из-за
слез
меня наплевать он старый или
новый
я — раб я распрямляюсь
в полный рост
и превращаюсь в зверя встретив
зверя
и все на свете я переборю
ведь до сих пор я в идеалы верю
и терниами красными горю

■
я опоздал на свой последний
поезд
и понял к сожалению одно:
в духовной паутине вел я поиск
порвать ее уже мне не дано
святая душа она как
псевдосказка
что мол к перрону подойдет
состав
я ты средь реальс найдешь
подковку счастья
и толку что? — обычнейший
металл
лишь золотинка в нем блеснула
поздней
надеждою как выдумка твоя
да опоздал я на последний поезд
но слишком поздно это понял я

■
как прискучит в тесном
кабинете
выхожу на тракт широкий
здесь
сравниваю с высотой Тибета
и призывае и страданье... часть
жизни не выиграл и в сердце колет
но не проиграл в лимите дней
звездный ливень золотом иголок
увлажняет душу средь полей

■
а жизнь ни тяжела и ни легка
но и легка и тяжела наверно
ответа тут не даст наверняка
и график величин что переменны

но вдруг вмешался шут:
о ваша честь
забыли вы что середина есть

■
борьба мне за быт надоела
как цифры лет прожитых мной
хотел бы избавить я тело
от груза порхать над землей
отов я как птица к пареню
что делать с земным притяжением?

■
мы словно две различных ноты
я Да в ты звуши как Боль
ани отстранены в полете
как мы пока не сблизит боль
друг к другу рвущиеся лица
их нотный лист объединит
в нем разность и общему
стремится
крепка связующая нить
и дарит нас как высшим даром
гармония репертуара

■
я все сказал уже и все отметил
теперь ответа ожидаю — ветер!

■
я битве с ложью даже рад
и как Давид на Голиафа
я поднял руку и назад
не отступлю грозит пусть
плаха!
гигант чудовищно высок
неодолим и будто вечен
пробьет ли камешек висок
убогому бесчеловечью
Давид осилит Голиафа?
забудем мифы филианта

■
жизнь как веревка тянется
след мягкий вьет
а если кто и подтолкнуть
ее рискнет
тому пенька тугая шею обовьет
овцой заблеет горло перекосит
рот
не раз на пальцы обожженные
ты дул
не раз испытывали нас
на прочность скул
пусть жизнь плется сзади
петли кольца вьет
но что же будет если кто-то
не рискнет?
рискну иначе не могу и на беду
вперед дорогой самоубийц пойду

■
и все ж я дал когда-то жизни
слово
на верность, в клятве духа
торжество
пусты камень на сердце но душа
готова
его гранить и шлифовать его
алмазом слова; в искрах этот
камень
я над его огранкою тружусь
и иссушает сердце белый пламень
становится все тяжелее груз

■
поэтом не становятся — поэтом
рождаются; становятся потом
что неприятно пройти по свету
но дело разумеется не в том

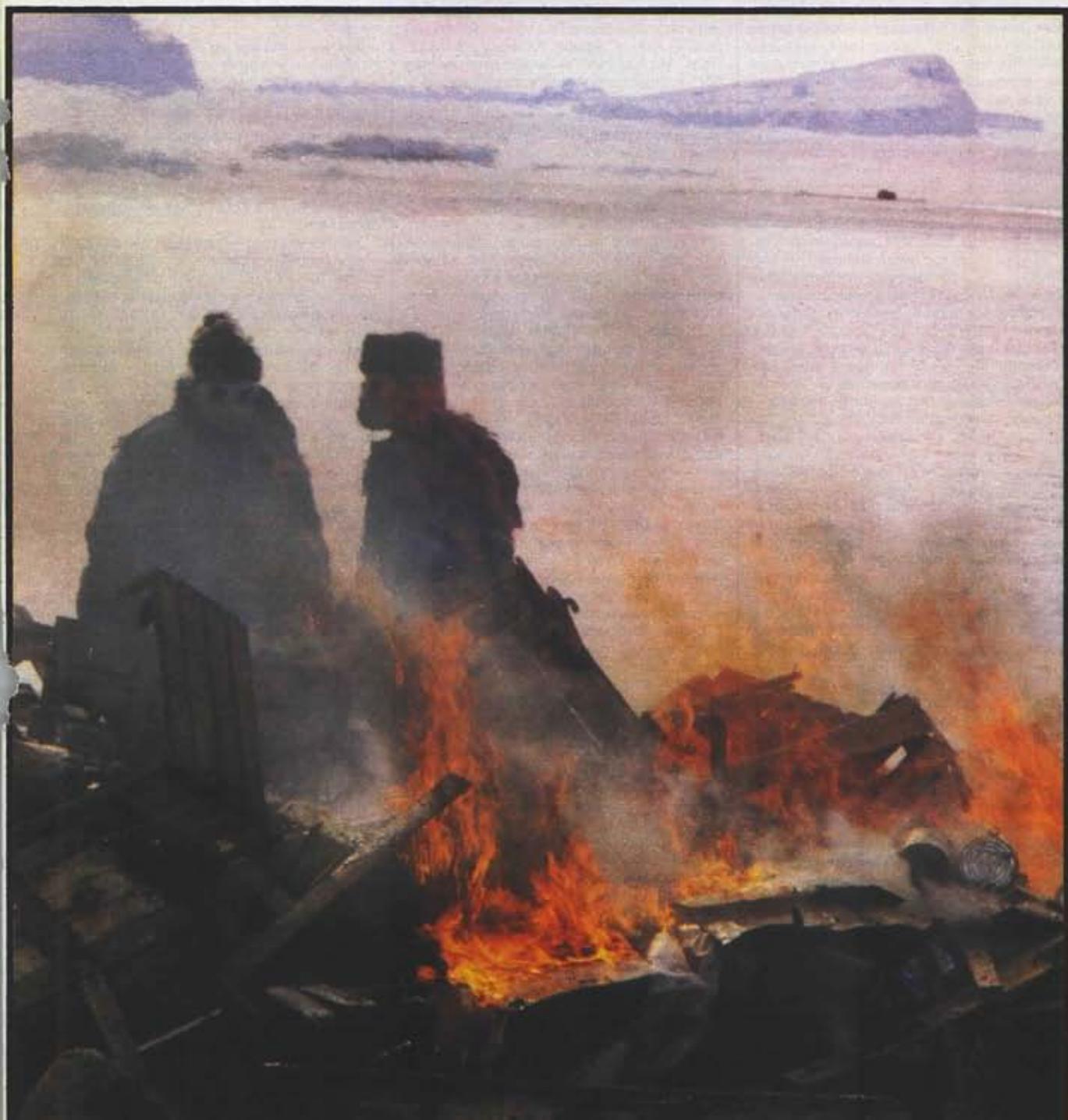
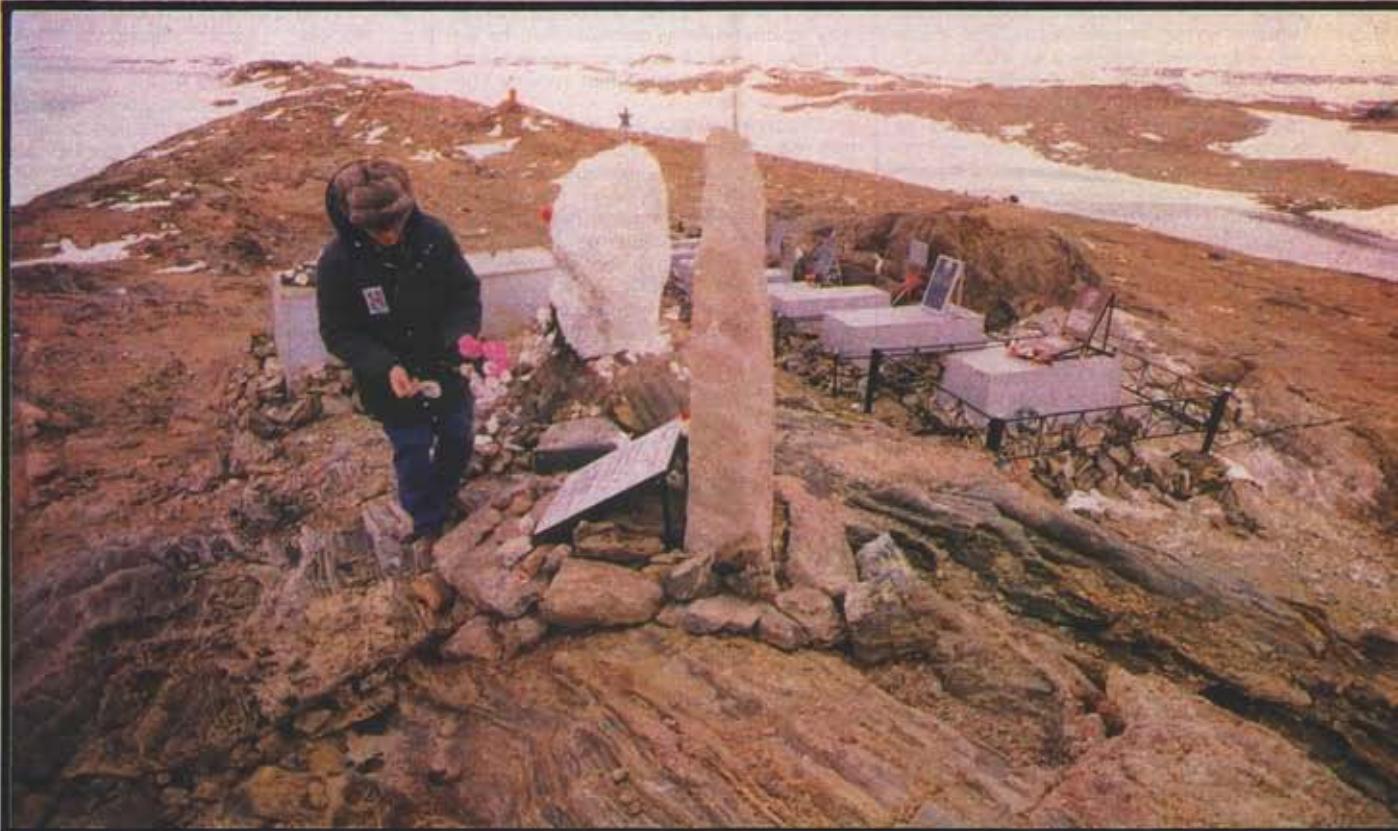
ПЫЛЬ В Антарктиде

Сергей
КАЛЕННИКИН,
фото
Евгения
СТЕЦКО,
специальные
корреспонденты
«Смены»

Ч

его греха таить, давненько мы не слыхали о наших антарктических успехах. И вот, пережив бумажно-бюрократическую кутерьму с оформлением выезда за рубеж, попав в конце концов на Южный материк, подумалось: а случаем, не поджигает нас чего? Мало ли. Вон англичане

со станции Халли-Бей озоновую «дыру» открыли. На планете — бум. Американцы, изучая «дыру», развернули небывалый по размаху эксперимент. Было все: супертехника, спецсамолеты, спутники Земли... Сказал бы так: парад науки. Почему бы и нам как-то на миру не отличиться? Чем, если не сегодня, то хотя бы завтра осложненный наш полярник удивит и нас, и мир?

— На кой сдалась нам эта Антарктида?... — удивился один из моих знакомых. (Признаться, вопрос такой от сограждан слышал не раз.)

На примитивное «на кой» ответить можно так: незнание чревато миллиардными убытками, людской бедой. Давно известно: Антарктика управляет средой окружающей, и от нее во многом зависит стабильность климата, погода.

Или тот же озоновый сюрприз. И вот совсем не новость, не шутка остряка: через какие-то столетия грядет очередное оледенение Земли! Что там говорить, Антарктида хранит не одну загадку, тайны эволюции Земли несть числа. Но знаем точно: в недрах Шестого континента есть все — и в большом достатке — для безбедной жизни человека и хватит на далёкое потом. А безбрежные воды Антарктиды, что так щедро кормят нас? Даже мастодонты-айсберги и те имеют ныне цену, хороший спрос — на планете все меньше питьевой воды. Словом, о соблазнах Антарктиды можно толковать безмерно долго.

И если недоумевать, то вовсе о другом — о нашем запоздалом интересе. Лишь со второй половины пятидесятых, мы, как и американцы, начали осваивать ледовый континент. Однако обживаемся и, замечу, с присущим нам размахом. По количеству станций переп-

У могилы
молодого
полярника...

На Южном полушарии
жгут мусор.
Но и остается —
в избытке.

люнули всех — у нас только зимовочных, то бишь круглогодичных, уже восемь (для сравнения: Аргентина имеет шесть станций, Великобритания — четыре, Австралия, Чили, США — по три, Япония — две, ФРГ, Франция, ГДР, Польша, Китай — по одной...), на которых зимуют сотни специалистов, под тысячу — в летний сезон, когда открываются и полевые базы... Сей размах, конечно, впечатляет и даже очень, но он, размах, как бы исподволь выводит на вопрос о самой сути нашего присутствия в далекой Антарктиде.

И этим не смутил бывалого полярника. О своих заботах, целях общих знает что и как сказать. (На время оставим местные, сиюминутные проблемы. Не ради ж их преодоления государство выделяет десятки миллионов рублей в год?) Итак, ее величество Наука. Знакомимся и узнаем: хлопоты полярники о многом — следят за ледовой обстановкой, метеосводки для тутешней авиации и судов выдают, связь со станциями держат; для получения данных об атмосфере запускают спидракеты и шары. Картографы, летая на самолете, озера ищут, открывают хребты, лед толстенный измеряют; геофизики заняты ионосферой и радиостанции помогают четче связь держать... Магнитные поля, гравитация Шестого континента и даже падающие в лед метеориты имеют тот же научный интерес. Впрочем, все это для нас не некая шокирующая новость. О хлопотах в экстремальной Антарктиде в различных книжках и статьях писалось не раз. Нас занимало совсем иное: с какой отдачей наш полярник трудится во льдах, во имя чего подчас рискует он здоровьем, а то и вовсе, как говорили в петровские времена, — «животом»?

— Мы в основном ведем стандартные исследования, — заметил начальник зимовочного состава нынешней, 34-й, САЗ — Советской Антарктической Экспедиции Лев Булатов.

И что видится здесь? Здешняя природа хоть и чересчур сурова, но порядочно щедра. Казалось бы, развивай ветроэнергетику какой угодно мощности. И мы, как пионеры, чегото предприняли. Уже не первый год в районе Новолазаревской крутятся ветряки — говорят, чуть ли не полигон. Но что сунут он Антарктиде, а возможно, и стране, уразуметь не такто просто. Похоже, эксперимент — из вечных.

На станции Восток — та же закавыка. Одна экспедиция за другой то с подъемом, то без особого вдохновения дырявят-бурят девственный лед, пройдено 2428 метров! Понять историю оледенения Земли, как меняется климат в Антарктиде, за сто тысяч лет — опять-таки цели святые. Однако, как понял я, и в этой области научная мысль особо не блещет, крупномасштабных выводов или прогнозов на завтра сегодня не жди...

Замдиректора Арктического и антарктического НИИ, начальник САЗ Евгений Короткевич в беседе со мной обронил фразу-призрак: «Идет накопление информации...». В каком тысячелетии и с какой плодотворностью разродится подчиненный Госкомгидромету ААНН — уточнений не последовало. Нет, речь не о том, чтобы раз-другой хлестнуть кнутом по хребту ведомственной науки. Мы толкуем, право, о другом. Рассуждая о науках, известный академик Андрей Трофимук както замечательно сказал: «Высокие цели требуют высоких энергий!», о чем и наш разговор. А вот обратная сторона формулы Андрея Трофимука, когда, напротив, энергии с избытком, а цели вряд ли отнесешь к высоким.

...Виктор Васильченко смотрит в небо. Его хозяйство, развернутое на Молодежной, именуется так: космический геодезический комплекс, на котором он начальник. Рассказывал долго — мол, многое могут дать науке. По силам определить скорость сползания ледников, прогнозировать всяческие катаклизмы, связанные с движением

материков: время и место извержения вулканов, землетрясений...

Коль можно, почему не предупредили, к примеру, о беде в Армении?.. Ответ смущенного: такие задачи перед нами не стоят. Быть может, в перспективе, а пока — дела поважней. По ночам за спутниками смотрят, что-то вычисляют... Какой прок от ночного бедня, товарищ Васильченко толком объяснять не смог...

С геологами тот же натянуто-странный разговор: где-то недоговаривали, что-то умалчивали, намеки, гоголинский взор. Да, изучают дреиние породы материка, шельфовую зону, примеряются к «сыревому потенциальному». Но что за суета, всплески рвения, а точнее — остервенелый штурм материка? Так в подмосковном Красногорске, где я живу, строятся убогие дома. Наука же творится иначе. И почему в геологию вкладываются миллионы, а в другие области — гроти? И при чем тут Мингео СССР? Что, фундаментальная наука о земле — компетенция министерства, только в его стенах и сущущих знающих в геологии людей?

Возможно, и стереотип какой сработал, но все же в Антарктиде предполагался иной для рассказа сюжет. Говорю не о чем-то «из ряда вон» — об останках разбитого корабля «безголовых» пришельцев из космоса. Где следы большой науки, которая если есть, то, как правило, на виду, открыта? И размах творческого не усмотрел. Да и откуда быть ему? Вспомним пояснение Льва Булатова. Чего же ждать? Коль полярник из года в год идет по кругу, в рамках устоявшихся задач, то быть ли живейшей мысли, задумке нестандартной, дерзким воплощениям, прорыву к передовому, сущему весомый научный результат? Выходит, в бескрайней Антарктиде нет места для ищущего ума? Крайне удручило: из 180 живущих на Молодежной — ученых единицы, и уровень их невысок. Кому же двигать Науку? Впрочем, и двигать, похоже, нечего! Иль ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — подтвердил директор Института географии, член-корреспондент АН СССР, председатель Межведомственной комиссии по изучению Антарктики (МКИА), а ныне народный депутат СССР Владимир Котляков, с которым встретился позже, в Москве. — Я вспоминаю пятидесятые годы, когда действительно решались грандиозные задачи во многих областях науки. Постепенно все сошло на нет. Увы, сегодня по фундаментальным исследованиям в Антарктиде мы, как страна, оказались в арьергарде, хвосте. Да, наблюдений там хватает... Но это — тот же пресловутый вал! Из года в год одно и то же. Рутинная работа, которая, быть может, и вовсе не нужна. А сколько средств вложили! Сотни миллионов рублей. Корабли, самолеты с грузом — продовольствие, оборудование, горючее везем на край Земли. И это что-то стоит!.. Работать надо профессионально, как американцы. Определять задачи — на контрактно-конкурсной основе. Достигнута цель — освобождай ресурсы для других задач. А мы? Топчемся на месте. Немудрено, у нас все решают министерства, ведомства — они и правят бал.

Главное из «правящих бал» ведомств — Госкомгидромет СССР. Я встретился с его зампредом, который по должности своей курирует Антарктиду, Артуром Чилингаровым. Он подтвердил: да, на Южном материке большая наука развита слабо, но те наблюдения, что ведут полярники, стране, и вообще, нужны...

Что ж, вернемся в Антарктиду. Служба ЭВМ — сердце Молодежной. Днем и ночью стучит с надрывом, пыхтит пятнадцать лет «Минск-32» — машина первого поколения — музейный экспонат, японцам на потеху. Ее сейчас меняют, но на... заведомо морально и технически устаревший агрегат, машину третьего поколения! Такой вот прогресс. Я подсчитал. Очередную «новинку»

сюда подбросят к февралю 2004 года. Вряд ли раньше. Сетует молодой зимовщик: столько информации пропадает коту под хвост — нет возможности ее хранить в памяти машины. А та, что со станций получают, — зачастую «сырая», полуфабрикат. Его и отправляют в Москву... для прогнозирования погоды.

А каково другим? У многих перед глазами, под боком и вовсе древности несущественные: ламповая и прочая аппаратура сталинско-хрущевских времен. На ней не прочтешь «специально для Антарктиды». Обычная для средних широт. Вот и ломается, трещит, заикаливается, барахлит. Ну, бог с ней, проблемой с запчастями, когда «одного везут много, а другого мало». Но о каком качестве научных прогнозов или точности полученных данных можно всерьез говорить? Апофеоз статистического вала! А чего стоит эта работа?

Игорь Шубин — летчик-ас — оценивает ее так: «Синоптики Молодежной очень часто ошибаются с прогнозом, имеют «проколы»...

У меня к руководству Госкомгидромета и его ААНН по этой части всего лишь один вопрос: как, не имея современных, мирового уровня, и специальных для Антарктиды приборов, удается получать вожделенный результат, который нужен «стране, и вообще»? Суперзагадка. В беседе со мной товарищ Чилингаров ее не прояснил, но он готовит суперход. Перейдя на рельсы хордирования, зампред намерен информацию продавать! Ничего себе предпримчивости!

Конечно, толковали о том и с полярниками. Признания звучали разные, но один ответ меня потряс: «Как выходим из положения... Приходится и воровать. Воруем прогнозы у Претории. А что делать? Да, в эфире за руку не схватишь. Но каково? И мелькнуло: не дай бог, и Претория пошаливает тем же...

Судя по всему, Молодежная, Мирный, Восток, Ленинградская, Русская и прочие наши станции есть не что иное, как действующие склады барахла, чуть ли не отхожее место для железа. Смягчающее «чуть ли» все же уместно, ибо кое-что бывает и что-то есть. Японцы нам свою технику напрокат выделяют. Озон недавно исследовали: шары наши, приборы США... Современная обновка — у аэрологов появился автоматический комплекс «Титан». Не бывает правил без исключений. Чего еще сказать?

...Подойдет ли судно, самолет объявит — Молодежная оживает — по-своему гудит, галдит: обсуждают новости, людей встречают. И для меня сюрприз — Игорь Фогель. Он — полярник-первогодка, но в курсе интересующих меня проблем — в недавнем прошлом госкомгидрометовский работник.

— Что там комментировать? — сокрушаясь, замечает Фогель. — Техническую политику комитет проводит плохо. В ней, думаю, он просто не заинтересован. К тому же в его стенах, на мой взгляд, нет компетентных руководителей в этой важнейшей области. Сталкивался с ними, знаю. А с другой стороны, заводы Минрадиопрома и Минприбора с очень большим скрипом берут наши разработки. Отсюда самоделки, кустарница. Вы сами видели, что на Молодежной, кроме «Титана», ничего путного не существо. Скупятся даже для аэродромной службы.

Говоря о персональных компьютерах и о другом, можно сказать: техническая политика ведомства из рук вон плоха. Однако, когда техника небезопасна для человека, то сие преступность вопиющая. И как понять, что в Антарктиде отсутствуют посадочные средства для самолетов?

...На Молодежной — кладбище: более двадцати могил. Случалось, и хороить было некого — ни останков, ни тел. На станции Мирный — свое кладбище: могил в два раза больше. Сбившись с пути в пургу, тонут в океане тягачи, а с ними люди. Горят и падают самолеты. Причины разные, но одна из

них все та же — доминат ведомства, его политика, на знамени которого начертано аршином: с глаз долой, из сердца вон. Лицо я иначе не скажу.

Древний и опасный, с примитивным оборудованием ИЛ-14, летающий с войнами, давно уже выработал свой ресурс. Серьезными людьми вроде бы принимались серьезные решения — раз и навсегда уничтожить эту машину, списать ее в тартары. Списали. В стране ее не встретишь, но для Антарктиды, как в наимешку, — исключение! Ведомства все же настояли на своем: и вновь на ладан дышащей машине дан очередной трехлетний срок.

Обещанный же полярникам новый АН-74 и по сей день не запущен в серию. И не эту машину ждет не дождется полярник: она, как и ИЛ-76ТД, — без лыж, на колесах... А это значит — укатаешь днем и ночью до седьмого пота снег — взлетно-посадочную полосу. Каторжный труд!

«А где тягач, вездеход, трактор, автокран, колесная машина, способные работать в Антарктиде?..» Всех вопросов Владимира Гусева, начальника транспортного отдела, мне не передать.

В то же время на станции Георг фон Неймайер (ФРГ), где всего-то двенадцать человек, девять единиц различной универсальной и специальной техники. Не вездеход — картинка, а главное — в управлении прост, удобен и надежен. На тракторе и то спутниковая навигация! Не запутаешь, не сгинешь в пути. У американцев порядок такой. После двух лет эксплуатации вездеход отправляется в Соединенные Штаты. Его не бросают под снегом, как на Молодежной, не ремонтируют... А о том, как мучаются с ремонтом механики-водители Владимира Гусева, лучше умолчать.

Ум, не потерявший остроты, смекает: пороки, присущие стране, проникли и в Антарктиду. Но будем, право, трезвы до конца. И школьнику понятно: Южный материк не Рио-де-Жанейро и даже не наш Красноярский край. Все лучшее в науке, передовой технологии должно идти сюда и без заминки. Лицо прогресса — здесь. Быть иного не должно. Ведь в космос мы не колымагу запускаем!

Чиновник третий изощрится, отыщет «объективные причины», сошлется на какой-то пожелавший от времени указ, вспомнит про инфляцию в стране, бюджетный дефицит и бог весть еще на что сошлется... Хотя, стоп! То, что с деньгами туговато, — прискорбная данность, факт. Будем тогда считать, задумаемся хотя бы над этим: там, где у американцев трудится всего один полярник, мы из-за своей технической убогости держим до пяти человек, если не более того. А наш зимовщик-горемыка, включая все расходы на него, стоит 120 тысяч рублей в год. Помножим всю эту арифметику на ценность и качество добываемой во льдах информации. Цифры конкретной не извлечь, но и так — без математических усилий — видно, что дешевле.

Как выбраться из глупейшего капкана — не моя печаль, но убежден: амбициозной позой — и мы щи не лаптем хлебаем — уж вряд ли кого удивишь. Можно поступить проще, во сто крат умнее. Упомянутые западные немцы полярную технику для себя не делают, а покупают!..

В принципе могу согласиться, признать: да, нашему зимовщику нужна матомощь в рублях и твердой валюте. Догадаться не трудно: полярники США финансируются куда щедрее — на текущий год им выделено почти 150 миллионов долларов, на 91-й у Конгресса запрошено 260 миллионов!.. Правда, на балансе у них — небольшой, но все же город: Мак-Мердо. Кстати, он первый на Шестом континенте, с населением около трех тысяч человек. Гостиницы, кафе, дома, бары, улицы с дорожными знаками движения. Образ жизни, порядок и стиль работы — тот же, американский.

Вот и подумал: ну, допустим, получат стратеги ведомств из усыхающей нашей казны еще большие миллионы. Как распорядятся дополнительным рублем? Весьма сомнительно, что в полярной жизни случится перелом или, как нынче повсюду говорят, — перестройка. Коли ведомство-ротозей не в силах толком потратить миллион, то где гарантия, что оно не промотает два?

Попав сюда, соображаешь мигом: каждый погожий день на особых весах, а для авиаторов — исключительной важности время. Но парадокс: летчики из Союза доставили, а про самолеты и винтокрылые машины позабыли... Три месяца томились экипажи авиаторов в ожидании машин!

Дизель-электроход «Витус Беринг» — судно дорогое. 25 тысяч рублей за сутки эксплуатации вынуждены положить. Но корабль, могущий взять на борт не менее пяти тысяч тонн груза (было что взять с Молодежной — металлом и прочий хлам), уходит в океан пустым, как сказал капитан Сергей Сахнов, «винтом наружу». Мы говорили о стране, о ее кровоточащих пороках. И тут, выясняется, те же бессмыслицы «стройки века». Ледовый причал уже притча во языцах. Сооружается шестой год... и одни лишь жалкие останки, следы «ледового побоища». Каждый раз его размывает, слизывает океан. Соединение с океаном продолжается. В жертву приготовлен очередной миллион.

Сложившийся стиль работы, полагаю, говорит только об одном: в Антарктиде нет хозяина. САЗ — безликая наложница разных министерств и ведомств. Кого тут только нет. Семнадцать союзных представительств. Откуда быть стройному порядку в мыслях и делах? Ведь каждый гнет свое, с национальным, сам себе голова, и никто ему здесь не указ. Мингэо так и вовсе — под флагом САЗ шустро соорудило собственную станцию Прогресс. (По существующему международному Договору об Антарктиде страна может быть представлена на ее территории только одной организацией.) Не удивлюсь, пожалуй, узнав, что и Минлеспром ССР застолбит для себя кусок Антарктиды. Почему бы и нет? Поднатужатся и найдут свой лихой аргумент — могут вспомнить, что и здесь когда-то дремучие леса шумели...

«Ведомства разрушают, обесценивают Антарктиду», «превратили ее в Московскую область», «кто им помешает завтра на Южный континент завезти атомную бомбу?», «они бесконтрольны!» — тезисы ученых, бурно заседавших на одном из собраний. Жаль, отсутствовал товарищ Чилингаров.

Насчет бомбы — не знаю, а вот атомную станцию — вслед за американцами — чья-то пересчур отчаянная голова велела поставить. Было дело в начале шестидесятых. Уже корпус соорудили, вырыли для реактора котлован, частично оборудование поступило... Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Случилась беда — авария на действующей атомной в Мак-Мердо. Тут-то все разом прозрели: от греха подальше. Более с этим на Шестом континенте не шутят. Атомная энергетика под строжайшим запретом, как и ядерные взрывы и прочие военные штучки. Но материальный стратег ведомства неудержим — знает, творит свое. Захотелось некоему заказчику на Молодежной для своих очень даже сомнительных целей соорудить дизельную электростанцию и, используя труд полярников, сооружает ее впритык к океану. Ему, ведомству, и дела нет, что энергии тут с избытком...

Дотошный читатель не стерпит, спросит: неужто ни одна должностная душа не возмутилась гласно, не сказала «нет»? Нашлась такая душа, читатель. Юрий Хабаров, начальник зимовочного состава 33-й САЗ, сопротивлялся как мог. Возражал открыто, затягивал строительство... Но ведь, как мы знаем, из Москвы и Ленинграда куда виднее,

чему быть и что как делать на местах. Невидимый указ строжайше повелевал: работать, и шустрее. Строптивый Хабаров подчинился. Хозяин положения не он...

Нам все тут в диковинку, глазу не привычно. Даже пыль обыкновенная, что клубится из-под гусениц снуящих по дороге машин. Непрелость какая-то: пыль в Антарктиде! Айсберги, воздух неземной чистоты, Южный Крест, пингвины...

Или кают-компания. В столовой — диво. Монументом — глыба сливочного масла. Гарниры, мясо любого исполнения — все без ограничений. Столовый коммунизм! Подсчитал, и на одну полярную среднестатистическую душу в месяц вышло: 9 килограммов мяса, 2,5 — сливочного масла, 4 — чистого сахара, 2 — варенья, повидла...

Анатолий Дудорев, начальник Бюро погоды:

— Нас вроде бы должны кормить на 110 рублей в месяц, а что едим? Бесконечное мясо, каши. Три-четыре блюда. Многих замучила изжога. В 30-ю САЗ так вообще продуктов не завезли на 700—800 тысяч рублей! На арктических станциях гораздо лучше снабжают, хотя сумма на питание меньше. Глажность отсутствует: неизвестно, сколько съедаем и чего это стоит.

Валерий Тихонов, начальник смены радиобюро:

— Продукты получаем старые. Деликатесов особо не видел. Лимоны были, а вообще с цитрусовыми, яблоками плоховато. За всю зимовку съел апельсинов пять. Овощи, в том числе свежая капуста, — редкость; картофель гнилой, рыба — дефицит, а мясо, поверите, надоело.

Заглянуть бы в ведомственные отчеты... Напрасный, право, труд. Можно смело предполагать: в бухгалтерии — ажур. Советский полярник живет припеваючи, у него сбалансированное, научно обоснованное питание, а в душе по этому случаю — икебана благоуханная. Расчет точен: полярник будет молчать. И он молчит даже тогда, когда слово крепкое просится: вместо обещанных яблок везут железо — болты и гайки, которых и без того навалом, вместо колченой колбасы — опилки в бочках, в ящиках — не шпроты в масле, а камни, завернутые в бумагу! Для веса, стало быть. А то, что все-таки каким-то чудом доходит сюда, то зачастую идет не на стол полярнику, а либо в огонь, либо на свалку... Признаться, тут я не разబрался до конца: то ли продукты из Союза отправляются заведомо порченые, то ли с ними что-то в пути происходит, а, возможно, и при хранении портятся. Но что до этого зимовщику?! «Знаете, подобная чехарда с продуктами случалась и раньше, — возмущается начальник станции Прогресс Анатолий Семенов, — но, помимо, не в таких же масштабах!»

Некий умник безапелляционно заявил: «Полярник знает, на что идет!» А с какой стати он должен на ЭТО идти? Иль полярник для кого-то — всего лишь некий биологический материал, которым можно безгрешно манипулировать, испытывать его на прочность, терпимость и лояльность? (Не потому ли на Молодежной — с тюремно-армейским оттенком должность замполита?)

Какой-то чин когда-то явно хватил лишку, устроил на советских станциях некое мужское братство евнухов, обреченных на затворническо-обитательскую жизнь. А на австралийских, японских и других иноземных станциях женщины трудятся не первый год. У американцев дамы — и в качестве пилотов. Студентки, приезжая из Штатов на каникулы, в Мак-Мердо подрабатывают в гостиницах, кафе... Чилийцы зимуют семьями, с детьми, которые посещают школы...

Отчего Антарктида закрыта для советских женщин — о том голову особо ломать не стоит. «Кабы чего не вышло...» Вот аргумент, что на уме Госкомгидромета и АНИИ. Правда, зампред

Госкомгидромета Артур Чилингаров утверждает, что со временем они поломают эту традицию, а начальник САЗ Евгений Короткевич неумолим: «У нас еще хватает мужчин!» Вот-вот. Так ведь проще, никаких тебе хлопот особых, ЧП. Разве втолкуешь ведомственному радетелю непорочных нравов, что бесконечный ряд запретительств и ограничений лишь омрачает и без того унылую жизнь полярников, да и, кстати, как говорят ученые, вызывает обратный эффект. В той же физиологии человека. Двенадцать — шестнадцать ледовых месяцев в окружении мужчин — еще то испытание! Нет-нет да скажется разлука с родными, детьми, женой и душа сама к телефону тянется. Но и тут — ведомственная абракадабра: общение с родными — один раз в месяц!

Алкогольная норма на советских станциях — тот же образчик ведомственной опеки. Закон таков: 125 граммов спиртного на одного человека в месяц. Что там кивать на западные порядки! У бывалых память вызывает 60—70-е годы, когда графин спирта — на каждом столе, и никто к нему без особой нужды не прикасался. Да, конечно же, дело не в самой водке. Тут коленкор иной: людям не верят, им не доверяют! Нравственность и мораль полярников на весах чиновника определена с аптекарской дотошностью — 125 граммов. Алкогольно-ведомственная абракадабра привела к неминуемому. Сахар на Молодежной в дефиците — над безмолвным континентом витает сивушный дух... Люди поступили по-своему: на вызов ответили тем же.

Случайный, с тайными помыслами, то есть с каким-то социальным изъяном, человек может всплыть в звезде. Но все же, судя по всевозможным проверкам, анкетному творчеству — неутомимой бдительности кадровиков АНИИ — деклассированному элементу в Антарктиде уж никак не прорваться. (Континент — особый, не знающий границ?). Впрочем, не совсем так: даже из числа благонадежных есть и такие, которым Антарктида противопоказана.

— Проблему адаптации человека в экстремальных условиях надо решать на более высоком уровне, — говорят ученые НИИ экспериментальной медицины АМН ССР Геннадий Сидоренко и Владимир Кутуев. — Мы уже сейчас видим: какая-то часть полярников (процентов десять) остается на зимовку с определенным риском для своего здоровья. Шутить с этим не стоило бы. А психиатр на станции не предусматривает.

Ученые, развернув на Молодежной свою замысловатую лабораторию, стремятся как-то помочь людям. Фиксируя у них расстройства, прогнозируют самочувствие, дают полярникам конкретные рекомендации по нагрузкам и даже учат их управлять мозгом.

«Полярник знает, на что идет...» Да, знает. У многих за плечами три — пять, а то семь-восемь зимовок: годы в матерых льдах. Полярная жизнь не в диковинку. Бывалый в курсе, что его поджидают все те же ветхие сборные домики с удобствами захудалой общаги; самим придется обустраивать свой нехитрый быт — колотить из досок столы, полки, шкафы и даже кровати. Знает, что на Большой земле с его деньгами бухгалтерия АНИИ устраивает некоторые операции-манипуляции. Знает, что на Молодежной случается воровство — исчезают хорошие книги, картины московских художников, японские сувениры и прочие подарки. Знает, что труд строителя и водителя — на ветру, один из сложных, но у них самые мизерные полярные — 15 рублей в сутки; что придется зимовать в неудобных, тяжелых и сшитых из гнилья костюмах. Знает, что после полярной вахты и не отдохнешь толком с семьей, купить нечего... И тем не менее едет. Николай Давыдов (ему 29 лет, вторая зимовка, жена и двое детей), инженер со службы ЭВМ, мне прямо сказал: «Мы не зарабатываем деньги, а высыпываем их — отываем свой срок...»

Антарктида — еще один адрес шабашки?

Не все, разумеется, ради этих 10—15 тысяч рублей отрываются от дома, идут во льды. Кого-то опьянила Антарктида — такой народ еще, слава богу, живет, кого-то увлекает работа, сложившийся коллектив... Все так. Однако и те, и другие одним воздухом дышат, по одним законам живут: хочешь не хочешь, а к ним подстраиваешься, где-то и ломать себя приходится. «Живем по принципу: ничего не вижу, ничего не слышу...» Или вот откровенность: «Порубой, скажи что всерьез. Родиной пугают, высылкой в Союз!»

Есть только одна сторона, заинтересованная в нынешних порядках: Госкомгидромет ССР, его ленинградский АНИИ и прочие ведомства, для которых Шестой континент — весьмаличная кормушка.

Вот и новому правительству вопрос: коль в Антарктиде Большая наука не прижилась, ведомственная же явно не в состоянии решить глобальных задач; обеспечить специальной техникой, аппаратурой, машинами страна не в силах, то к чему все эти потуги? Зачем смешивать одних и заставлять страдать других? Бессильны, недееспособны? Значит, давно пора покинуть Антарктиду! Ежели закавыка в ином — в ведомственных интригах, издержках, то тогда и разговор иной.

Что любопытно, как мне сказал Артур Чилингаров, за 17 лет он недавно впервые побывал в Антарктиде! Зампред выразил готовность повлиять на решение многих проблем. Уж очень запоздалое пробуждение. Так, к примеру, Артур Чилингаров считает, что количество зимовочных станций надо сокращать... Евгений Короткевич подтвердил: Госкомгидромет предлагает закрыть одну или две станции. По мнению начальника САЗ, это чуть ли не национальная катастрофа, падет-де наш престиж — «огромный ущерб государству», «уменьшится наше влияние на Южном материке...» и так далее. Вот что, оказывается, беспокоит товарища Короткевича. Собственно, чего еще можно было ждать от начальника САЗ, который без претензий на юмор отчеканил: «В Антарктиде лучше всех живут советские полярники...» Уж не запамятовал ли он, что корреспонденты «Смены» чуть ли не три недели жили на Молодежной и даже им пришлося вкусить эту «лучшую» жизнь?

Стрелка общественного устройства советских станций на Шестом континенте с лихвой зашкаливает в сторону проблем, прорех и ошибок. САЗ прозябает, влачит которое десятилетие жалкое существование, чему не видно конца. Выход только один: Советская Антарктическая Экспедиция должна выйти из-под опеки АНИИ и Госкомгидромета ССР. САЗ должна стать самостоятельной организацией, которая, если и ощущала бы влияние, то только с одной стороны — Академии наук ССР, но не подчиняясь ей. Есть мировой опыт. Экспедиции всех стран так или иначе подчиняются не сомнительным ведомствам, не частным компаниям, а правительству, имеют централизованное финансирование. То бишь хозяйственные и научные дела — в одних руках. Тогда и отдача иная. У нас же — наоборот. Те же деньги: у ведомств — десятки миллионов, а наука имеет грехи — чуть больше миллиона рублей в год!

Увы, и межведомственная комиссия по изучению Антарктиды при Президенте АН ССР самоустранилась от дел насыщенных, до сих пор не выполняющих своих обязательств. Как ни крути, а САЗ должна иметь выход на Совмин или Верховный Совет ССР. Иначе не вернуть молодым романтикам полярные вахты, не навести порядка на станциях, и мы по-прежнему будем созерцать и вдыхать ведомственную пыль, которая с усердием выдается за работу.

«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверушку».
А. С. ПУШКИН

1. У колыбели «неведомой зверушки»

...Когда он родился, никто не принял его всерьез... Даже родители, весьма почтенные личности, до сих пор не слишком высокого мнения о своем отпрыске. Им-то пришлоось повоевать за место под солнцем! Отец начал свою карьеру с увлечения публики на ярмарках, и прошло много лет, пока он выбился в люди, — то есть заслужил признание в качестве вида искусства. Зовут уважаемого папашу Кинематограф, и теперь его имя не подвергается осмеянию...

Что касается матери, то она и сейчас притча во языцах. Происхождение у нее в высшей степени аристократическое: все музыкальные искусства — ее родственники. Но мать нашего героя вела подчеркнуто демократический образ жизни, а порой — даже развязный, вот благородное семейство и отказывается от нее. Зато миллион молодых и уже не очень молодых людей десятилетиями преданы этой даме, с возрастом все чаще склоняющейся к более традиционным формам существования. Вы уже догадались — это Рок-культура, очень экстравагантная леди.

Знакомство этих двух детей ХХ века состоялось уже давно. Рок-звезды играли в кино и на сцене (что очень важно), писали музыку к фильмам и даже становились режиссерами. Когда же отношения приобрели серьезный характер, на свет появился Видеоклип — не без помощи повивальной бабки, Технологической революции. А крестной матери ему стала одна солидная дама — Реклама, отличающаяся практичностью, напористостью и чувством юмора...

Итак, зададимся уже не слишком оригинальными вопросами: что такое видеоклип? Откуда он взялся и зачем? И, наконец, каково его будущее?

Для начала обратимся к большой статье, увидевшей свет в одном из номеров известного журнала «Тайм». Это обширная публикация-исследование о видеоклипе. Называется она «Рок — видео — музыкальная революция».

«Магнитная лента и пластинки сделали свое дело: пик пришелся на 1978 год, когда в мир было выброшено 726 миллионов дисков и пленок. Но уже в следующем году наступил спад. Казалось, что в роке уже все изжило себя. Панк и «новая волна» вызвали много шума в прессе, но еще не успели пробиться к публике: в частности, на радио гоняли все те же песни и ритмы. Было ясно, что нужно что-то делать, но что именно, ясно пока не было. Пластиночный бизнес переживал мучительный кризис, и именно в это время телевидение и видео ушли вперед.

Нельзя точно сказать, кого именно посетило вдохновение: бум начался раньше, чем все успели сообразить, что же произошло. В конце 1980 года клипы посыпались дождем. Некоторые из них были просто концертными номерами, поверхностно снятыми и смонтированными. Другие напоминали сюр-видео на тему иллюстрируемых песен. И те, и другие были тогда чем-то вроде комиксов. Но видеоклип, будучи технологической удачей, быстро стал называнием целой области аудиовизуальной культуры».

Каковы же «родимые пятна» видеоклипа, отличающие его от рекламных видеороликов и от других видов музыкальных шоу?

Во-первых, задача клипа состоит в том, чтобы представить зрителю песню (или музыкальный номер без слов) с целью более успешной реализации пластинки. В очень жестких условиях видеоклип должен сконцентрировать внимание зрителя на экране и «не отпуш-

скать» его до последнего кадра. Трудности психологические (зритель может отвлечься) и экономические (минута эфира стоит очень дорого) не позволяют свободно располагать экранным временем, отсюда вытекает (во-вторых) канонический метраж видеоклипа — не более 4 минут, впрочем, обычно и песня длится не дольше. Казалось бы, такие условия не сулят ничего интересного. Но есть еще и в-третьих: изображение в клипе строится на совершенно новых принципах. Дело в том, что слова песни — отнюдь не основа изобразительного решения. В наиболее удачных клипах «картинки» находятся в живом диалоге с музыкой и ритмом, а со стихами — в контрапункте или вовсе в отрыве. Почему? Потому что иначе будет скучно!

Итак, три упомянутых условия в сочетании с поистине неограниченными технологическими возможностями и создали удивительный синтез многих искусств: музыки, кино, театра, мультипликации, а теперь еще и компьютерной графики. Все это, естественно, не гарантирует отменного качества продукции. Более того, средний клип чаще всего представляет собой набор штампов. Но проделана гигантская работа, чтобы нащупать эти беспроигрышные клише, и нет смысла пренебрегать этим опытом.

Изобразительное решение клипа строится примерно так же, как в кино. Большую роль играют атмосфера, оттенки ощущений, гибкость и богатство ассоциаций, вызываемых самим исходным материалом. Весь многолетний опыт кинематографа, его киноязыка, его эксперименты с растягиванием и сжатием времени (монтаж — это время на экране!) достались видеоклипу в наследство. Однако клипменами сделаны

для хорошей песни, ее все равно будут покупать! Суть в том, что очень трудно поставить удачный клип с плохой песней, так как если песня разваливается, то и изображение не будет «держаться». А вот несколько цифр. Средняя стоимость съемки видеоклипа составляет 40—60 тысяч долларов, а для некоторых суперхитов — до 3—4 миллионов. Часто строится огромный павильон, причем «без дураков», как для полнометражной картины, и все это для двух-трех общих планов минимальной длительности. Съемки занимают минимум времени. Тоб Хупер, автор колоссальных постановочных лент, снял замечательный клип Билли Идола «Dancing with Myself» за два дня, смонтировал за неделю и увидел на экране телевизора через две недели после начала работы.

Существует уже несколько подвидов клипа. Наиболее распространенные из них я попробую описать.

Первыми, видимо, следует назвать клипы «под концерт»: музыканты изображают работу на концерте (иногда используя и хроникальные кадры), и эти эффектно снятые куски перебиваются некоей «начинкой», связанной с конкретным номером. Несмотря на кажущуюся исчерпанность такой формы, и сегодня встречаются очень удачные работы в этой стилистике. Например, недавний номер Майкла Джексона «Грязная Диана»: Джексон на сцене, среди плещущихся на ветру ярких огромных полотнищ. Эти кадры монтируются с проходами элегантной девушки, чья красота, может быть, чуть-чуть вульгарна. Этот клип — какой-то удивительный пример новейшего декаданса. Изысканная музыка, проникнутая тоской и еле уловимой иронией, тонкие монтажные переходы от артиста к де-

КИПЫ и ВСХИПЫ

Мария ЕЛИСЕЕВА

и существенные открытия, обогатившие, в свою очередь, мировой кинематограф. Но это тема для отдельной статьи.

Превалирование музыки над словами отличает видеоклип от мюзикла, и клип, созданный на хорошем уровне, можно назвать аудиовизуальным сонетом — строгие временные рамки, функции и обусловленная ими эстетика сделали видеорок особым жанром.

Но от чего же больше всего зависит удача или неудача? Вновь обратимся к уже цитированной статье и послушаем специалистов. Говорят Дэвид Малле, поставивший несколько сотен видеопрограмм, в том числе с Дэвидом Боуи, группами «Рокси Мьюзик» и «Бумтаун Рэтс»: «Вы можете сделать хороший клип для плохой песни, и это не поможет: пластинка «не пойдет». Но если вы снимете неважный видеоряд

вушке (наплывом), простое, но безупречное оформление сцены... В целом у клипа слегка терпкий привкус, не свойственный прежним вещам Майкла Джексона.

Еще один популярный принцип съемки клипа — «под кино». Этот способ действительно часто приводит к созданию трехминутного кинофильма. Из недавно показанных по нашему телевидению клипов «под кино» можно отметить номер Джорджа Майкла «Я буду для тебя всем»: персонаж артиста — меланхоличный влюбленный, пытающийся завязать знакомство с ослепительной манекенщицей. Эта история снимается по принципу «подглядывания». Сама песня Майкла, может быть, не бог весть какая шедевр. Но, помимо отработки образа исполнителя, изображение выделило сентиментально-эротическую окраску песни, какое-то осен-

нее томление, что и делает этот клип свежим и удачным.

Третий из распространенных вариантов — коллаж. Это очень сложная работа, с применением комбинированных съемок, мультипликации, компьютерной техники и т. д. Методом коллажа часто сняты клипы Питера Габриеля, группы «Токинг Хэдс». Рапид, дорисовки, острый ритмичный монтаж делают такой клип чрезвычайно эффективным, броским. Но особенно «нагруженный» деталями коллаж способен отодвинуть песню на второй и третий план, если пренебречь мерой. Как правило, соседство с таким стилем изобразительного решения выдерживают легкие, шуточные или танцевальные песенки, с хорошим запоминающимся ритмом.

2. Детские болезни
отечественного видеорока

Я выделяю советские видеоклипы в особую главу, потому что наш опыт в этой области еще невелик, и беспристрастное сопоставление со зрелыми западными образцами может повредить юному организму. Я вовсе не хочу сказать, что некому работать в этой области — хорошие режиссеры и операторы у нас есть, да и техника потихоньку начала появляться. Проблема в том, что наши клипмены вынуждены вновь изобретать велосипед, так как, насколько мне известно, ни теория видеозображения, ни принцип работы с имиджем, ни (тем более) законы построения клипа у нас не преподаются. Между тем все эти объективные законы существуют и хорошо изучены «там». Мы же годами отмахивались от рок-культуры, считая ее чем-то несерьезным и даже вредным.

Авторы наших видеоклипов вынуждены подражать своим западным коллегам, что далеко не всегда оправданно. Во-первых, у советского рока своя специфика, его отличают две главные особенности: сильный политический и социальный акцент и традиционное внимание к тексту. И то, и другое вполне естественно и пороком не является. Но обычные стихотворные формы (на русском языке) практически невозможны положить на рок-музыку — если

иметь в виду ее западные образцы. Может быть, поэтому большинство песен наших групп так похожи на произведения членов КСП — они так же повествовательны, и музыка в них столь же второстепенна. При этом, как ни удивительно, тексты в наших рок-песнях часто оказываются очень слабыми.

Во-вторых, средний уровень советских рок-композиций удручающе низок. Я думаю, не случайно сейчас так упала посещаемость концертов. Мало того, многие наши группы и рок-звезды совершенно непрофессионально относятся к своему сценическому образу. Судя по всему, они думают, будто имидж — это только одежда и грим. Но имидж — это детально продуманная концепция Персонажа, охватывающая все: внешность, пластику, костюм, стихи и музыку, стиль поведения на концерте, на экране и «в жизни», манеру говорить, давать интервью и многое другое. Имидж не снимают с себя, как спецовку, в конце рабочего дня: следуя ему, человек склонен меняться и внутренне. Наиболее выраженный продукт современного имиджа — это Майкл Джексон, актер, певец и превосходный танцор. Его образ — вечный мальчишка, цветной подросток из бедных кварталов. Холодноватый, полудетский голос, короткие рукава и штаны, чаплинские

башмаки, гуттаперчевое тело и игрушечное лицо — все это сделано в расчете на видеофильм, видеоклип, с учетом не только концертной деятельности, но и работы на крупном плане. Джексон — это совершенная форма поп-идола; и, конечно, его отточенное мастерство, никогда не выходящее за рамки своего образа, есть идеальный пример жизни в искусстве.

Что же отличает наши группы? Обилие «металлической» символики, не поддержанное репертуаром; хард-роковые прически и грим, которыми украшают себя музыканты всех направлений, в том числе типично попсовыми; нежелание учиться сценическому движению и сохранять себя в хорошей форме, что приводит к хаотически бессмысленному поведению на сцене. Многие вокалисты не владеют голосом, а музыканты не умеют хорошо играть, и это скрывается за шумом, громом и пиротехникой. Не дай бог, приедет какой-нибудь Оззи Осборн — и конец нашим доморощенным хард-рокерам и «металлистам»: вот где талант, энергия, умение работать!

Советские клипы очень портят штампы, это серьезная проблема. Что на экране почти всегда бьет в яблочко? Правильно: берег моря (лучше с чайками), нижние ракурсы (от снятых снизу идущих ног уже просто тошнит), девушки

в мини-юбке, развевающиеся на ветру волосы (лучше светлые и обязательно рапидом), цветы, детские личики, многозначительные взоры из-под ресниц, детали обнаженного тела, крупно снятые губы, глаза во весь экран, вышагивающие манекенщицы, машины автомобили и т. п. Из этих клише монтируется большинство наших клипов. В этом случае не надо ничего придумывать.

Впрочем, у нас есть и неплохие клипы. Например, номер группы «АВИА» «Я не люблю тебя». Конечно, остроумная песенка дала возможность пофантазировать; немаловажно и наличие собственного лица у группы. При таких условиях клип вряд ли мог получиться уж очень плохим. Еще одна удача — «Поезд в огне» группы «Аквариум». Авторы клипа не пытались сломать структуру песни; монтаж здесь тактичный и не слишком рубленый, что позволяет не только полюбоваться лицом поющего Гребенщикова и его живописных друзей, но и оценить связи между игровыми и хроникальными кадрами... Словом, когда исходный материал хороши и авторы клипа это понимают, вполне вероятен успех.

3. Попытка прогноза

На мой взгляд, видеоклип сегодня находится на границе между жанром и видом искусства. Уже очевидно, что собственный киноязык видеорока отличается от других жанров аудиовизуальной культуры. А само наличие языка свидетельствует об известной самостоятельности и зрелости.

Нет слов: до большого искусства еще далеко. Но обстоятельства возникновения клипа соединились каким-то особым образом, и вполне возможно, что из гадкого утенка вырастет прекрасный лебедь. Что же склоняет меня к подобному прогнозу?

Во-первых, как я уже сказала, существование феноменального киноязыка, опирающегося на вполне определенный и даже мощный фундамент. Во-вторых, сознание того, что ни одно из появившихся в культуре искусств не исчезло бесследно. Скажем, довольно нетрудно узнать в «авторской песне» отголоски средневековых баллад, и традиции русских романов, и наследие современного, романтически-прилатненного городского фольклора. То же можно сказать и о рок-музыке и добавить сюда карнавальные элементы, эстетику уличного театра, опыт оп-арта и поп-арта, принципы искусства хиппинга, влияние индийской и дальневосточной философии и т. д. — словом, стремление к синтезу искусств, свойственное всему двадцатому веку.

В-третьих, некоторая иллюстративность видеоклипа вовсе не помеха для его авторов. Во всяком случае, книжная иллюстрация — древнее и уважаемое искусство — в большей степени привязана к своему тексту. Музыка же дает море свободы художнику.

В-четвертых, «ужасные» рекламные цели и сегодня не очень-то мешают людям с фантазией. Да и со временем коммерция может ослабить свои тиски. Главное, не пренебрегать ремеслом — основой таланта, а то у нас вымачивание своего дилетантства стало чуть ли не хорошим тоном.

Видеоклипы сегодня — очень разные произведения, от подделок до шедевров. На наших глазах и с нашим участием прошел Первый международный телевестиваль видеоклипов (52 «участника»), на котором были представлены победители хит-парадов видеорока по данным зарубежных журналов на 1988 год.

В последнее время появились новые виды клипов, говорить о которых еще рано. Но можно отметить тенденцию отхода от «шокового» изображения, от коллажей, перенасыщенных предметами и приемами. Стало меньше клипов с рубленым жестким монтажом и замедленными съемками. Видимо, завершен процесс проб и ошибок, и начинается период анализа находок. Что же, может быть, самое интересное только впереди!

тей,— сказали родителям в Свердловском РОВД.

Иные руководящие работники ведут подсчет публикаций, где милиция показана в неприглядном виде. Будто журналисты говорились и решили дискредитировать привычное понятие «наша милиция нас бережет». Будто это понятие давным-давно не дискредитировано и не продолжает дискредитироваться самой милицией. Листа тома этого дела, выписываю случаи, подтверждающие не только бесспорную вину работников Свердловского РОВД, дежуривших в ту ночь, но и тех, кто давно уже знал, какую общественную опасность представляют Наумов и Пронский.

За месяц до убийства они были уличены в краже имущества, принадлежащего пионервожатой и шефствующему над пионерским лагерем предприятию. Оперуполномоченный С. И. Сурженко сказал им, что «ничего не будет, если они помогут раскрыть кражу на базе отдыха КГБ», а преступление не зарегистрировал.

— И вы пообещали? — спросил судья у Наумова.

— Конечно.

— Что-нибудь предприняли?

— Зачем же?..

Особая примета Пронского — короткая, почти под ноль стрижка — была зафиксирована в Свердловском РОВД. Известна была и фамилия.

14 сентября Пронский и другой его дружок, Богатырев, пытались совершить разбойное нападение на двух девушек. Им помешал гражданин Л., он сообщил в милицию, сотрудники Свердловского РОВД задержали обоих бандитов. Пронский назывался чужим именем и... был отпущен.

28 сентября Наумовым и Пронским было ограблено, избито, изнасиловано 17-летний Ж. Он обратился в линейный отдел милиции, описал приметы преступников, сказал, что дал им расписку — завтра пообещал принести на то место, где был ограблен, 250 рублей. У него уточнили место и сказали:

— Это территория Свердловского РОВД. Туда и обращайся.

Ж. обратился. Вместо того чтобы устроить засаду, начальник наложил резолюцию «разобраться» и адресовал ее тому подчиненному, который мог приступить к выполнению задания только через сутки.

29 сентября между 14 и 15 часами на том же самом месте был избит, ограблен и изнасилован 16-летний П. В тяжелом состоянии он попал в больницу. Сообщение о совершенном против П. преступлении направили в Свердловский РОВД. Но и после этого никаких мер принято не было.

Трое работников отделения уволены, а его начальник Ефимов предупрежден о неполном служебном соответствии. Это наказание, предшествующее увольнению из органов, — сказали мне в политотделе УВД Белгородского облисполкома. Сказали таким тоном, будто виновные понесли справедливое и достаточно строгое наказание...

«Наше место». Так преступники называли небольшую поляну, куда они приводили со станции свои жертвы. Это место было известно работникам Свердловского РОВД.

«Наше место». Так Наумов и Пронский называли подвал, в котором ночевали, где изнасиловали одного из подростков и куда пытались затащить и изнасиловать девочку. Это второе «их место» буквально в двух шагах от опорного пункта охраны общественного порядка. Жильцы неоднократно заявляли в Свердловский РОВД и в опорный пункт. Но на эти сигналы никто не реагировал.

Поразительное дело! Преступники объявляют «своими» целые участки территории, увереные в том, что ни одна общественная сила не в состоянии оспорить это присвоение.

— Двести пятьдесят факторов влияют на рост преступности, — просвещали меня в политотделе Белгородского УВД.

И это подсчитали. Только неизве-

стно, на какое место поставили самые постоянные факторы: ротозейство, равнодушие, нерасторопность, сделки с преступниками, подобно той, которую допустил Сурженко.

Наумова и Пронского тщательно обследовали психиатры. Из анамнеза Пронского: «Наследственность не отягощена. Роды были стремительные, закричал сразу. Грудь взял активно. Рост и развивался соответственно возрасту». Спиртные напитки употребляет с 13 лет. Перенес черепно-мозговую травму. Однако интеллект достаточный. В момент совершения преступления убийства «сильно пьяным себя не чувствовал».

Из школьных характеристик: «Мучил животных, устраивал жестокие пытки над детьми младше себя. Неоднократно уличен в воровстве. Дружил только со старшими. Отбирал деньги у младших. В 4-м классе поставлен на учет в инспекции по делам несовершеннолетних».

Судья просил подсудимых давать показания в таком речевом темпе, чтобы секретарь успевала записывать слово в слово. «Я сбил Лунина с ног, — медленно диктовал Пронский, — сел ему на грудь, отвел подбородок вверх и нанес несколько сильных ударов кулаком в область кадыка. Женя затих...»

Из школьной характеристики Наумова: «С 1-го по 4-й класс имел хорошие знания при примерном поведении. Увлекался чтением художественной литературы. Был горнистом отряда».

Из характеристики, выданной в СПТУ-20: «Вежлив. Тактичен. Среди учащихся пользуется авторитетом. На производственной практике (как раз перед совершением целой серии тяжких преступлений в сентябре прошлого года. — В. Е.) работал образцово».

Из характеристики, выданной комитетом комсомола СПТУ: «Как комсорг группы регулярно проводил комсомольские собрания, своевременно собирая взносы, пользовался авторитетом».

У потерпевшего пошла из рта кровь, — еще медленнее, чем Пронский, диктовал секретарю Наумов. — С тем чтобы он прополоскал рот, я с Пронским заставили его открыть рот, куда мы оправились. Парень мочу не глотал, а сплевывал...

На суде Пронский дергался, кривил рот, судорожно сцеплял руки. У Наумова ни разу не дрогнул ни один мускул. Он только изредка делал глубокие выдохи. Отдувался.

В самые невыносимые моменты судебного разбирательства я бросал взгляды на отца Пронского, на мать Наумова. Ни тени муки. Ни слезинки. Ни одного тяжелого вздоха. Никакой реакции, которая выдавала бы внутренние переживания. Говорят, однажды матерь Наумова обронила, глядя на сына: «Чудовище!» Может быть. Но я своими ушами слышал, как отец Пронского бросал гневные реплики в адрес родителей убитых мальчиков.

Итак, один учился плохо, другой — хорошо. Один вел себя безобразно, другой — примерно. Один пользовался авторитетом у сверстников, другой был постоянно озабочен тем, как он выглядит в глазах окружающих. Один активно участвовал в общественной жизни, другой был «активистом» в уличной среде. И тем не менее эти, казалось бы, полные антиподы орудовали с одинаковым цинизмом и жестокостью, понимая друг друга с одного взгляда. Значит, было у них что-то общее. Обычими были как минимум четыре свойства: цинизм, злобность, сексуальная распущенность, стремление наводить страх.

— Как ты считаешь, — спрашивал я Пронского, — легко запугать человека?

— Да, — отвечал он. — Особенно сильной.

— И кого проще? Сверстника? Взрослого?

— Любого. Люди одинаковы. У всех есть чувство страха.

— Тебя можно было бы запугать?

— А почему нет? Мы хотели себя так поставить, чтобы о нас ходила слава.

Чтобы нас боялись.

— Вы занимались тем, что ходили и «трясли» сверстников. Насколько это распространено? — спросил я Наумова.

— Это в порядке вещей. Что-то вроде «дедовщины» в армии.

Меня, как и других присутствовавших на суде, мучил вопрос: а как бы вели себя убийцы, зная, что получат по закону совсем другой максимум наказания. Предположим, не 10 лет лишения свободы, а, как взрослые, расстрел.

— Мы не знали, какое наказание нам грозит, — говорил Наумов.

Лично я понял его слова так: они орудовали бы с тем же цинизмом и жестокостью, даже если бы знали, что будут поставлены к стенке. Все нормы и законы человеческого поведения как бы написаны для других, нормальных людей, а не для них, достигших конечной стадии морального одичания.

Злобности в них было столько, что они не могли ее сдерживать ни во времена суда, ни на следствии.

Их моральное одичание достигло такой стадии, что они не были способны правильно оценивать мотивы поведения своих жертв. Им не могло прийти в голову, что Роман Антонов в самом деле может оценить свою и друга жизнь в тысячу рублей. Эта цена казалась им непомерно высокой. И уж тем более для них не представляли никакой ценности чисто-достоинство, честь.

Социологи утверждают, что по степени интеллектуальности наш подросток занимает 42-е место в мире. А чем ниже интеллект, тем страшнее игра инстинктов. Нам еще не сказали, какое место занимают наши подростки по степени сексуальной распущенности. По логике это должно быть одно из первых мест.

Не одного меня мучил вопрос, осталось ли в Наумове и Пронском хоть что-то человеческое.

— Есть ли у вас девушка? Любили ли вы ее? — спросила женщина, общественный обвинитель от училища, в котором учился Наумов.

— Да, — тромкое сказал он. И неожиданно процитировал: — Любви! Любовь необходима. Любовь, ты знаешь, красота. А кто не любит, тот скотина или просто мертвя душа.

Все оцепенели: судья, заседатели, прокурор, адвокаты, родители потерпевших. Ведь только что Наумов рассказал, как добивали они уже убитых, дергающихся в последних конвульсиях мальчиков восьмикилограммовой трубой, забрызгивая кровью свои брюки. Как ходили добывать лопаты, для чего сорвали замки с нескольких сарая, не опасаясь, что жильцы, услышав шум, позовут в милицию. Как пили и ели найденные в сараях соленья и варенья. Как утром направили к Антонову — обворовывать — и, застав их дома, спокойно смотрели им в глаза. И как потом, когда заметили за собой слежку, не торопились скрыться. Разговаривали по микрорайону в окровавленных штанах. Суд только что выслушал показания о том, как милиционеры, откопавшие тела мальчиков, не находили себе места, а из камер Наумова и Пронского доносились храл. И вот — после всего этого — такая декламация, почти патетика...

Они не просто зверски избивали свои жертвы, они, по их собственным показаниям, отрабатывали удары. Они не просто издавались, а заставляли пить мочу, лизать испражнения. И, наконец, насиловали и девочек, и мальчиков. Откуда в них это?

Третьим компаньоном в грязных похождениях был некий Богатырев. На процессе он сидел между Наумовым и Пронским, настороженно вслушиваясь в каждое их слово и бросая им, не разжимая зубов, тихие реплики. Нет оснований считать его главарем, но то, что Богатырев, по кличке «Бог», имел в подростковой среде более высокое положение, чем Наумов и Пронский, говорит хотя бы такой факт, что он несколько лет провел в спецшколе.

Это заведение не уступает своим жестоким законам подростковым зонам. Десятки лет там отрабатывались самые изощренные и циничные способы

морального и физического подавления личности. Способы эти, по существу, стали там нормами жизни. Теперь эти нормы — через выпускников спецшкол, спецПТУ и зон-малолеток — все шире распространяются среди подростков.

Во множестве «эпизодов» только однажды Наумов и Пронский встретили ожесточенное сопротивление. И то его оказалась девочка. Дважды подсудимые совершили по нескольку насилий в день. И не получили отпора!

Все, кто участвовал в процессе, с удивлением смотрели на потерпевших, позволивших в отношении себя циничные действия и надругательства. Это были в основном парни, не уступающие Наумову и Пронскому ни в росте, ни в весе, ни в силе.

Наш воспитательский корпус, кажется, не подозревает, что благодаря такой его работе подростки делятся на тех, кто может совершить любую низость, и тех, кто может позволить сделать над собой все что угодно. У одних — мертвые души, у других — мертвя воля.

Уже сегодня насилиственное мужество распространяется со скоростью эпидемии, захватывая не только города, но и сельскую местность, где есть профтехучилища. И этот процесс нарастает. А что будет завтра, если в «зоны» и криминогенную подростковую среду на воле проникнет СПИД?..

Я не раз употребил слово «жертва» и сделал это не случайно. Наумов и Пронский вели самую настоящую охоту, превратив целый район Белгорода в «социальные джунгли».

Наверное, мы не скоро сделаем жизнь наших детей безопасной. Переходы к лучшему произойдут не раньше, чем начнет уменьшаться наше всеобщее недовольство тем, как мы живем, питаящее злобность юнцов, прежде чем ценность человеческого достоинства не вырастет вместе с уважением к той жизни, которую мы ведем.

Не надо запугивать детей «социальными джунглями». Но надо прививать им элементарную осторожность. Не просто так здесь приведена технология совершения подобных преступлений. Пусть и дети знают в деталях, как это делается. И пусть будут трижды осторожны. А если все же попали в западню, пусть боятся до конца.

— Если вытерпишь, пущу, — сказала отцу Жени Лунина работница мorgа. Даже ей, казалось бы, привыкшей ко всему, было не по себе.

Потом он при мне говорил Антонову: «Ты-то видел их уже вымытыми, чистыми. А я захожу, смотрю, они все в саже. Волосы паленые. Их, наверное, пытались сжечь. Повернули голову одного. Не могу узнать, кто это. Это был не Женя. Это был твой Роман. А Женю изуродовали еще больше...»

Тысячи белгородцев пришли на похороны. Для поддержания порядка были направлены десятки милиционеров, многие — в штатском. Возле дома, где живут Антоновы и Лунины, несколько дней дежурила машина «Скорой помощи». Из цветущих женщин матери мальчиков на глазах превращались в старух.

— Ваше место работы? — спрашивал судья Антонову.

— Домохозяйка, — отвечала она.

После гибели сына она не могла больше работать. И удивлялась, как еще живет. До гибели сына Антонов руководил крупной строительной организацией.

— Ваше место работы? — спрашивал его судья.

— Я работаю сторожем вневедомственной охраны, — сказал Антонов.

Он не мог больше выполнять свою прежнюю работу. У него то и дело неизвестно катились из глаз слезы.

Камера, в которой я разговаривал сначала с Пронским, потом с Наумовым, была без лампочки, без электрических проводов. Таков порядок. Мало ли что вбредет в голову обвиняемому в тяжком преступлении... Мера эта в отношении Наумова и Пронского была совершенно излишней. Они не мучились угрызениями совести.

**Святослав
КОТЕНКО**

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и Владимира КОКОВКИНА

Сравнительно недавно Госкомстат СССР сообщил, что в летнее время в стране отдыхает девяносто миллионов трудящихся, притом лишь пятая часть — организованно. Ну, статистика наша при любых стараниях к обновлению все-таки туманна. Заботится она, чтобы ее цифрами не только манипулировать, но и оперировать оказывалось не по зубам, однако же догадаемся, что дети в число трудящихся не включаются и каково реальное количество отдыхающих, учету не поддается. Председатель Гудаутского горисполкома предложил пользоваться такой методикой: по росту потребления хлеба можно прикидочно сообразить, сколько у тебя на курорте людей пришлых. Тех, кто едет своими машинами, летит, плывет, в поездах трястется, в автобусах сюда, под благодатное южное солнце.

Вот и задумал я в разгар сезона представить два непрятательных курорта — Скадовск и Гудауту. Но, прежде чем окунуться в отдых «под дикарски», давайте познакомимся поближе с «местами действия».

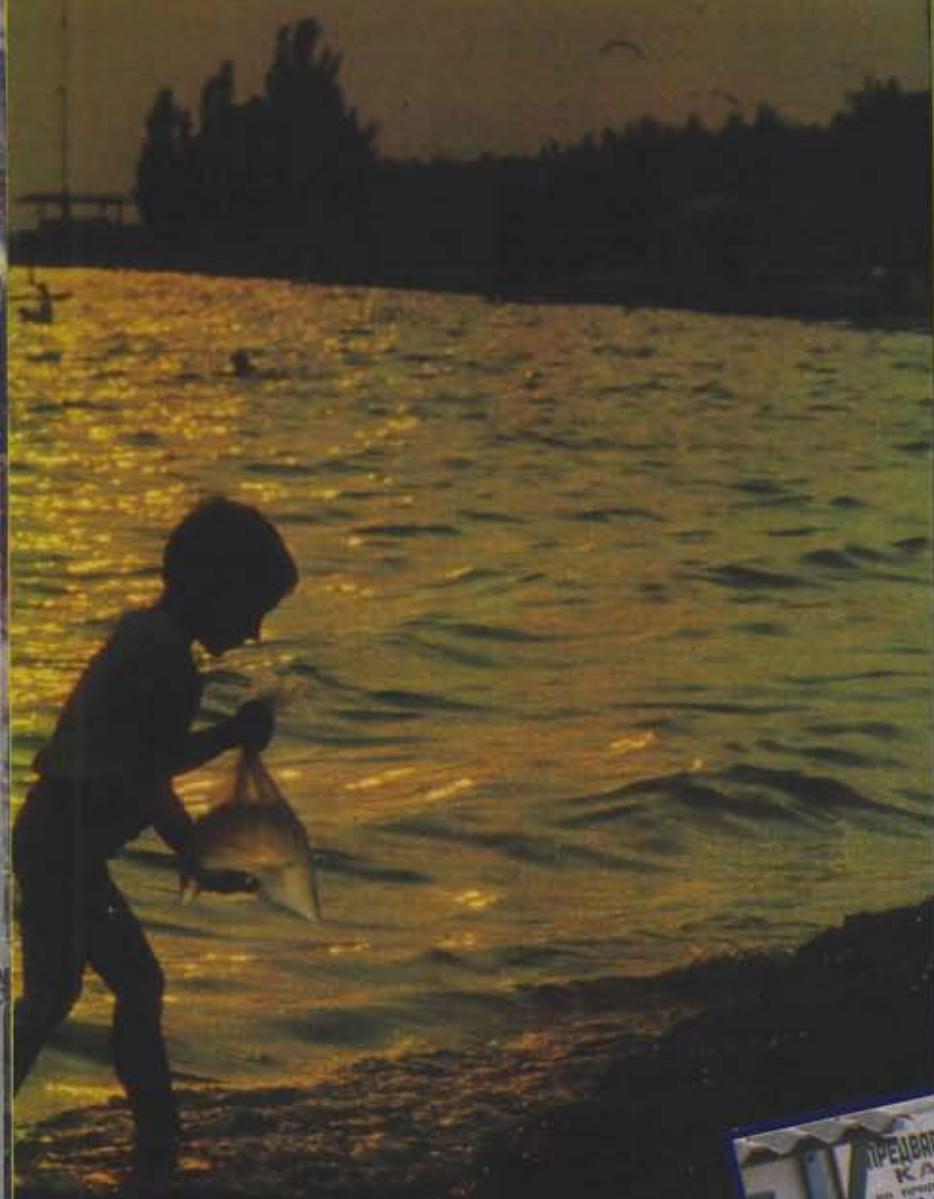
Не за горами столетие Скадовска. В 1894 году помещик Скадовский основал тут поселение. Порт хлебо- отправочный стал строить, потом и курорт, с ваннами, с доставкой на отдыши дилижансами... Вспоминать добром г-на Скадовского следует за очень толковую планировку города: открытость к морю и связность по

протяжению вдоль залива... И нынче курорт этот, официально именуемый «Детская медицинская оздоровительная зона», «заглатывает» до полумиллиона «дикарей» против ежегодных 90 тысяч организованно отдыхающих. Причем натиск особенно дружен в дынно-арбузный конец лета.

Как курорты Скадовск и Гудаута практически ровесники. Правда, история Гудауты куда обширнее. Был город этот итальянской факторией Каво де Букко в XIII—XIV веках, пока самшит окрест не выруби-

АХ, МЕТО, МЕТО...

Отдых «по-дикарски». Кому и во что он обходится...

ли — оттого жизнь на благодатной местности не влекла абхазов: неспокойной оказывалась она перед лицом всевозможных нападений. Народ селился в крепостях на кручах.

Проезжая побережьем, место это люди примечали, да не стало оно, к сожалению (или к счастью), настолько же авторитетно-престижным, как Пицунда и Новый Афон...

Обозначив места действия, продолжим разговор о летнем отдыхе. Та же статистика доказывает, что на общение с детьми, на семейные беседы выпадают нам в сутки жалкие минуты. А вот разок в год имеется шанс провести отпуск в кругу семьи. И «дикарское» обустройство оказывается здесь всего сподручней: пусть в чужом, а все-таки в домике живешь. И в Гудауте, и в Скадовске говорили мне, что приезжие неохотно селятся в много квартирных многоэтажных зданиях, где есть удобства, коих лишены частные дома. Нет, не ради комфорта, а ради простоты и взаимообщности тянутся на юг люди. Круг забот сокращается, и появляется истинная возможность существовать семьей.

О прелестях и пользе заговорили, но, когда в один из дней прибрежная полоса гудаутского пляжа усеялась щепками и корнями и принесло к берегу семиметровое дерево с обломанными наростами ветвями, отдых у моря как-то потерял привлекательность. Да и река, давшая имя городу, в устье своем — стоячая химически яркая зелень, а не горный поток. И рыбе, скажем, в такой жидкости только сдохнуть остается.

Слышал, Гудаута и Скадовск давно соревнуются. Если б спорили, чей курорт благоустроеннее и гостеприимней! Нет, соревнуются Скадовский и Гудаутский районы, обширные территории интенсивного сельского хозяйства, на которые химия вовсю наступает.

Гудауту окружили виноградники и мандариновые рощи. А плоды как получаются? Большой химией. А у скадовчан царствует рис, значит, и удобрений поток. Причем рис, сами знаете, без обильной воды не растет. Где ее взять? Усталые днепровские воды, собрав по материку все стоки, затормозясь по пути в рукотворных морях-водохранилищах, под конец своего ползучего бега прибывают в Краснознаменский канал, растекаются по рисовым чекам. Сверху их приветливо осыпают пестицидами-гербицидами самолет за самолетом, а поскольку доходят до уровня морского, то с разгону заодно и пляж вам летчик «обрабатывает». Потом воду спускают с рисовых плантаций, с одной на другую, покамест запредельно грязные и вредные стоки не побратаются с черноморской водой. Сильны в море запасы самоочищения, да не беспредельны. А район соревнуется, и рис — его гордость и богатство; житница трудится. Перевести ее на безвредную и бессточную технологию... Это кто ж столько денег разрешит истратить?

И страсти накаляются...

Общественность поднимает голос в защиту природы, и местные власти начинают ему внимать, но весьма своеобразно: распространяют ли-

стовки, в которых уверяют — страхи преувеличены, купайтесь на здоровье!

Приезжие в Скадовск еще верят начальственным листовкам-заповедникам. Сами же скадовчане городским пляжем зареклись пользоваться и детям запретили. Переправляются ради купания через залив, на побережье острова Джарылгач.

Остров Джарылгач... Этот неширокий сорокакилометровый песчаный язык обладает какой-то тайной притягательности. Птицам, включая фазанов, тут нравится. Есть и олени, и кабаны, и лисы... Табун пошадея разгуливает на свободе. (А при Скадовском еще и верблюды паслись.) Притом растительность здесь самая пастбищная, характера полупустынного, да обильна и живности способна прокормить больше.

Радуется душа в этом краешке земли. И не мне одному он приглянулся: из Чехословакии поступало предложение взяться за Джарылгач как курортное местечко, в обмен же дать места в Карловых Варах; от мурманчан доходила идея передать землю в работу шведским фирмам — пусть оборудуют все на высшем уровне, после семилетней эксплуатации вернем району. Хорошо, районные власти на уговоры не подались. А самим взяться?..

Я бы предложил создать некое акционерное общество: пускай и организации, и частные лицакладывают средства, компонуют нужную, но экологически безвредную инфраструктуру. Обществом таким мог бы стать, например, кооператив типа садово-огородного, но не ради агроурожая, а ради урожая приезжающих на отдых. (Но не шашлычный, когда под дымовой завесой собирают бешеный «навар» и быстро скрываются с поля жарки.)

Хозяева нужны, которые и за домом, и за участком, и за окрестностью следить станут, чтобы у себя источник дохода не перекрыть, не обрубить. Не арендаторы-пришельцы, а постоянные радетели — вот кто надобен!

По Джарылгачу расселиться нет проблем, оставляя простор и пастыре: стада и табуны будут радовать глаз детский и взрослый, и та радость окажется подороже охотничьего азарта. Если же — о фантазия волшебная! — постояльцы умерят дикарские без кавычек наклонности, то райский сад окажется обитаемым, и — милости просим — приезжайте!

Когда это будет? И настанет ли?..

А пока «дикари» на отдыхе похож более на Робинсона, выброшенного цивилизацией на остров, да без верного Пятницы, который помог бы ему в вынужденной житейской и душевной маете. Впрочем, не все так мрачно. Что я имею в виду? Беда в том, что и Гудаута, и Скадовск просто райцентры со всеми нормами и нормативами согласно постоянно му населению в 14 и 22 тысячи душ соответственно. Словно нет ни морских прелестей, ни курортной действительности: она вынесена как бы за скобки, оставлена на волю добродути. Несколько, где же хозяин и хозяйские права? Городским организациям подвластна лишь малая часть, другая — району, еще другая — профсоюзам, еще — министерству...

Года три назад организация «дикарского» отдыха была навешена на Бюро путешествий и экскурсий, да так прижилась тут, что, похоже, стать может ведущей формой деятельности бюро... Издалека приезжают по предварительной договоренности компаний по тридцать — сорок человек, селятся в местных домах, жаждут в соседствующих, получая и сервис в комплексе, и некоторую защиту своих интересов: за их отдых отвечает здешнее бюро.

Дело это новое, и специализируются в нем, находят себя люди самые разные. Но (в лучшем случае!) пред-

“КОНТРРЕВОИЮ”

Вчера, в 6 часов вечера, в клубе имени Дзержинского Военный трибунал пограничных и внутренних войск Западно-Сибирского округа в открытом судебном заседании приступил к слушанию дела по обвинению бывших начальника Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Лунькова А. Г., начальника четвертого отделения того же горотдела Савкина А. И. и оперуполномоченного горотдела НКВД Белоусова А. И. в преступлении, предусмотренном ст. 193-17, пункт “а” УК РСФСР и бывшего и. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Клиппа Р. М. по ст. 109 УК РСФСР...

Обвиняемые Луньков, Савкин, Белоусов с провокационной целью, без всяких оснований производили аресты учащихся школ города, в том числе малолетних детей, обвиняя их в тяжчайших контрреволюционных преступлениях (дело Курбатовой и др.). И. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Клипп, даже не знакомясь с материалами обвинения, давал санкции на арест...

«Советская Сибирь», 21 февраля 1939 г.

В Ленинск-Кузнецке, как и по всей советской стране, счастливые советские школьники любят дружить, ходить друг к другу, беседовать, совместно читать книги, посещать кино. Неусыпное око Савкина зорко следит за всякой дружбой детей, чтобы, получив сигнал, обвинить 12-летнего школьника В. Логунова в создании “антисоветской” организации, в “терроре” педагогов, пионеров. Достаточно было обнаружить у 2—3 детей перочинные ножи, как детям предъявлялось тяжчайшее преступление, предусмотренное статьей 58-й Уголовного кодекса.

В фабрикацию ни на чем не основанных, от начала до конца высосанных из пальца обвинений против детей Савкин вкладывает все свои силы, проявляет высокую “изобретательность”. Он проникает инкогнито в школы Ленинска, собирает “данные” на месте, при этом ведет допросы детей в отсутствие педагогов с грубейшим нарушением законов, учиняя подписи на протоколах через 2—3 дня.

На судебном следствии Савкин прикидывается Иваном не помнящим родства. Он все запамятовал, “не помнит ничего”: ни дат, ни фамилий, ни фактов. Зато там, где это выгодно, чтобы выгородить себя, к Савкину вдруг возвращается память и он начинает говорить о конкретных делах.

Прокурор: Скажите, подсудимый Савкин, было или нет у вас достаточно данных, чтобы квалифицировать предъявленные детям обвинения, как контрреволюционные?

Савкин: Мне кажется, такие данные были.

Прокурор: Тогда назовите факты, укажите людей, конкретных виновников, время — когда и где это было?

Савкин: Не помню.

Прокурор: Какие у вас были данные для того, чтобы в составленной вами справке выдвинуть обвинение 12-летнему В. Логунову в том, что еще в 1935 году девятилетним мальчиком он занималася вербовочной деятельностью и руководил “антисоветской” организацией?

Савкин: Не помню, как могла встремиться в составленный мною документ эта ошибка.

Прокурор: Чем объясняете вы, что первоначально количество детей, допускаемых, по вашему мнению, антисоветские проступки, было определено цифрой 60, а потом эта цифра была доведена до 160? Не с потолка ли была взята эта цифра?

Савкин: Не помню. Вероятно, это машинистка опечатку сделала.

Прокурор: Отдавали ли вы себе отчет в том, что, предъявляя школьникам в возрасте 10—12 лет обвинения в тяжчайших государственных преступлениях, вы тем самым клеветали на счастливую советскую детвору?

Савкин: Только теперь мне стало ясно, что я поступил неправильно, грубо нарушил закон от 7 апреля 1935 года...

«Советская Сибирь», 22 февраля 1939 г.

Семилетний Володя допытывался у отца:

— Папа, а как делаются пушки?

Отец ответил сыну очень смешно и интересно. И в детском чистом воображении возникла веселая картина: вот делатель пушки “берет” дыру и “обливает” ее медью. Пушка готова.

Володя сиял от удовольствия. Он был счастлив на тех же основаниях, что и чеховский ребенок, которому мама нарисовала суп с клецками. Володя жил весело, прекрасно. Но вот через три года, в 1938 году, Володя попал сразу к четырем “папам”. Это были Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп. Они разговаривали с Володей на странном языке, упорно повторяя одни и те же слова: “фашизм”, “контрреволюция”, “террор”, “вооруженное восстание”, “вербовка”, “организация”.

Все эти дяди были с перьями и бумагой. На дворе стояла глухая полночь. Володе стало скучно и хотелось спать. Но незнакомые дяди, нацепив перья, продолжали повторять свои слова.

Дело не ладилось, но после нескольких дней, проведенных Володей в тюрьме, все пошло, как по маслу. Следователь Ленинск-Кузнецкого городского отдела НКВД Белоусов спрашивал:

— Вы состояли в контрреволюционной фашистской террористической организации?

Володя, становясь в позу и сдвинув брови, отвечал:

— Признаю себя виновным. Я состоял в контрреволюционной фашистской террористической организации.

И следствие продолжалось...

— Вы возглавляли группу?

— Признаю себя виновным. Я возглавлял группу.

— Вы свою вербовочную деятельность начали в 1935 году?

— Признаю себя виновным, — неизменно отвечал Володя. — Я свою вербовочную деятельность начал в 1935 году.

Белоусов торжествовал. Его начальники Савкин и Луньков были вне себя от радости, даже прокурор

Клипп, бездушный футляр, напичканный изречениями из словаря иностранных слов, проявил некоторое движение живости. На суде Белоусов нагло хвастает:

— Допрашивать мне было легко!

Правда, открылось пренеприятное обстоятельство. Надо спрашивать “преступника” Володю, когда же он был сам завербован в организацию. Ясно, что он был “завербован” раньше 1935 года, поскольку в 1935 году он уже сам “вербовал”, а в 1935 году “преступнику” было... 7 лет. Но вопрос разрешился сам собою. Володя был завербован задолго до его рождения.

Так стряпалось дело негодяями, пребравшимися в органы НКВД и прокуратуры, Луньковым, Савкиным, Белоусовым и Клиппом. Дети сидели в тюрьме вместе с бандитами, уголовниками и политическими. Часть детей уже была отправлена в тюрьму другого города.

Провокация, преступная, грязная, бессовестная клевета на советских детей! Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп прекрасно это понимали. Судебным следствием теперь точно установлены подлог документов, искусственность дела. Ни в каких документах следствия и сообщениях возраст “преступников” не указывался.

Председательствующий (к Лунькову): Следовательно, никакой контрреволюционной фашистской террористической организации не было и дети фашистами не были, никаких контрреволюционных замыслов не было, но вы обвинили их, создали дело. Как это дело называться?

Луньков: Фабрикацией. Конечно, это фабрикация.

Председательствующий: Где содергались ребята?

Луньков: В общих камерах.

Председательствующий: Кто в этом виноват?

Луньков: Я.

Председательствующий: А в том, что не было постельных принадлежностей, кто виноват?

Луньков: Я.

Председательствующий: Вам было известно, что допросы проводятся без родителей, без педагогов, ночью?

Луньков: Да, было известно.

Председательствующий: Почему вине это происходило?

Луньков: По моей вине.

Председательствующий зачитывает целый список детей, арестованных совершенно без всяких оснований. Луньков за каждой фамилией отвечает: “Да, он не виновен. Да, не виновен”.

Председательствующий: Но ведь вы всех их обвиняли в фашизме, террористической деятельности?

Луньков: Да.

Председательствующий: Откуда же взялась контрреволюция?

Луньков: Я дал!

Белоусов нехотя, со скрипом и увертками открывал ларчик.

Белоусов: Луньков сказал мне, что нигде не берутся за дело так, как мы. И если мы проведем это дело, то

авторитет наш поднимется высоко.

Белоусова суд допрашивает вслед за Луньковым. Белоусов — этоober-мастер провокации и лжи. На суде он также усиленно лжет, как лгал и в своих грязных писаниях — “протоколах допросов”. Прокурор разоблачает все его уловки одну за другой, и вот залгавшийся, страшно развязный ober-мастер провокации притерт к стене и выразительно машет рукой.

Белоусов рассказывает с удивительным спокойствием: «Я писал справки на арест детей. Писал я, придерживаясь “шапки” дела. А “шапку” составляли Савкин и я — вдвоем. Когда я составлял обвинительное заключение, то моя “шапка” вошла туда. Производил допрос без педагогов и родителей».

Прокурор: А дети, скажем, мальчик К., понимали ваши вопросы?

Белоусов: Не понимали.

Прокурор: Были ли в деле материалы, которые бы давали возможность квалифицировать контрреволюционную фашистскую террористическую повстанческую организацию?

Белоусов: Нет.

Прокурор: Вы знаете, что военная прокуратура прекратила это дело?

Белоусов: Прекрасно знаю.

Прокурор: Значит, дети сидели в тюрьме восемь месяцев напрасно?

Белоусов: А мне-то что!

«Советская Сибирь», 23 февраля 1939 г.

Прокурор: Расскажите, как проводился допрос детей?

Свидетель Киреев: Детей допрашивали в отсутствие педагогов и родителей. Это уже было грубое нарушение закона. Детей фактически не допрашивали, а внушали каждому из них мысль согласиться с теми доводами, какие были уже сформулированы, например, следователем Белоусовым и другими подсудимыми. Когда в Ленинск-Кузнецк приезжал я, зам. облпрокурора Зайцев, помощник главного военного прокурора Дорман и когда мы разъясняли арестованным детям настоящий смысл ранее данных ими показаний, дети наотрез отказались от подписанных ранее протоколов допроса. Детей спрашивали, например, знают ли они, что такое фашизм, кто такие фашисты, видели ли их дети. На это следовали такие ответы: «Таких мы видели в тюрьме, где мы сами вместе с ними сидели». Детям задавали третий вопрос: «Состоят ли они в “организации”, в чем выражалась “деятельность” членов такой организации?» На это дети отвечали: «А вот если Гришка Мишку ударил где-нибудь или толкнул его, или галстук пионерский потуже затянул, — значит, мы состояли в организации».

ИЗ РЕЧИ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА БРИГВЕНЮРИСТА Т. ЛИХОВИДОВА. ...Об этой провокации было известно Лунькову и Клиппу, но ни тот, ни другой не проявили себя политическими деятелями, бдительными, зоркими работниками. И тот и другой показали себя ротозеями, политическими шляпами. Клипп выполнял роль штамповщика, он санкционировал аресты детей, хотя не

ИСНЕРЫ"

имел на это никаких оснований. Своими преступными действиями грубо творя беззаконие и самоуправство, Клипп объективно способствовал врагам народа.

Подсудимые, используя свое должностное положение, своими провокационными действиями пытались дискредитировать и запятнать геройическое знамя нашей славной советской разведки. Они забыли о том, что это не удавалось и не удастся сделать никому и никогда. Наша партия, руководимая великим Сталиным, наши славные органы НКВД и прокуратуры не позволяют никому в какой-либо степени опорочить работу наркомвнедельцев, работников прокуратуры. Всякий, кто пытается это делать, будет разоблачен и беспощадно наказан. Органы НКВД под боевым руководством партии и испытанного большевика-ленинца тов. Л. П. Берия разоблачили и будут впредь разоблачать врагов народа и их пособников и беспощадно их уничтожать. Пусть знают все, что указания великого Сталина — беспощадно вскрывать всякие недочеты, ошибки и извращения в нашей работе, критиковать всех работников, невзирая на лица, эти указания выполняются и будут выполняться...

...Трибунал приговорил: Лунькова А. Г.— к 7 годам лишения свободы, Савкина А. И.— к 10 годам, Белоусова А. И.— к 5 годам и Клиппа Р. М.— к 5 годам лишения свободы. Приговор вынесен без лишения избирательных прав. Все подсудимые лишины носимых ими званий.

«Советская Сибирь». 24 февраля 1939 г.

7 апреля 1935 года, через четыре месяца после убийства С. М. Кирова и новой волны массовых репрессий, было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в применении насилия, нанесении телесных повреждений,увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»...

И начались по стране «детские процессы». Но брали не только детей «врагов народа». Сын полководца Ионы Якира, арестованный в 14 лет и проведший в сталинских казематах более 17 лет, рассказал мне, что даже в тюрьмах и лагерях, исходя из этого постановления, стали «переквалифицировать» подростков, совершивших хулиганские, воровские и иные проступки. Им начали вменять в вину шпионаж, террор, контрреволюцию. В тюрьме, где был Петр Якир, такая «переквалификация» вызвала бурный протест. Уголовники, не желавшие иметь что-либо общее с «врагами народа», объявили голодовку, забаррикадировали двери камер...

Разумеется, пресса того времени не могла говорить всей правды о том, как велись «детские дела». В своей книге «Детство в тюрьме» Петр Якир рассказал об одном из эпизодов, который произошел в 1938 году в Челябинской тюрьме. Ему было уже 15 лет и он

находился в камере для взрослых. Обычно, когда в камеру приносили обед, то дверь открывали, чтобы проверить помещение. Но как-то надсмотрщики сменились и проверивание прекратилось. В знак протеста заключенные объявили голодовку. Начальство тюрьмы отдало распоряжение найти новых. Первыми увеличили на допрос двоих взрослых. Затем повели Петра Якира.

«За столом,— вспоминает он,— сидел начальник тюрьмы, рядом с ним стоял человек в чекистской форме. Когда меня завели, чекист вплотную подошел ко мне и ударил меня по лицу

— А ну расскажи, кто инициатор этого контрреволюционного выступления?

Я попытался объяснить, что никаких инициаторов нет, просто в камере невыносимые условия. Меня еще раз ударили и, не добившись ответа, поволокли в смежную комнату под крики начальника:

— Сейчас после «рубашки» язык развязывается.

В соседней комнате на меня напялили брезентовую рубаху, длиной больше моего роста с длинными рукавами; свалили на пол лицом вниз; рукава связали на спине, завернув руки за спину; соединили их с подолом рубашки, привязали этот узел к веревке, которая проходила через блок, привешенный к потолку, и пиняя ногами по ребрам, начали небольшими рывками подтягивать меня вверх. Сначала я прогнулся, живот еще оставался на полу. Было безумно больно. В тот момент, когда я оторвался от пола, потерял сознание. Очнулся я через некоторое время, после того как меня облили водой. Вокруг стояли все те же, а мою руку держал врач в халате и щупал пульс. После этого меня спросили: «Будешь говорить?» Я опять сказал, что ничего не знаю. Окружающие ругались матом. Процедура с подтягиванием повторилась еще два раза. После этого начальник тюрьмы, обращаясь к чекисту, сказал: «Ладно, пускай его отнесут в карцер, а то еще сдохнет и нам может попасть, так как он по спецнайду».

Ретивые искатели «врагов народа», случалось, арестовывали подростков и младше двенадцати лет, обвиняя их по 58-й статье. Так произошло и в Ленинск-Кузнецке. «Перегиб» был наказан публично, о чем и поведала «Советская Сибирь». Но не в детях, восемь месяцев просидевших в тюремных камерах, конечно, было дело. Ни судья, ни прокурор и словом не обмолвились по поводу абсурдности и дикости самого постановления «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Эту группу 10–11-летних подростков выпустили, а сколько двенадцатилетних осталось в тюрьмах!.. Нужно было продемонстрировать народу, как справедлива сталинская демократия и как строга она к нарушителям закона...

Леонид ПЕТРОВСКИЙ

Окончание. Начало на 18-й стр.

Они совершили убийство в сентябре прошлого года. Суд состоялся совсем недавно. Почему? Попав в следственный изолятор, они узнали, что ожидается утверждение новых Основ уголовного законодательства, по которым лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет (статья 68-я), срок лишения свободы за тяжкое преступление не может превышать семи лет (вместо нынешних десяти). Они поверили, что можно протянуть время, дождаться принятия новых Основ и сократить себе наказание минимум на три года. Вот и «выдавали» следователям прокуратуры по преступлению в месяц, откровенно тянули время.

О каком раскаянии тут можно говорить?

Пронский признался, что лично у него был еще и другой расчет: «Чтобы все успокоились».

Один из восьми томов уголовного дела составляют коллективные письма жителей Белгорода и области. Десятки трудовых коллективов, включая профтехучилища, где учились Наумов и Пронский, требуют назначить им — в порядке исключения — смертную казнь.

Проводя закрытое слушание дела, суд сослался на то, что слишком многое грязных подробностей, порочащих честь и достоинство потерпевших. Родители мальчиков потребовали провести открытое слушание той части дела, которая касается их детей, справедливо полагая, что город давно уже знает подробности и судебное разбирательство не сможет обесчестить их детей в большей степени, чем это сделали преступники. К ним не прислушались.

Устроители процесса добились своего. Зал был пуст. Не было ни одного представителя от белгородского комсомола, от местной прессы. Закрытое слушание. Кому-то оно стало удобным поводом не прийти. Закрытость судебного разбирательства, по существу, оказалась выгодной убийцам. Они и здесь добились своего: «Все успокоились».

Успокаивали долго. Устно и в местной печати. «Требования смертной казни», — писал в «Белгородской правде» начальник следственного управления областной прокуратуры О. И. Васильченко, — следствие грубейшего правового невежества. Ранее, в период пребывания Л. И. Брежнева на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, был случай, когда Президиум Верховного Совета СССР разрешил «в порядке исключения» применить смертную казнь к лицу, не достигшему 18-летнего возраста. Но такие «вольности» не только не способствовали укреплению авторитета закона, а, наоборот, порождали к нему неуважение, толкали следователей, прокуроров и судей к нарушению закона. В отношении несовершеннолетних исключительная мера наказания не может быть применена. Об этом прямо сказано в статье 24-й Уголовного кодекса РСФСР. Закон есть закон, и никому не дано право его нарушать».

Можно добавить, что в 1973 году СССР присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах, согласно которому смертный приговор не может выноситься за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. К этому пакту присоединилось подавляющее большинство стран мира.

Да, законы требуют неукоснительного соблюдения. Но давайте прислушаемся к доводам тех, кто требует расстрела Наумова и Пронского. «Только в нашем институте,— читая я в одном из писем,— оказалось более трех тысяч «правовых невежд». Нет, не так просто было любому из нас решиться поставить свою подпись. Но нам ясно, что преступники не только не раскаиваются, но и ведут себя как победители. Так можно ли ждать от них исправления? После 10-летней «стажировки» в местах лишения свободы они будут уби-

вать еще изощреннее. Вновь будут жертвы. Так не будет ли преступлением перед этими новыми жертвами приговор, сохраняющий убийцам жизнь? Законы принимаются для защиты народа и одобряются народом. Защищает ли сегодняшний закон наших детей от несовершеннолетних убийц? Нет, не защищает. Одобряется ли этот закон народом? У нас в Белгороде — нет. Если бы об этом преступлении знали все советские люди, думаю, что большинство высказало бы точно такое же мнение. Так почему же нельзя отменить закон, который в большей степени защищает убийц от смертной казни, чем наших детей от этих убийц?»

Рядом с этим письмом у меня на столе лежит заметка под заголовком «Вернется ли гильотина?». В ней говорится, что с требованием восстановить смертную казнь за особо жестокие и опасные преступления выступил во французском сенате бывший министр внутренних дел. Он не уверен, говорит в заметке, что его законопроект пройдет через Национальное собрание, и поэтому намерен обратиться к народу. И совсем недавно в программе «Время» прозвучало сообщение о том, что в США были приговорены к смертной казни подростки 15–16 лет, совершившие особо тяжкие преступления.

Что же получается? Во Франции и США такие же «правовые невежды», как и в Белгороде? Или все-таки там обращаются с законом так, как с ним и надо обращаться, видя в нем инструмент борьбы с преступностью, а не мертвую строку, которую нельзя переписать заново. На Западе ужесточают ответственность несовершеннолетних за особо тяжкие преступления, исходя из того, что современный 15–17-летний подросток вполне зрелая личность. Наши же законодатели, уделяясь в крайность, понижают потолок уголовной ответственности с десяти до семи лет. Так кто же в большей степени невежествен в правовом отношении?

Двадцати семи потерпевшим судья говорил одну и ту же фразу: «За ложных показаний вам грозит уголовная ответственность до семи лет лишения свободы». Такая же кара грозит несовершеннолетним насильникам и убийцам, если статья 68-я новых Основ будет принята в том виде, в каком она разработана законодателями. Это ли не абсурд?

Работники правоохранительных органов справедливо предупреждают, что подобное ослабление уголовной ответственности приведет к увеличению числа наемых убийц среди несовершеннолетних. Не исключено также, что сами потерпевшие будут прибегать к услугам наемых убийц, чтобы отомстить. Выслушав это предположение, Антонов сказал мне: «И я бы нанял!» Сказал в горе, в отчаянии. Но ведь сказал!

Еще раз перечитываю сообщения пресс-группы УВД Белгородского облисполкома. «28 февраля 1989 года Максим Викторович Шарчнев (1973 года рождения) ушел из дома и не вернулся». «15 апреля ушел из дома и не вернулся Галицкий Владимир Афанасьевич, 1970 года рождения»... Хорошие лица у этих ребят. Где они? Что с ними случилось? Всего в прошлом году в Белгороде пропало без вести 236 человек. Сколько таких, бесследно изчезнувших, по всей стране? Тысячи? Десятки тысяч? Люди пропадают без вести, словно вокруг идет война.

Кто знает... Если бы не смелость парня, видевшего, как Наумов и Пронский уводили мальчиков, не побоявшегося сказать об этом родителям, и если бы не активность родителей, Женя Лунин и Роман до сих пор числились бы в списке без вести пропавших.

Когда этот материал готовился к печати, суд еще не вынес своего приговора. Мы знали только, что обоим убийцам грозит наказание сроком до 10 лет лишения свободы. Год они уже отсидели. Примерно через пять лет они могут освободиться...

МЕРГИВЫЕ ДНИ

МАСТЕР

Окончание. Начало на 2-й стр.

ла — а сейчас еще больше! — на поведение, настроение людей и их поступки. В экономическом отношении многие наши сценические персонажи — люди на удивление независимые. У А. Дюма был один граф Монте-Кристо, у нас — почти все действующие лица...

Я как-то на коллегии Министерства культуры СССР неожиданно для себя высказал мысль: тем драматургам, которые способны создать первоклассную первооснову для прибыльного театрального проекта, мне было бы не жалко платить, как в царские времена.

— А как платили в царские времена?

— А. Н. Островский добился авторских отчислений, превышающих нынешние, советские, в четыре раза.

— Марк Анатольевич, все знают, что вы очень щедрый человек.

— Да, щедрый, потому что этого нам все равно никто не разрешит. Как и сколько платить людям в системе военно-феодального уклада, прерогатива высшего начальства, а не заказчика. Так вот, если в стране произойдут наконец ожидаемые радикальные изменения в экономической, правовой и культурной сферах, рухнет привычная сталинская шпиономания, а с нею и самая устойчивая в народе миф о «границе на замке», тогда можно надеяться на то, что режиссерам наконец развязут руки с точки зрения коммерции. Между прочим, большинство советских людей по сию пору продолжает верить, что на той стороне вспаханной пограничной полосы ежевечерне собираются полчища коварных диверсантов на копытах и мотоциклах, чтобы с наступлением темноты проникнуть в наши колхозы, совхозы, отделения Агропрома и промышленные предприятия. Спрашивается: зачем? Цель — подлог. За счет вредительства снизить нашу производительность труда. Хотят изо всех сил навредить, не понимая своим капиталистическим умом, что цель эта недостижимая. Нашу производительность уже не снишишь, как ни старайся.

Начальство в последнее время (в том числе театральное, что совсем смешно) упрекает режиссеров в коммерциализации, то есть в умении коммерчески мыслить. Это явная и грубая лесть. За нами такого не числится. Здоровое, трезвое, экономически обоснованное мышление лишь поставлено на повестку дня, все остальное — эмоции обессиленного цензурного аппарата, который, подавив рычание, прикинулся улыбчивым другом творческой интеллигенции. Надеюсь ли я хотя бы на частичную коммерциализацию нашего кинематографа и театра? Иными словами, надеюсь ли я, что новые произведения советского искусства будут обладать не ритуальной значимостью, но товарной ценностью.

примчевые, контактные, озабоченные престижем родного курорта. В Гудауте и в Скадовске турбюро возглавляют Сергей Васильевич Чакветадзе — отставной офицер и Лариса Николаевна Оголь — вчерашняя учительница. Ходили мы с Сергеем Васильевичем по домам, где помещены его подопечные. Дома эти отобраны еще с весны, тогда же и договор заключили между турбюро и домовладельцами: сдается не более пяти коечек, за два рубля в день каждая. (Если может хозяин принять больше, то других берет сверх договора.) По диктуемым правилам, откладывающих с детьми до двенадцати лет турбюро принимать не должно, но и в Гудауте, и в Скадовске на это остаетсяглядеть сквозь пальцы: что же, вслить людей повернуть? Другое дело — почему плата «под гребенку»? И дома разного качества.

стю? Боюсь надеяться, но хочу. И даже иногда надеюсь. И, кстати, хочу воздать должное «Ворам в законе» Юрия Кары и Фазиля Искандера.

Конструируя остроженную структуру, он не привносит в нее осточертевшую нам среднестатистическую психологизацию, не разбавляет «закрученный» сюжет набившими оскомину инородно-бытовыми зарисовками. Дескать, снимаю детектив, но художник я настолько глубокий, что погоня и фантастическое напряжение мне радости не доставляют. Мне дороже, дескать, если жена спросит: «Ты будешь ужинать?» А муж не ответит, сощурится, как сущная груша, и начнется долгая panorama на дымку заснеженного леса, а за ней — переброска фокуса на подмоченную скатерть, а она такая старая, демотканая, еще с гражданской войны. Дед был кавалеристом. Поэтому и слышится порой далекое призывающее ржание: «Не ошибись, сынок, судьбами людей играешься!» И тут сразу снег-снег-снег... И все на пальмы — на пальмы — на пальмы... с огоньком в перезасветке, но с недопечаткой...

— А если бы вы были независимым руководителем большого творческого объединения, ну... как на Западе, например, — без согласований, проволочек, отчетов и т. д.

Ответил живо:

— Будь я руководителем кинообъединения, например, я бы не задумываясь дал Юрию Каре деньги под его следующий замысел. И денег бы дал много. Но пришел бы ко мне Юлий Красик, самый обаятельный и любимый мною человек на «Мосфильме», с предложением экранизировать «На дне» Горького — я заплакал бы вместе с ним, но денег не дал. Есть идеи, которые я бы финансировал лишь в случае инициативы особо одаренных, точнее, сверхдаренных режиссеров. А будут ли в нашей жизни такие разумные, обаятельные и преуспевающие продюсеры, как я? Будут! Один уже есть. Сергей Соловьев. Его «Ассу» не полюбил. Но отдаю должное его организаторскому дару, творческому горению и просветленному сознанию.

— Вы говорите о кино, а это — производство. Для театра нужны, по-видимому, какие-то другие модели и принципы. Относительно театра вы же сами как-то сказали, что иногда необходимо ставить спектакли, можно их только предрекать...

Он промолчал, как бы давая понять, что согласен и что устал.

ИЗ КНИГИ М. ЗАХАРОВА, КОТОРАЯ СЕЙЧАС ПИШЕТСЯ

...Всю жизнь я бредил футболом и сколько помню себя — всегда гонял надувные или тряпичные мячи в узких и шумных дворах послевоенной Красной Пресни. В те незабвенные годы я часто лазал через забор стадиона «Динамо» — смотреть на самых знаменитых

людей нашей планеты: Федотова, Боброва, Пономарева, Хомича, Бескова, Леонтьева, Пайчадзе... В 1953 году на краснопресненском стадионе «Красное знамя» (был когда-то такой) я уверенно стоял в воротах сборной ГИТИСа против команды Театра оперетты, производя на всех очень хорошее впечатление. Последний раз я играл полевым игроком в товарищеской встрече вместе с артистами нашего театра во время гастрольной поездки в город Ростов-на-Дону в 1976 году. Это был мой последний футбольный матч. После этого я ушел на заслуженный отдых, несмотря на многочисленные протесты артистов, которые всегда видели во мне прежде всего футболиста. Теперь все свои силы отдаю своему хобби — рукожу театром и иногда ставлю спектакли. Однако я продолжаю любить эту самую драматическую, самую азартную и самую веселую игру на свете, считаю, что она очень близка театральному искусству и дарит людям ни с чем не сравнимые ощущения. Как ни в одном другом спортивном состязании, в футболе заложена какая-то особая, вызывающая душу радость человеческого единения.

ДИАЛОГИ В ЛИЦАХ

...Какое-то время мы молчали, размышляя каждый о своем и наверняка о разном. Час был поздний. Я вдруг поймал себя на том, что в эту затянувшуюся «минуту молчания» уже долго смотрю на красивый плакат с надписью «Юнона и Авось» на французском.

— Марк Анатольевич?..

— Да, да?

Я показал глазами на плакат:

— Насколько знаю, последние зарубежные гастроли вашего театра со спектаклем «Юнона и Авось» проходили в Голландии... А каковы ваши прогнозы развития музыкального спектакля? Давненько вы не удивляли мир шумным музыкальным зрелищем.

— Да возраст уж, знаете... к тому же народный депутат... Нет, если серьезно, то я думаю о постановке, связанной с именем Мусоргского. Хотелось бы уйти от зрительского прогноза, привлечь новые идеи, новые принципы сценического мышления применительно к музыке.

Когда я был в США, то наблюдал, как в музыкальном центре Юджина О'Нила формировались проекты музыкальных спектаклей. Надо сказать, меня несколько обескуражило само производство музыкальной продукции. Это скорее технологический, нежели творческий процесс. Берется сюжет, и как бы из готовых «музыкальных блоков» выстраивается спектакль. За одну-две недели. Мне все же кажется, что хорошее искусство возникает там, где есть боль, и эта боль повинует над страной, над нацией. В Голландии, где мы гастролировали, все вроде бы в порядке, но в социальных программах, которые находятся на очень высоком уровне реализации, театру не хватает места.

Как можнотише я спросил:

— Вам не понравилось в Голландии?..

— Мне понравилось в Голландии. Очень. Но я, например, понимаю, почему «Сто лет одиночества» появилось не в Голландии, а в маленьком городе Колумбии, на родине Маркса. По-видимому, искусство все-таки рождается в каких-то «улканических» зонах...

— Мусоргский, конечно, не Рыбников...

— Я понял.

— Так ведь...

— Я понял.

И мне невольно вспомнилась одна из репетиций «Диктатуры совести», где я услышал этот тон и эту внезапную, так сказать, сдержанность, когда человек, которому эта сдержанность неназойливо адресуется, вдруг «оседает» на глазах и уже не задает вопросов, а если молодой, то не шалит. А затем я услышал свой собственный голос:

— Марк Анатольевич, скажите, пожалуйста... Вам не кажется, что для такого музыкального материала потребуется новый тип актеров? Не боитесь ли вы, что ваши не потянут?

— Боясь. Мы попытались спеть несколько вещей Мусоргского с микрофоном, не надрываясь. Оказалось, что это очень выразительно...

Если честно, я сразу живо представил Александра Абдулова, задумчиво поюще под музыку Модеста Мусоргского. Но про свое видение Захарову не сообщил. Спросил только:

— Меня давно занимает вопрос: как у вас обстоят дела со слухом? Он абсолютный?

— Отвратительный, — совершенно серьезно ответил Захаров. — Спеть точно не могу. Если пою по необходимости, то только Гладкову или Рыбникову. Они свои. Они простят.

— Марк Анатольевич, а почему, когда вы говорите, то не смотрите в глаза собеседнику?

— Я считаю, что я это не вам говорю, а сразу уж заодно всем народу, сразу всем будущим поколениям завещаю. Но когда говорите вы, я всегда смотрю на вас.

И под его открытым, добрым взглядом я произнес:

— Прошу вас, сделайте исключение, ответьте, глядя на меня... Вопрос простой: в нескольких ваших фильмах постоянно присутствует слово «мастэр»... Почему?

— Я иногда люблю слова, которые имеют какую-то звучную, ударную фонетику и несут в себе некоторую музыкальность. Мне, например, очень нравится слово «Трам». Так назывался наш театр, когда его только что организовали московские комсомольцы. Для меня «Театр имени Ленинского комсомола» звучит слишком торжественно и менее музыкально...

И вновь я увидел его профиль с неизменным, живущим где-то за кончиком носа лукавством... И еще я подумал: как все-таки замечательно слышит Захаров мир.

уж платите и прописывайтесь. Попечность грозит и неудобствами, и огорчениями.

Коль дошло до советов, порассуждаем...

Но зачем искать финансирование на стороне, зачем откачивать хорватский доход по вышестоящим контрактам? Не мобилизововать ли тот самый прибыток от частного сектора на развертывание курортного дела? Тогда и дома могли бы при организованном содействии расширяться и благоустраиваться, и снабжение, и все составляющие отдыха улучшаться. И людей больше привлекают, и денег они больше оставляют, и курортное колесо крутиться станет веселее.

Тогда-то и прием «дикарского» потока из сомнительного промысла обернется социально авторитетным занятием, город украшающим...

и участки, и мебель, и прочий комфорт. Надо бы дифференциацией заняться, подхлестывая улучшения. В Скадовске, кстати, цена разнится от рубля семидесяти пяти копеек до двух восьмидесяти. Впрочем, эта справедливость распространяется лишь на предоставляемые удобства, а вот близость кровя к пляжу и прочие выгоды во внимание не берутся. Оттого пресловутые курятники, хоть они и вне официального учета, но у моря вблизи, приносят хозяевам солидный барыш. И если в Скадовске леваков этих еще попугивают, то в Гудауте их как бы не берут в расчет...

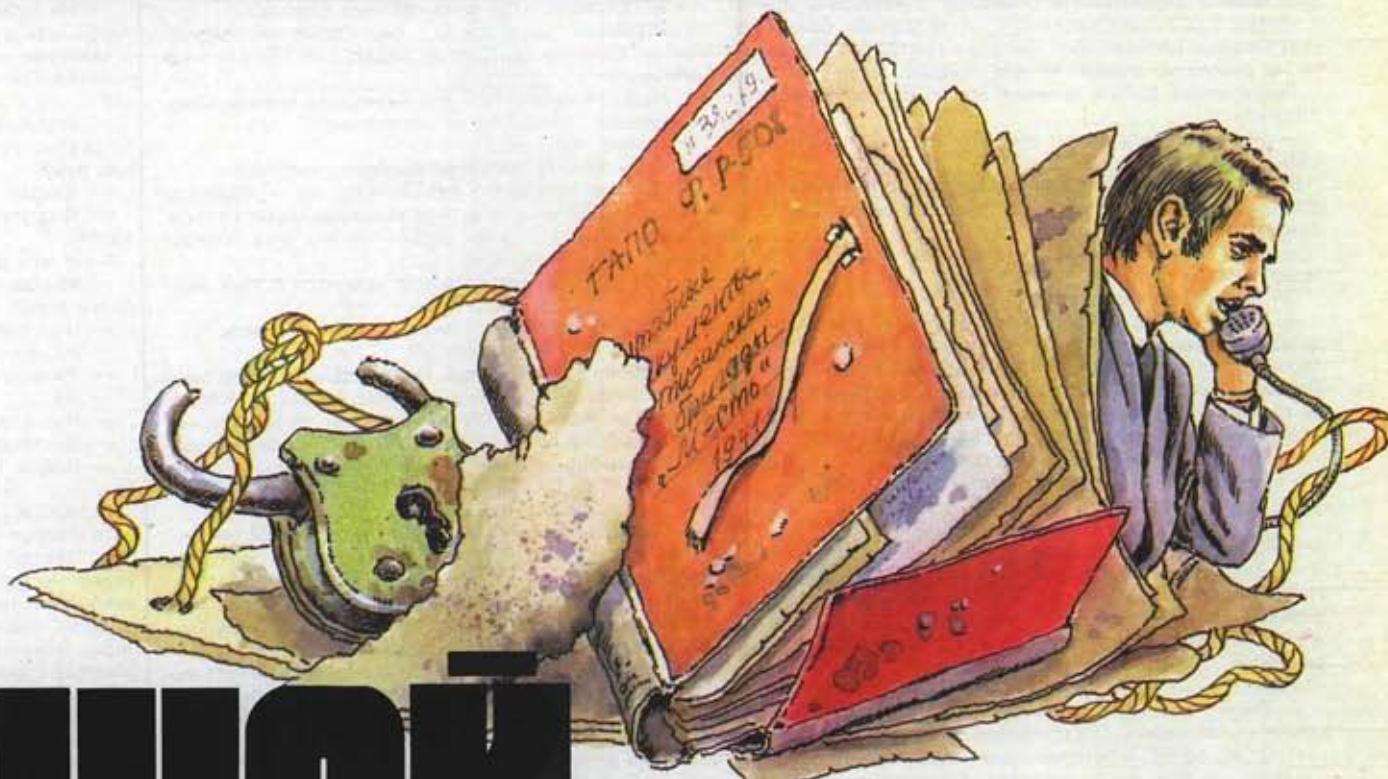
Полюбопытствовал: как и чем коряются отдыхающие? У Чакветадзе столются в общепите по талонам. У Ларисы Николаевны в Скадовске кооператоры пришли на выручку. Попаденная плата по здешним ценам

вполне приемлема: пять целковых. И столики под навесом во дворе дома — это вам не загородчатые раздачи самообслуживания...

Ясная вроде штука — квартирно-посредническое бюро: но в городе есть бюро скадовское и есть... николаевское, аж из другой области! По сути, Скадовск поделен на зоны влияния; и скадовчане, и николаевцы зорко следят за соблюдением «конвенции». Чем не Ильф и Петров!

Через день одно квартбюро дежурит у аэропорта, а второе — у автостанции, друг к другу впритык. Тут же ваются заинтересованные домовладельцы: и все это зрешище, любопытное со стороны, изнутри — обычное торгащество, отнюдь не украшающее наш отдых.

Право, могу посоветовать прибывающим: не горячитесь, присмотритесь, выберите, что по вкусу, а после

НОЧНОЙ ГАБЬЯНС

Григорий ГЛАЗОВ

18

Задержанный в аэропорту за спекуляцию водкой шофер такси Смотрицкий сидел в кабинете следователя — в маленькой комнате с одним окном, где, кроме стола, четырех стульев и старого, обшарпанного сейфа, ничего не было.

Смотрицкий был хмур и небрит.

— Значит, решили заработать? — спросил следователь. — За бутылку — десятка. Неплохой навар.

— Да, — вздохнул таксист. — Врать не стану.

— Очень правильная мысль... Сами-то пьете?

— Нет! Ей-богу, нет!.. Печень больная, нельзя мне.

— Вот и вышло, как в поговорке: «Хмельного в рот не берет, а на своих ногах зашатался». Так, что ли?.. Сколько же у вас всего было водки?

— Тридцать поллитровок.

— И давно занимаетесь таким промыслом?

— Первый раз! Никогда в жизни... до этого!

— Допустим... Водку-то оптом брали? В каком магазине? Левую?

— Не в магазине я... С рук.

— Ворованная, что ли?

— Выходит.

— Кто же ваши снабженцы?

— Сосед мой и его дружок. В ПТУ учатся.

— Как часто они вам сбывают краденое?

— Я ж говорю, это первый раз!

— А сами где берут? Поинтересовались?

— Спросил. Отмахнулись, не твое, мол, дело. За полцены отдали, чохом.

— Оптовики, значит, — усмехнулся следователь. — Фамилии их знаете?

— Сосед — Лупол Витька. С теткой живет в шестой квартире. Родители в селе. Второго только по имени знаю — Федька...

Беседовали они еще с полчаса.

— Прочтите и распишитесь. — Следователь пододвинул ему протокол допроса.

Смотрицкий подписал бумагу, не читая, и тихо спросил:

— Куда же мне теперь?

— Он вам скажет, — кивнул следователь в сторону двери — там уже стоял непонятно каким образом возникший сержант, дверь приотворена...

После полудня взяли одного, прямо из дома, к вечеру — другого, из общежития ПТУ. Особых хлопот с ними не было. Никаких противоречий в показаниях. Сразу и точно назвали, где, когда и сколько взяли водки. Все оказалось проще пареной репы: возвращались из училища,шли мимо Армянского собора, увидели, как подъехала грузовая машина, привезшая ящики с водкой, проследили, куда их сгружают, а ночью отправились на промысел.

Следователь выяснил, что в подвале собора находились складские помещения разных организаций. Водку там хранил райторг. Вызвали представителя, он посчитал и подтвердил, что недостает тридцати бутылок.

Когда с воришками отправились на место преступления, они, не путаясь, прямиком привели к отсеку, показали, как взломали замок, нашлось и орудие — ломик, который они забросили через забор в бурьян соседнего двора.

— Это тоже ваших рук дело? — обратил внимание следователь на соседнюю дверь с выдернутой дужкой щеколды. — Что здесь взяли?

— А ничего. Бумажки там. Мы думали, консервы, — прогнувшись старший.

Следователь вошел в отсек, посветил фонариком. Увидев вскрытые ящики, заглянул в один-другой. Там лежали какие-то туто набитые папки.

— Кто арендует это помещение? — спросил следователь у участкового.

— Областной архив.

— Понятно... Что ж, поехали...

Пока шли к «узику» с зарешеченными окнами, следователь думал, что дело закончено, можно писать обвинительное заключение и отправлять районному прокурору для передачи в суд, а мальчишки перешептывались между собой.

— Надо бы сказать про того, с фонариком.

— Поможет нам, что ли? На хрена он им нужен.

— Все-таки...

— Не лезь. Мало ли кто это был... Нам с ним пугаться ни к чему...

— Вы что там, собеседники? — посмотрел на них следователь. — Еще набеседуетесь, времени будет достаточно.

— Мы видели в подвале еще одного, — не выдержал младший.

— Иши, «еще одного»! Это кого же? — недоверчиво сказал следователь.

— Не знаю. Пришел с фонариком, покрутился и ушел.

— Хватит сочинять! Садись в машину! — В голове у следователя почти сложилось несложное обвинительное заключение, ему мешали посторонние разговоры, отвлекали, да и вникать в них не имело смысла, когда все уже в этом заурядном деле стало на свои места... — Поехали! — скомандовал он, и «узик» показал по брускатке.

19

С отбором документов для передачи в соседнюю область Ярослав Романец провозился две недели. Теперь гора папок почти заполонила его комнатку и еще одну, в конце коридора, где стояла газовая плита и куда сотрудники приходили вскипятить воду в коллективном белом чайнике с облупившейся эмалью.

Романец несколько раз проветривал помещение, но специфический запах старой, иссохшей бумаги и микроскопической пыли еще не выветрился, сухо щекотал в носу. До сих пор ныла поясница. Чтобы как-то создать равновесие в душе, Романец ухватился за «Избранные жизнеописания» Плутарха, за книгу, которую можно перечитывать с начала, с серединой или с конца; она освобождала его от ощущения присутствия в душе прочих забот. Он даже притянул Плутарха на работу и, плонув на все, полдня читал.

Телефонный звонок прервал его на понравившихся строчках.

— Ярослав Федорович, зайдите ко мне, пожалуйста...

Когда он вошел, Надежда Францевна встретила его, стоя за столом; аскетическое лицо ее было сейчас похоже на маску.

— У нас неприятности,— не садясь, а значит, не предлагая сесть и ему, сказала она.

Он выжидательно промолчал.

— Мне звонили из райотдела милиции. Взломали двери нашего хранилища в Армянском соборе. И не только двери. Вскрыты ящики. Какие-то хулиганы. Прошу вас оставить все дела, нужно немедленно пойти туда и по описям проверить, все ли на месте.— Она сделала паузу и пристально посмотрела на него.

— Сейчас?— бессстрастно спросил он.

— Немедленно. Вечером позвоните мне.

— Вы будете здесь?

— Да, я буду ждать вашего звонка.

Романец направился к двери, но она остановила его:

— Две недели тому назад я передала вам запрос из Инюрокколегии. Вы до сих пор не приготовили эту справку. Не имея ее, они задерживают кого-то, а те, в свою очередь, кого-то, начинается цепная реакция безделья... В итоге кто-то страдает. Вы никогда не страдали?

— Вы же знаете, чем я был занят, Надежда Францевна,— как можно миролюбивее ответил Романец...

В тот же вечер, в половине одиннадцатого, Ярослав Романец, выйдя из подземелья Армянского собора, звонил из автомата директору архива. Надежда Францевна устала ждать этого звонка, нервничала, в душе ругала Романца, что он так долго возится. Но, будучи человеком степенным и по-старомодному, как считали ее подчиненные, справедливым, она постаралась осадить себя, понимая, что отправила Романца в сырье подвалы собора не семечки лузгать.

— Ну что, Ярослав Федорович? Как вы там? Намучились?

— Все на месте, кроме одной папки,— ответил Романец, глядя сквозь стекло будки на темную пустынную улицу.

— Какой именно?

— Что-то из военных лет,— ответил Романец и по памяти назвал полный текст архивной ссылки: номера фонда, описи и дела.

— Оригинал или копия?

— Оригинал. Так, во всяком случае, указано в описи, которая у меня.

— Придется оттуда забрать все ящики,— задумчиво, как бы размышляя, сказала Надежда Францевна.— Но куда? Ума не приложу, всюду теснота.

— Это уже, надеюсь, не моя забота,— произнес Романец. Справа стекло в будке было выбито, и он наблюдал, как собачка размером с котенка, спущенная женщиной с поводка, резво и радостно подпрыгивая, носилась от дерева к дереву, обнюхивала комель, а потом изящно задирала лапку.— Зачем спешить? Пришлите сюда завхоза, пусть набьет на дверь хорошие переплеты, поставит новые замки,— посоветовал Романец, заранее зная, что ящики отсюда она уберет.— Я могу идти спать?

— Да, конечно. Ярослав Федорович,— вздохнула огорченно Надежда Францевна и положила трубку.

Он усмехнулся и вышел из будки.

20

Инспектор уголовного розыска был зол. Сейф полон незаконченных дел: разбой, квартирные кражи, четыре угона автомашин, этапирован рецидивист, заявивший уже в колонии, что три давних нераскрытых грабежа совершил он, хотя сел по другим делам, а когда этапировали сюда, выяснилось, что это самооговор. Есть любители прогуляться в родной город хоть таким путем. И тут на тебе — опять возникли мальчишки, укравшие водку! Вроде закончил с ними, передал следователю, тот написал уже обвинительное заключение, а теперь придется притормозить: заявление из облархива об исчезновении какой-то папки с бумагами. Мальчишкам надо будет опять допрашивать. Отпущеные до суда под личное поручительство родителей, они сейчас сидели в коридоре, испуганно гадая, что произошло, почему милиция вновь заинтересовалась ими.

Надежда Францевна впервые посещала милицию. Поразили убожество кабинета, цвет и общая грязь стен в коридоре, слишком громкие голоса в дежурке, грохот салог по грязному полу, смешавшиеся запахи хлорки, табачного дыма, пота. Сидевший напротив нее человек в штатском, которому на вид можно было дать лет сорок, то ли уставшим, то ли безразличным

взглядом еще раз прочитал заявление, напечатанное Надеждой Францевной на бланке, перевернул его зачем-то, хотя на обороте бумага была совершенно чистой, и опять положил перед собой.

— Что находилось в этой папке? — спросил он.

— Документы.

— Я понимаю, что не конфетные фантики.

— Штабные документы партизанского отряда «Месть». Оригиналы. Я их не видела, но так значится в описи.

— Надо полагать, что для нынешних времен никой военной тайны они не составляют?

— Думаю, нет.

— Кому же эта папка могла понадобиться?

— Это уж выясните, пожалуйста, вы.— Надежда Францевна поджала губы и осторожно двумя пальцами прикоснулась к своим седым буклям, чуть подкрашенным в лиловый цвет.

— Кто мог знать, что именно хранится в этих ящиках?

— Кто угодно. Достаточно заглянуть в опись.

— А кто мог видеть опись?

— Любой наш сотрудник. Она не секретна. Но вряд ли у кого-нибудь возникло желание читать ее. Кроме, разумеется, тех, кому положено, или того, кто, как видите, проявил к ней личный интерес. А так,— Надежда Францевна пожала плечами,— у каждого своих дел хватает.

— Кто работал с ней?

— Она размножена для всех отделов. Каждый выбирал то, что попадет в его отдел из вновь поступивших фондов.

— Куда вы собираетесь убрать их из собора?

— Мы уже перевезли. Потеснились в одном хранилище и временно разместили там.

— Зачем вы поторопились? Хотя бы с нами посоветовались,— поморщился инспектор и подумал: «Там теперь столько «пальцев»! В одном городе ящики заполняли, заколачивали, грузили в машину, затем в гон, где разгружали, перевозили, вносили в подвал, теперь опять грузили, перевозили, вновь разгружали, складировали... Какое количество людей к ним присалось, кроме мальчишек и того, кто взял папку?.. И где гарантия, что тот, кто взял, оставил свои пальцы?»

— Вы, наверное, и пыль с ящиков смахнули, когда завезли на новое место? — спросил он. Вопрос был задан просто так, почти риторически, с горькой ironией. Не уловив его смысла, Надежда Францевна, воспринимавшая все серьезно, тем более в этом кабинете, сочла необходимым ответить исчерпывающе и определенно:

— При нашей тесноте, при нашем уровне технической обеспеченности, когда своей пыли хватает, я сама за всем проследила, приказала протереть каждый ящик...

— Я не сомневался,— с грустной улыбкой оценил инспектор аккуратность директорши архива.— Ну что ж, Надежда Францевна, пожалуй, на сегодня все. Будем искать вашу драгоценную папку.

— Вы никогда не пользовались услугами архива? — Надежда Францевна поднялась.

— Не приходилось.

— Это заметно. Думаю, специфика вашей работы хоть однажды, но приведет вас к нам.

— Лучше не надо,— дружелюбно сказал он. Провожая ее, вышел в коридор и, дождавшись, когда она скроется за поворотом, повернулся к двум недорослям, истомленным страхом и долгим ожиданием на жесткой скамье перед его дверью:— Заходи,— сказал он старшему.

— Взяли вы водку. Так? Чего полезли во второй отсек?— усевшись, спросил инспектор.

Парень молчал.

— Зачем сломали вторую дверь, вскрыли ящики? Что искали?

— Просто... Думали, может, там еще чего.

— Что именно «еще чего»?

— Ну, гущенка... Конфеты...

— На сладкое потянуло?

Тот пожал плечами.

— Папку зачем взяли? Куда дели?

— Не брали мы... Кому она нужна? — хрипловато, сухим от волнения голосом ответил паренек.— Честное слово, ничего не брали.

— Ты свое «честное слово» для суда прибереги. Авось разжалобишь,— постучал инспектор ручкой по бумаге.— Это тебе не школьное сочинение, а протокол допроса. Может, кто попросил сделать одолжение, пообещал заплатить? Или как?

— А может, кто-то, кроме нас... Допустим, тот, с фонариком.

— Кто такой?

— А мы его не знаем... Витька хотел про него следователю рассказать, а тот и слушать не стал.

— В лицо видел этого, с фонариком?

— Мало. Один раз он посетил на что-то в руке, наклонился, тогда и видел... Когда спрятались за углом... Он вошел и стал по лестнице спускаться.

— Ну-ка, опиши, какой он.

— Обыкновенный.

— Высокий, низкий?

— Не, невысокий.

— Возраст? Твоему отцу сколько лет?

— Сорок.

— Так он старше отца или моложе?

— Не разглядел.

— Брюнет, блондин, лысый, волосатый?! Что, по слову из тебя тянуть надо, описать не можешь? — разозлился инспектор.

— Не нужен он мне был, запоминать его... Вроде такой, как отец у меня, плотный. Голова с волосами, с темными,— неуверенно ответил парень.

— Как он спускался по лестнице: быстро, медленно?

— Нормально спускался... Сперва фонариком далеко светил, потом поближе. Потом взял фонарик в другую руку.

— Какую?

— В другую, в левую, а правой за стену придерживалася.

— И что дальше?

— Мы за угол убежали... Видели только, что свет долго горел в чулане, где те ящики.

— Что значит долго? Десять минут, час, два?

— Не, минут сорок... А может, больше.

— Раньше видели его где-нибудь?

— Не.

— Что еще можешь добавить? Вспомни.

— А что добавлять? Ничего я не знаю...

— Ладно, иди посиди в коридоре. Пусть Лупол войдет.

Второй воришко, ростом поменьше, щуплый, робко остановился у двери.

— Заходи, заходи, Виктор Степанович Лупол. Что такой несмешный стал? Когда водку брал и ящики вскрывал, был небось похрабре... Садись... пока сюда,— сказал инспектор.— Про водку я уже все знаю, ты мне теперь расскажи, зачем папку с бумагами унесли? Тоже заработать захотели? От кого?

— Мы не брали! — отчаянно замотал головой Виктор.

— А зачем ящики распотрошили?

— Не знаю.

— Смотри, что получается, Лупол: вы взломали ящики, тут же появляется человек, потом оказывается, что исчезла одна папка. Очень странное совпадение. Будто заказал он: вскрывайте, а я подосплю. А может, не было никакого человека?

— Был!.. Был!.. Я видел его... Фонариком он светил...

— Описать его можешь?

— Высокий он, сильный...

— Возраст, лет ему сколько по виду?

— Старый, почти без волос...

— Расскажи, как он спускался по лестнице.

— Мы, как увидели свет, выглянули... Он сперва посветил далеко, в конец подвала... Потом ближе, на ступеньки. Шагнул осторожно... И сразу на руку посветил, нагнулся... Тут я его лицо и запомнил: нос здоровенный и глаза большие, темные... Потом взял фонарик в левую руку, а правой все за стенку, как за перила... Грохнуться боялся...

Паренек говорил что-то еще, а инспектор невесело думал, что, несмотря на некоторые расхождения в показаниях юных правонарушителей, ясно: третий человек в ту ночь в подвале был. И, похоже, с мальчишками не связан. Совпало. Они ему объективно помогли: вскрыли ящики, он пришел на готовое — бери... И взял... Видимо, то, за чем шел...

21

Красный свет, горевший в фотолаборатории, лежал на лобастом лице Олега. Пинцетом он шевелил контрольные снимки в ванночках, перекладывал из одной в другую. Сушилось несколько рулончиков проявленной пленки, прищепленных к натянутой капроновой леске. В маленькой комнате было душно, едко от испарений химикатов. Но Олег к этому привык. Работы поднабралось. Одну из них — печатание обычновенных снимков — он делал с тем равнодушием и спокойствием профессионала, с такой заученной механической последовательностью, когда можно, зная заранее результат, одновременно и разговаривать с кем-нибудь. Другую же работу — проявление и печатание фотокопий текстов — он не любил. Тут надо все время следить: чтобы не загубить, проявляя пленки, затем, печатая, выбрать нужную контрастность.

Он уже заканчивал печатание фотокопий, как ему позвонили по внутреннему телефону. Он узнал голос Романца:

— Олег, тебя по городскому спрашивает какая-то дама. Выйдешь, или сказать, что тебя нет?

— Пусть подождет, через пять минут выйду.

Он внимательно осмотрел рабочий стол, не оставил ли чего ненужного для чужих глаз, и вышел, запер дверь на два оборота, ключ сунул в карман.

Его лаборатория и комната Романца находились рядом. Олег вошел без стука. Трубка лежала на столе.

— Слушаю, — сказал Олег.

— Это Маруся, с кладбища, — отозвался издалека голос.

Олег поморщился. Звонившая работала смотрительницей на кладбище, как раз на том участке, где похоронен был отец Олега. Он платил ей пятерку в месяц за то, чтобы приглядывала за могилой. Сейчас он за-должал четвертной.

— Я понял, тетя Маруся. К середине августа рас-

считаюсь полностью и наперед дам.— Он старался говорить потише и без подробностей, косясь на Романца, беседовавшего с девицей.— Да-да, разбогатею... Я понял... Вы уж извините. До свидания,— заторопился закончить, зная словоохотливость собеседницы. С покойниками на кладбище здоровово не разговаришься...

Он пошел к себе. Этот звонок невольно вернул его к недавним мыслям об умершем несколько лет назад отце. И с какой-то злой веселостью Олег мысленно произнес: «Ничего, батя! Все идет путем. Скоро я им всем морды дерым на маражу!»

Четкий равномерный перебор копыт, легкое позвякивание сбруи удалялись в сторону цирка. Всадники возвращались после предполуночной прогулки своих четырехногих коллег в стойла, где тепло пахло навозом, сеном, опилками и конским потом.

Человек, стоявший у водосточной трубы под козырьком подъезда, завороженный этим зрелищем, его звуками, вроде пришедших из другого времени, дождался, пока они совсем стихли, и, осторожно отлепившись от стены, вошел во двор Армянской церкви. Не шаркая, он ступал по плитам, приближаясь к двери, ведущей в знакомое подземелье. Лишь притворив дверь и ступив на всегда холодные каменные ступени, включил фонарик, спустился, нащупал лучом вход в отсек и скрылся в нем. Пробыл там недолго, минут двадцать, потом так же вернулся, у ворот выглянул — направо, налево — и, убедившись, что улица насквозь пуста, двинулся к трамвайной остановке, зажав в потной ладони приготовленный заранее, скомкавшийся билетик...

22

Сергей Ильич шел на улицу Толбухина, которая до войны называлась Францисканской. Он мало верил в эту затею, но, чтоб не укорять себя потом мыслию о какой-то упущененной возможности, отправился искать старожилов в доме, где некогда проживал Михаил Бучинский.

Не доходя квартал до дома 11-а, Сергей Ильич увидел у входа в трехэтажное кирпичное здание вывеску «Жилищно-эксплуатационная контора № 102» и, поразмыслив, вошел. Начальника ЖЭКа на месте не оказалось, но был техник-смотрильщик, молодой, подвижный человек в строгом костюме, при галстуке, и Сергей Ильич в легкой тенниске-безрукавке почувствовал себя как-то неловко, даже ощутил некое зависимое положение.

— Вы по какому вопросу? — спросил молодой человек.

Представившись и не вдаваясь в подробности, Сергей Ильич объяснил.

— Дом 11-а двухэтажный, вроде флигеля. Старый. Там десять квартир, — сказал техник. — Сейчас мы паспортистку позовем... Зина! — крикнул он. — Принеси Толбухина.

Пришла паспортистка с толстой регистрационной книгой.

— Есть ли в доме 11-а старожилы? Скажем, люди, живущие там с довоенных времен? — спросил Сергей Ильич.

Найдя нужный адрес, она стала проверять список жильцов — возраст и кто когда поселился.

— Есть тут старик один, из восьмой квартиры, — паспортистка держала толстый папку на строчке, — Завадка Ярема Иванович, 1898 года. Живет в этом доме с 1944-го, как освободили город. Может, он жил здесь и при немцах, и до немцев... А так больше никого... Я могу идти? Меня там люди ждут...

— Иди, — сказал ей техник. — Вы загляните к нему, — обратился уже к Сергею Ильичу. — Старые любят вспоминать, — философски заключил он.

Поблагодарив, Сергей Ильич ушел...

Лестница на второй этаж и перила были деревянными, пахли скрипидаром, кто-то заботливо протирал их. Дверь в восьмую квартиру когда-то давно покрасили красной половой краской, теперь она пересохла, облупилась. Не обнаружив звонка, Сергей Ильич постучал. Никто не откликнулся. Лишь после третьей попытки звякнула цепочка, и дверь оторвалась. На пороге стоял маленький, усохший человек в полосатой пижаме со старческими коричневыми пятнами на лысом черепе. Кожа лица его настолько одрябла и так ее изжевали морщины прожитых лет, что глаз почти не было видно. И все же Сергей Ильич поймал их взгляд — странный, направленный на него и вместе с тем сквозь него и упирающийся где-то далеко в какое-то препятствие.

— Ярема Иванович? — спросил Сергей Ильич.

Старик кивнул.

— Я к вам, если разрешите.

Старик посторонился, пропуская гостя.

Сергей Ильича поразила бедность квартиры. Заметив на столе несколько пузырьков с ваткнутыми в них пипетками, Сергей Ильич спросил:

— Вы болеете? Может, я не вовремя?

Слабо шевельнув пальцами немощной руки, как бы успокаивая визитера, старик ответил:

— Глаукома. Десять лет слепну. — Он поднял голову навстречу взгляду Сергея Ильича, приглашая начать разговор, ради которого тот пожаловал.

— Ярема Иванович, как давно вы здесь живете?

приступил Сергей Ильич к делу. — Я из инюроколлегии, разыскиваю родственников одного человека.

— С 1912 года. — Он помолчал, будто тень минувших лет заслонила собеседника. — Кого вы ищете?

— Кого-нибудь из семьи Бучинских. Они вроде тут жили?

— Нет. Анелька, Стефан и старший их, Алекс, жили на Грюнвальдской. А тут седьмую квартиру снимал их младший — Михайло. Был студентом медицины. Потом практиковал.

— И куда он уехал?

— Далеко. — Старик медленно опустил веки, пещально покивал головой. — Царство ему небесное. Германцы в сорок третьем увезли... Вся фамилия сгинула. Анелька в 1936-м повесилась. Муж ее, Стефан, имел молоденькую австрийскую, работала в рецепции¹ гостиницы «Бристоль». Он продал все и укатил с нею в Вену. Брат ее, пьяный, застрелил Стефана.

— А старший их сын, Александр? — спросил Сергей Ильич, дивясь памяти старика.

— Полицай в лесу поймали. В сорок первом. В город он ходил и из города, вроде к партизанам. Живым его в кринице утопили.

— Он был женат?

— Алекс? Нет, гулял.

— А у брата Анельки была семья? Ведь у нее брат, кажется, был.

— Был, Стась. Только не Бучинский он, Радомский. Имел дочь, Анной звали. А вот куда она подевалась, не знаю... Моложе меня лет на десять была. Так что тоже уже не девка сейчас. — Он повел сухими губами, изображая улыбку. — Мне ведь уже восемьдесят два...

«Пожалуй, все», — решил Сергей Ильич. Еще с минуту подумал, не упустил ли чего, и поднялся.

— Благодарю вас, Ярема Иванович. Извините, что побеспокоил.

Старик вяло развел сухими, как осенние стебельки, руками и, с трудом встав со стула, проводил гостя до двери.

О смерти Богдана Григорьевича Сергей Ильич узнал от Кухаря. Тот позвонил утром и сказал без предисловий:

— Беда стряслась, Серега! Шимановича убили!

— Да ты что! Кто?

— Э-э, кто! Какая-то б... Я случайно встретил Стороняка, помнишь его? Он в коллегии адвокатов. Работал вместе с Шимановичем. Им туда и сообщили то ли из милиции, то ли из прокуратуры. Родни-то у Шимановича никакой. А кто-то хоронить должен.

— Как же так?.. Старика... Зачем? — растерянно спрашивал Сергей Ильич. У него вдруг разболелась голова. Отупело он задавал вопросы, понимая их нелепость.

— Никаких подробностей не знаю, — ответил Кухарь. — Дело ведет прокуратура Красноармейского района. Я звонил туда. Сам понимаешь, пока идет следствие, никто тебе ничего не скажет.

— Когда и откуда похороны?

— Еще не знаю. Созвонимся... — Кухарь положил трубку.

23

Утренняя почта, поступившая в архив, складывалась на письменном столе Надежды Францевны аккуратной стопкой.

Орудия ножницами, Надежда Францевна добралась до лежавшей под самым спудом большой заказной бандероли. Она была завернута в плотную желто-серую бумагу. Надежда Францевна повертела бандероль, перевернула, глянула на штемпель — местный, подгорский, обратный адрес — главпочтamt, до востребования, фамилия неразборчива. Адрес архива и обратный были написаны крупными буквами.

Сняв оберточную бумагу, Надежда Францевна обнаружила в ней красную папку из плотного картона, еще довоенных времен (сейчас такие не выпускают), с надписью наверху фиолетовыми потускневшими чернилами: «Для передачи в ГАПО. Ф. Р-587, оп. 4, ед. хр. 2. Оригинал»². А поперек папки нетерпеливым, сильно наклоненным почерком бежала черная, вроде тушью

¹ Рецепция (польск.) — в данном случае бюро приема при гостинице.

² ГАПО — Государственный архив Подгорской области. Фонд Р-587, опись 4, единица хранения 2.

выведенная строка: «Штабные документы партизанской бригады «Месть».

Надежда Францевна прикрыла глаза, уронила руки на папку, почувствовала, что вот-вот расплачется. Потом, словно не веря тому, что лежало перед нею, развязала тесемки, заглянула внутрь: вдруг штуки ради туда напихали газетных обрезков. Но нет, там находились документы: она убедилась, быстро перелистывая содержимое папки, сколотое скосышивателем. Опытный глаз ее определил, что выдирок не было: Почти все было написано от руки, иногда разными почерками: на тетрадных листках в тоненьку красную линейку и с красным обрезом (явно довоенное изделие), на сероватой, грубой, с завальцовкой в нее какой-то шелухой бумаге, на плотных длинных глянцевых белых листах, типографски разграфленных вдоль на служебные колонки разной ширины.

Немножко пригряла в себя, радостная Надежда Францевна позвонила Романцу по внутреннему телефону.

— Ярослав Федорович, а у нас сюрприз! — весело произнесла она. — Нашлась папка... Та, злополучная... Да, да... Прислали заказной бандеролью... Я вас поздравляю!.. Как с чем? Неужели вы не переживали?.. — Кладя трубку на рычажки, она не видела, как на другом конце провода иронично усмехался Романец...

Затем Надежда Францевна позвонила в милицию; фамилия инспектора, с которым она уже беседовала, была записана в блокнотике.

— Конечно, конечно... Я понимаю вашу радость, — щебетала она, вовсе не понимая, что инспектор рад такому исходу не столько за нее, сколько за себя. — Да, да, мы откажемся от аренды этого подвала... Заявление? Какое?.. Нет, никаких претензий!.. Хорошо, завтра же я напишу такое заявление... Вам занесут его... До свидания...

24

Похороны Шимановича были назначены на три часа дня из морга, на новом загородном кладбище, где хоронили теперь «всех прочих». Похороны Богдана Григорьевича организовала коллегия адвокатов.

Народу собралось немного, уместилось в одном автобусе, впереди него с гробом шел другой, заказанный в похоронном бюро. Новое кладбище располагалось на возвышенности, за ним лежало открытое поле. Это было еще не «обжитое» покойниками место, только-только посаженные елочки и хилые, почти безлистные берески робко дрожали на теплом ветру. Отваленный сугенинок вырытой утром могилы быстро высох, и при неосторожном движении чьей-нибудь ноги колючки осыпались в серо-коричневую яму.

После коротенького прощального слова жиценько и слабоголосо, как бывает в открытом поле, заунуны отпели оркестр. И тут послышалась надрывная тяга автомобильного мотора поднимавшейся на бугор машины. Все оглянулись. К кладбищенским воротам подкатила черная «Волга», из нее вылез высокий человек в синем костюме, воротник белой сорочки был затянут серым галстуком. Сергей Ильич сразу узнал: Кухарь. Лицо его лоснилось от пота, по лбу расплылись красные пятна.

— Я прямо с совещания, — запыхавшись, сказал он. Гроб уже был присыпан тонким слоем земли, и теперь на лопаты она слетела уже мягко, без стука о доски. Кухарь взял горсть и швырнул в яму. — Почему же здесь, а не за городским? — отступил от холмика, чтоб не мешать, недовольно спросил Кухарь.

— Не сумели пробить, в горсовете отказали, — ответил Сергей Ильич.

— Надо было мне позвонить, я бы все уладил.

— Ну, кто знает...

Холмик вырос быстро, зашлепали, обравнивая его, лопаты, какие-то люди устанавливали вокруг нескольких зачахших венков, музыканты поплелись к машине.

— Миня не вернутся? — спросил Кухарь.

— Вроде нет... Ты что-нибудь узнал? — спросил Сергей Ильич.

— Ничего. Идет следствие... Ты на чем приехал?

— Автобусом.

— Я тебя отвезу. Идем.

В машине было душно.

— Опусти стекло, — сказал Кухарь, обернувшись и навалившись на спинку сиденья. — Не могу поверить... Кому, зачем нужно было убивать этого тихого, в сущности, нищего старика?!. А может, тут политикой пахнет? Ведь у Шимановича хранились богатые архивы, досье? Он ведь был дотошный в таком деле. Как думаешь?

— Что я могу думать? Узнаем со временем.

— Тебя к дому? — спросил Кухарь.

— Да...

Несколько дней спустя перед ужином, когда Сергей Ильич мыл под краном на кухне большие малиновые помидоры, раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Голенок, — снял он трубку.

— Привет, привет, Голенок, — прозвучал веселый голос. — Чем занят?

— Собираюсь ужинать, — ответил Сергей Ильич, узнав Щербу.

— Не приглашаешь? — посмеивался Щерба. — Как вы тут живете?

— Стараемся быть в вертикальном положении.

25

В сентябре 1990 года исполняется 100 лет со дня рождения АГАТЫ КРИСТИ. В связи с юбилеем писательницы мы опубликуем в следующем году еще неизвестные произведения этого мастера детективного жанра, а первые номера начнем публикацией детективного романа шведского писателя ЯНА МОРТЕНСОНА «Смерть бродит по музею...».

Всем желающим оформить подписку на «СМЕНУ» на 1990 год напоминаем индекс журнала: 70820. Цена подписки на год — 8 рублей 40 копеек.

— Что нового?
— Ты когда приехал?
— Три часа назад.
— Понятно... Тогда могу сообщить тебе новость: убит Шиманович.

— Что?! Когда?! Кем?
— Неделю назад. А кем — это уже по твоей линии.
— Я сейчас буду у тебя! — Щерба бросил трубку.
Жены не было — ушла к внуку. Сергей Ильич, обвязанный фартуком, принимал Щербу на кухне. Нарезал помидоры, накрошил туда же лук, залил подсолнечным маслом и, сняв с плиты кастрюлю с картошкой, водрузил ее в центре стола.

— Ешь, — сказал он Щербе. — Кто? Зачем? Никому, в сущности, не нужный старик пенсионер, — продолжал он начатый разговор.

— Как видишь, кому-то понадобился. Кому? Это для нас с тобой он был одинок, жил замкнуто. Круг знакомых? Ну, ты, я, в какой-то мере Юрка Кухарь. А все остальные, кто собирается на наши годовщины окончания университета? Это еще человек пятнадцать — двадцать. Затем букинисты и всякие книжные жучки. Смотри, сколько набирается людей, с которыми он был в каких-то отношениях. Собственно, что мы с тобой знали о его жизни, о знакомых за пределами нашего круга?.. Вот так-то... — Щерба вяло жевал, глядя куда-то поверх плеча Голенка.

— Ты когда выходишь на работу? — спросил Сергей Ильич.

— Я понял твой вопрос, — усмехнулся Щерба. — Но вести дело будет Красноармейская прокуратура. По месту жительства Богдана Григорьевича. Другой вопрос, что, как зональный, я заинтересован, чтоб не тянули и не запороли. Бог знает, кому там поручили... Гулять мне еще неделю. Но выйду в этот понедельник. Я уехал, не завершив одну мерзкую работенку, поручение обкома.

— Кухарь высказал... ну, не версию, предположение: архивы Шимановича. Может быть, кого-нибудь забеспокоило собственное прошлое, скажем, времен оккупации. И прослыпал этот некто, что у Шимановича подобралось досье с малоприятными фактами. — Сергей Ильич вскинул глаза на приятеля.

— Кухарь у нас большой стратег! Политические подозрения — его хобби.

— Это я помню... Ну, а объективно? Исключаясь подобный вариант?

— Я ничего не исключаю! — раздраженно ответил Щерба. — Разве что участие марсиан в убийстве... Можно позавидовать постоянству, с каким развивается движение мысли Кухаря. Со школьной скамьи. И в одном направлении... Ты давно его видел?

— Кухаря?
— Да нет, — раздраженно дернулся плечом Щерба. — Шимановича.

— Недели две назад.

— Как он... выглядел?

— Как всегда: добр, ироничен, весел.

— Ни на что не жаловался?

— Шиманович? Жаловался?!

Они проговорили еще минут сорок обо всем, о чем могут говорить немолодые мужчины, обремененные работой и разросшимися семьями, давно и хорошо знающие друг друга...

25

С ощущением как бы не прекращавшейся на три недели работы Щерба сидел в кабинете прокурора области. Выяснив для вежливости, как Щерба отдохнул, прокурор спросил:

— Как там с этим убийством? — Вопрос прозвучал так обыденно, словно Щерба не уходил в отпуск и обязан был знать, что делается на данную минуту в каждой из районных прокуратур города, следствие в которых он курировал.

— Скорик работает.

Прокурор поморщился.

Щерба понял: Скорик молод, неопытен, стаж всего три года.

— Боюсь, запорет он, — махнул рукой прокурор. — У нас и так с февраля висят два нераскрытых.

— Наверное, некому было больше дать, — сказал резковато Щерба. — Не я же решал этот вопрос.

— Это понятно, — согласился прокурор.

Он молчал какое-то время, вытягивая из пепельницы в корзину окурки и снова закуривая, затем встал, подошел к окну и долго смотрел на улицу.

— Вы, кажется, знали убитого? — прервал прокурор свои раздумья.

— Знал.
— Близко?
— Как сказать... В студенческие годы даже ходил у него в любимицах...

— Ну, ничего... Придется вам, Михаил Михайлович, взяться. Создайте бригаду. Скорика обязательно включите. Милицию я взбодрю через генерала, чтоб они вертелись вокруг вашей оси. Постановление о передаче в ваше производство сегодня к вечеру будет... Ну, а как там с обкомовским поручением?

— До отпуска я почти все проштудировал. Все то же... Там ничего нового быть не может...

— Учтите, жалобщик строптивый. Не первый раз достает и нас, и обком, и ЦК. Постарайтесь убедить его. Но так, чтоб следующая жалоба пошла уже не на нас, мол, отписались... На оперативном совещании сегодня можете не присутствовать, занимайтесь своими делами, определите, кому что передадите, поговорите с зональными от моего имени...

С этим Щерба покинул кабинет.

26

Следователь Красноармейской прокуратуры Скорик явился с утра и, выпрямившись, сидел у окна на стуле, терпеливо ожидая, пока Щерба доругивалась с кем-то по телефону. Положив руки на «дипломат», покоившийся на коленях, худощавый, черноволосый, с гладким, хорошо выбритым, смуглым от загара лицом. Скорик еще с охотой носил форму, которая вынуждала к белой сорочке и галстуку, что сейчас, в еще жаркую вторую половину августа, придавало молодому человеку вид торжественно-парадный.

— Как жизнь, Виктор Борисович? — весело спросил Щерба. — Да вы сядитесь поближе, поудобней.

— Работы много. А так все нормально. — Скорик пересел к столу.

— В отпуске были?

— Нет еще.

— А загорели... Я уже отгулял. Вы по графику, кажется, в сентябре?

— Да, — удивился Скорик такой осведомленности.

— Боюсь, что не удастся... Дело Шимановича...

— Я принес. — Скорик щелкнул замками «дипломата», извлек еще тоненькую папку-скорошибатель и протянул Щербе.

Тот как бы механически взял ее и, не глядя, вроде даже небрежно, отложил в сторону. Он видел, что Скорик напряжен, понимал, что растерянно гадает, зачем его с утра вызвали зональный, да еще с делом Шимановича. Поэтому, прежде чем сообщить Скорику о решении прокурора области, которое могло крепко зацепить самолюбие молодого следователя, Щерба ничего не значащим предварительным разговором, желанием сразу листать дело хотел создать атмосферу непринужденности и, главное, внушить Скорику ощущение, что тот необходим в работе, которая им представлена.

— Ситуация такова, Виктор Борисович...

— Меня отстраняют? — вдруг перебил Скорик.

— Ну, что вы! Наоборот, я же сказал, что отпуск ваш в сентябре может накрыться. Дай бог, конечно, чтоб мы размотали это до сентября. Но я не так оптимист... Прокурор области принял решение создать бригаду. Прежде всего мне поручено ввести в нее вас. В райотделе группу возглавит майор Соколянский. Так что снимайте мундир, засучивайте рукава, — засмеялся Щерба, видя, как от напряжения вспотел лоб собеседника. — С делом я познакомлюсь потом, сейчас несколько вопросов. — Он старался вовлечь Скорика как бы в уже совместную работу, создать атмосферу обоюдной причастности ко всему, хотя мог обойтись без этого — достаточно полистать дело, чтобы понять, с какого старта придется начинать. — Кто был из судебных медиков?

— Уманский.

— А вскрытие кто делал?

— Тоже он...

— Хорошо, что Уманский, — подумал Щерба.

— ... удар в правую височную область... причиной смерти послужило... между девятью вечера и двенадцатью часами ночи... — продолжал говорить Скорик.

— В правую? — переспросил Щерба. — Что же убийца левша?

— Нет, удар нанесен сзади, когда Шиманович стоял к нему спиной.

— Орудие убийства?

— Пресс-пальье... Бронзовое литье.

— Рукоятка в виде дикого кабана?

— Да, — удивленно подтвердил Скорик. — Откуда?..

— Я просто бывал в этом доме, Виктор Борисович. Я учился у Шимановича в университете... Следы?

— Капельки крови, несколько волосинок. Я отдал на экспертизу... «Пальцы» на пресс-пальце нет.

— В чем похоронили Шимановича?

Скорик понял смысл вопроса.

— Похоронили в другом костюме. А тот, в котором его нашли на месте, я упаковал в бумажный мешок. Он у меня в сейфе.

— Осмотрели хорошо?

— Дважды.

— Брюки внизу, особенно манжеты, и с изнанки? Травники, соломинки, зацепившийся репей, грязь, глина, песок?

— Ничего такого, Михаил Михайлович. Брюки сшины без манжет. Костюм мало ношен, вроде для выхода служил, хотя и очень давно сшил, немодный. У него их всего-то два было.

Щерба помнил этот костюм. Помнил много лет. В последний раз видел его на Богдана Григорьевича навечеринке в ресторане в майские праздники.

— В карманах? — спросил он.

— Почти пустая пачка сигарет «Орбита», спички, три рубля с копейками, паспорт, ключи от квартиры. На столе в комнате тоже «Орбита», только начатая, не хватает четырех сигарет. В пепельнице четыре окурка «Орбита». Докурены одинаково, не до конца. И погашены одним способом: не изломаны, не смыты, а аккуратно притушенны от стекла пепельницы, как бы оставлены про запас. Есть же такие курильщики — на всякий случай «бычки» сохраняют. Устоявшаяся привычка...

Щерба усмехнулся про себя школлярской дотошности, с какой Скорик докладывал. «Куда это потом все исчезает?» — подумал он, довольный, что ненасильно, исподволь вовлек Скорика в работу, дал ему возможность «показать себя».

— Окурки были уже сухие или еще влажные? — спросил Щерба.

— Не обратил внимания, — смущился Скорик.

— Напрасно... Легче было бы уточнить время убийства... Сохранили их?

— Конечно!.. Даже есть результаты экспертизы: групповая принадлежность сплюнья и крови Шимановича совпадает. На всех четырех окурках.

— Молодец! — искренне похвалил Щерба, не ожидавший такой прыти от молодого следователя. — А «пальцы» какие-нибудь нашли?

— Кое-что есть. Только чьи они? Я дал поручение проверить по возможности.

— Убитого дактилоскопировали?

— Да.

— Ну что ж, Виктор Борисович, успели вы немало. Я познакомлюсь с делом, потом решим, как будем жить дальше. Нам надо знать, как и где провел Шиманович весь этот день. С момента выхода за порог и до смерти. Сориентируйте угрозык на букинистические магазины, на публику, которая там вертится. Надо установить его контакты. Пусть участковый займется соседями по улице, она, слава богу, небольшая. — Щерба встал из-за стола, немедленно подхватился и Скорик. — Кто последним видел Шимановича? Вопрос для нас с вами немаловажный. Этую фигуру тоже надо оперативным путем извлечь. В общем, готовьте розыску поручение по всем этим ходам. Может, у вас что-то возникнет — добавьте... Да, вот еще что, — остановил он Скорика у двери, — круг лиц, вышедших из заключения...

Когда Скорик ушел, Щерба какое-то время сидел, ни к чему не прикасаясь, как бы решая, чем заняться: то ли начать изучать дело, принесенное Скориком, то ли заканчивать сочинение справки для обкома партии по жалобе, которой бессмысленно, как он считал, занимался последние три месяца, так ничего нового и не установив: факт самосуда, расстрел пауперов Ляховецкого и Куничча ничем, кроме слов жалобщика, не опровергался. А слова всего лишь слова. На среду Щерба пригласил его для последнего разговора, как понимал, неприятного, поскольку в третий раз за минувшие пять лет человек пытается опровергнуть выводы многочисленных расследований и комиссий, подтверждавших, что покойный отец его, командовавший в войне партизанским отрядом «Месть», единолично приказал расстрелять двух партизан из другого отряда. Эта маниакальная настойчивость человека, писавшего во все возможные инстанции, но не подкрепленная ни единим фактом, ни единственным документом, вызывала у Щербы раздражение и неприязнь к жалобщику, и мысленно он был рад, что завтра наконец избавится от этого пустого занятия...

Как бы отмахнувшись от всего, Михаил Михайлович снял трубку и позвонил в Красноармейский райотдел милиции.

— Соколянский? Здравствуй... Это Щерба... Как живешь?.. Понятно. Я тоже так же... Значит, надо было идти не в сыщики, а в рубщики мяса, — засмеялся Щерба. — Ладно... Теперь будем видеться чаще... Да, Шиманович... Я не был там, хочу посмотреть... Пусть к четырем часам участковый организует понятых...

Участковый — молоденький лейтенант с черными аккуратными усиками над губой, двое понятых — пожилая тонкогубая женщина из аптеки, что на углу, и девушка — воспитательница детского сада, располага-

гавшегося за конечной трамвайной остановкой, ждали Щербу у подъезда. Он увидел их, когда, сойдя с трамвай и пересекая путь, двинулся через дорогу к дому, где жил Богдан Григорьевич.

Познакомились, и Щерба сказал лейтенанту:

— Звоните.

Звонок, громкий, дребезжащий, был слышен даже по эту сторону двери.

Долго никто не открывал. Наконец раздался голос:

— Кто?

— Свои, свои, Теодозия Петровна. Ваш участковый. Лейтенант, понятые и Теодозия Петровна вошли в комнату, но жались у двери, видимо, лейтенант велел им держаться поближе к порогу.

— Кто убирал у него? — повернулся Щерба к Теодозии Петровне.

— Я, — тихо ответила она.

— Как часто?

— Раз в неделю.

— Когда последний раз убирали пыль с подоконника?

— За три дня... — Она не знала, как сказать дальше — «до смерти» или «до убийства», но Щербе было достаточно и первых трех слов.

Он долго осматривал окно и подоконник, затем дужкой очков приподнял бумаги на столе, открыл картонную крышку календаря-еженедельника, перелистал все семь блокнотов за последнюю неделю до убийства. Записей было немного: «Деньги за квартиру», «8 р. Зубареву. Том Кони дефектный», «Теодозии — клофелин», последней была запись на листке субботнего блокнотика: «Сегодня фотокопии в 16 ч.». Поразмыслив, Щерба решил забрать календарь с собой. Потом, присев, выдвинул за днище ящики пись-

менного стола, аккуратно изучил их содержимое, наткнулся на паркеровскую авторучку, которую когда-то с Голенком подарили Богдану Григорьевичу. Лежало здесь несколько рулончиков фотопленки, неполных, по шесть-семь кадров. Посмотрев их на свет, Щерба понял, что это фотокопии каких-то документов. При том собирательстве, каким занимался Богдан Григорьевич, фотокопии старых бумаг — дело естественное.

Закончив осмотр комнаты, Щерба позвал Теодозию Петровну. Все это время она стояла возле тумбочки у двери, робко сложив на животе руки и, вместе с тем, придирчиво и неодобрительно наблюдая, как этот чужой толстый лысеющий человек слишком уж по-хозяйски, свободно разгуливал по комнате, все рассматривал и трогал.

— Теодозия Петровна, вы хорошо знали жизнь покойного? — спросил Щерба. И, не ожидая ответа, добавил: — Посмотрите, пожалуйста, внимательней и спокойно, что здесь не на месте, чего не хватает. Только руками ничего не надо трогать.

Она медленно повела взглядом по стенам, затем долго изучала стол и подняла глаза на Щербу:

— Про книги и бумаги всякие не знаю, может, что и пропало, как узнать? А вот кабана точно нет. Он у покойного всегда на столе стоял.

Щерба понял, речь шла о бронзовом пресс-папье. Сейчас оно в сейфе у Скорика — орудие убийства, вещественное доказательство. Он подошел к старому фанерному платяному шкаfu, распахнул его. Даже зная скромный образ жизни и материальные возможности Богдана Григорьевича, удивился почти полному отсутствию вещей: на вешалке обвис старый плащ, поверх которого висело поноженное, из тяжелого си-

негого сукна пальто. Внизу, на днище, стояли утепленные, тщательно вычищенные коричневые ботинки. Из четырех бельевых полок одна была свободна. На остальных лежали две или три рубашки с длинными, как ослиные уши, углами воротников, две пары зимнего белья, трусы, майки, несколько пар носков, галстуки и стопка носовых платков, четыре простыни, один пододеяльник и наволочки с простыми желтоватыми кальсонными пуговицами.

— Взгляните-ка, Теодозия Петровна, — позвал Щерба.

Она подошла, чуть склонила голову, словно пересчитывала содержимое шкафа, потом сказала:

— В старых туфлях его похоронили. А вот черных, банкетных, прошу пана, нет. Все остальное тут. Я столько раз стирала все это. А туфель нет, этих, банкетных, — повторила она.

— Что значит «банкетных»? — спросил Щерба.

— Он, прошу вас, был меценас¹. Когда шел куда по важным делам, надевал их. Черные такие, элегантские, почти новые. Любил их. Может, ваши из милиции, когда приехали в ту ночь, увезли их. Про то не знаю. Только нет их. Они если не за дверью на подстилке, то завсегда здесь стояли, в шкафу.

Действительно, осматривая комнату, Щерба нигде не наткнулся на обувь. Но сейчас, после слов Теодозии Петровны, он, кряхтя, опустился на колени и заглянул на всякий случай под кушетку. Но там было пусто. У кушетки стояли старые шлепанцы из зеленого сукна...

Оформив все протокольные дела, опять опечатав комнату, Щерба отпустил понятых и лейтенанта. Сам же решил допросить Теодозию Петровну.

Она повела его на кухню.

¹ Меценас (местное) — адвокат.

— Красивая у вас кухня,— сказал Щерба, садясь за столик, покрытый льняной скатертью.— У меня к вам несколько вопросов, Теодозия Петровна. Я ведь тоже знал Богдана Григорьевича, учился у него, бывал тут, правда, нечасто, поэтому вы меня не помните,— начал он доверительно и взглянул на нее, гадая, приняла ли она такой мягкий, неофициальный посып, не смущил ли ее бланк протокола, лежавший перед Щербой.

Теодозия Петровна молчала.

— Как вы считаете,— спросил Щерба,— каким образом убийца проник в квартиру? Ключи мы нашли у Богдана Григорьевича в кармане брюк, в которых он был.

— Это другие. Одни он потерял. Я нашему слесарю заказывала, из ЖЭКа.

— А как фамилия слесаря?

— Войтюк Игнат Петрович.

— Давно Богдан Григорьевич потерял их?

— Не так уж давно.

— Мог ли Богдан Григорьевич впустить незнакомого человека?

— Выходит, впустил, прошу пана.

— А почему вы считаете, что это был незнакомый?

— Что мне считать! Он кого хочешь мог впустить.

— Что, так часто к нему приходили?

— Никто к нему не приходил.

— Вообще? Что же, у него знакомых не было?

— Может, и были где на стороне, а сюда редко заходили.

— Вы их видели?

— Кого?

— Этих, которые хоть и редко, но заходили?

— Мне они зачем? Ему звонили, он и открывал.

— А в этот раз вы звонили слышали?

— Не было меня. С утра я ушла.

— А вернулась когда?

— Уж стемнело, после девяти.

— А вы бы слышали, если бы кто позвонил?

— Может, и услышала бы.

— У вас телевизор есть, Теодозия Петровна?

— А как же!

— Возможно, телевизор работал, и вы не услышали. Давайте попробуем, а? Вы пройдете в комнату, включите телевизор погромче. Слух у вас хороший?

— А с чего мне глухнуть?!— пожала она обидчиво плечами и направилась в комнату. Щерба пошел за нею. Теодозия Петровна включила телевизор, подождала, пока он нагрелся, затем Щерба направился по коридору к входной двери, вслед ему уже летела какая-то песня. Приоткрыл дверь, Щерба нажал на наружном косыке красную кнопку. В глубь квартиры понесся резкий, трещащий звон.

— Ну что, Теодозия Петровна, слышали? — спросил он, вернувшись в комнату.

Сказала же вам, не глухая я. Тут и покойник услышит, прошу вас.

«Это уж точно»,— подумал он, вспоминая силу звонка.

— Значит, в тот день никто не звонил?

— Откуда мне знать? Может, кто и звонил, когда меня не было.

— А переписку он вел какую-нибудь? Может, письма сохранились?

— Никто ему не писал.

— Какое у вас давление, Теодозия Петровна? — Он отложил ручку.

Она удивленно посмотрела на него.

— Гипертония у меня.

— У меня тоже,— вздохнул Щерба.— А что принимаете?

— Клохвельин какой-то.

— Вот,— усмехнулся Щерба и вынул из кармана баночку с таблетками клофелина.— С собой таскаю. Теодозия Петровна, а Богдан Григорьевич аккуратно платил за квартиру? — неожиданно спросил он.

— Прямо! Платил он! — хмыкнула Теодозия Петровна.— Он и дороги-то туда не знал, только деньги давал, а я ходила. Его расчетная книжка всегда у меня, в серванте.

— Вам фамилия Зубарев знакома?

— Нет, не знаю.

— Теодозия Петровна, а как у вас сложился тот день? Утром, значит, вы ушли. Так?..

27.

Теодозия Петровна вышла из дома утром. У порога комнаты Богдана Григорьевича на подстилке стояли аккуратно вычищенные им туфли. «Значит, дома»,— удовлетворенно отметила Теодозия Петровна. День у нее предстоял длинный, вернуться собиралась поздно. Вместо утерянных ключей Богдан Григорьевич имел теперь новые, сделанные знакомым слесарем из домоуправления, так что в дом попасть сможет самостоятельно.

Сделав почти все, что намечала, Теодозия Петровна отправилась в церковь Петра и Павла на вечернюю службу...

Из церкви она вернулась пешком. Уже стемнело. Не зажигая лампочку в прихожей, покосила взглядом на дверь Богдана Григорьевича. Из щели под дверью пробивался слабый свет. На подстилке туфель не было. «Что же это, ушел и свет забыл погасить, а счет-

чик, небось, вертится и копеечки складывает,— подумала Теодозия Петровна, заворачивая за угол в свой коридорчик.— Куда же на ночь глядя, в какие гости?»

Разложив по местам всякие мелкие покупки и облачившись в домашнюю одежду, она поставила чайник на плиту, зажгла газ, отрезала тонкий ломтик хлеба и три кружечка колбасы. Затем достала маленький старинный ларец, в котором было два отделения для двух колод карт. Сегодня она решила повторить вчерашний неполучившийся пасьянс: никак не находил себе места бубновый король. Теодозия Петровна отскакала его, посмотрела укоризненно, как на живого, втиснула оять в колоду, перетасовала карты и включила телевизор.

Раскладывая карты в ряды и поглядывая на экран телевизора, Теодозия Петровна вместе с тем прислушивалась, желая поймать момент, когда заявится Богдан Григорьевич. Но его все не было, и все больше смущало ее, что в комнате соседа горит свет. И тут вдруг вспомнила, что на подстилке у порога было пусто. Он обычно оставлял там шлепанцы, когда уходил... Странно... Но тут начался фильм. Пальцы достали из колоды того самого бубнового короля, и, радости Теодозии Петровны, ему сразу же нашлось место.

В какой-то миг показалось, что стукнула входная дверь, щелкнул замок. Теодозия Петровна вышла в свой коридорчик, прислушалась, ловя шаги Богдана Григорьевича. Но все было тихо. Она вернулась в комнату и услышала, как в ночной тишине раздался металлический удар захлопнувшейся дверцы автомобиля, как заворчал, а потом взревел мотор. Подойдя к окну, успела увидеть, что машина, стоявшая двумя колесами на тротуаре, отъехала.

В три закончился фильм. Теодозия Петровна выключила телевизор и, как человек, следующий всем правилам, выдернула шнур из розетки, затем сложила в ларец карты, расстелила постель. Но мысль о странном поведении соседа не давала покоя. Теодозия Петровна вышла в свой коридорчик, через прихожую направилась к двери Богдана Григорьевича. Тихонько постучала. Но никто не откликнулся. Постучала еще раз, громче, подождала и осторожно открыла дверь. В полуторакомнаты, освещенной низкой настольной лампой с тяжелым матовым стеклом абажура, она увидела лежащего на полу Богдана Григорьевича. Теодозия Петровна вскрикнула, зажала рот ладонью, словно испугавшись, что ее кто-то может услышать. Она скользила на груди руки, со страхом приблизилась к Богдану Григорьевичу, не зная, жив он или мертв. Ей почему-то сразу бросилось в глаза, что он был в шлепанцах. Она с ужасом наклонилась над ним, ощутила слабый запах пива, увидела, что веки широко открыты, взгляд неподвижно мертв, из-под головы расте-

лась небольшое темное пятно.

— Богдан Григорьевич, Богдан Григорьевич,— тихо позвала Теодозия Петровна, боясь прикоснуться к нему.

«Это у него удар... Или сердце,— подумала она.— Упал, разбил голову... Господи, смилися, не дай ему умереть».

Пятаясь, она вышла из комнаты и позвонила в «Скорую»...

«Скорая» прибыла минут через сорок. Вшел тучный высокий немолодой человек с измученным одутловатым лицом. Белый халат его был явно тесен и тую обтягивал тяжелые плечи.

— Вы вызывали? — спросил он.

— Я,— робко отозвалась Теодозия Петровна, только сейчас увидев за спиной врача юношу-санитара, несшего деревянный сундучок.

— Где больной? — спросил врач.

Теодозия Петровна указала на открытую дверь, а сама осталась в дверном проеме и видела, как врач присел на корточки у тела Богдана Григорьевича, почти заслонив его, рядом стоял санитар. Теодозию Петровну бил озноб, она никак не могла унять дрожавшую челюсть, мелкое постукивание зубов.

— Тут, уважаемая, не «Скорая помощь» нужна, а милиция,— врач подошел к ней, вытирая руки носовым платком.— Он мертв. Где у вас телефон?

Она указала на аппарат, чувствуя, что ноги стали соломенными, и, опершись спиной о стену, слушала, как врач говорил кому-то, называя ее адрес:

— Да-да... Труп... Доктор Тисляк из тринадцатой brigady... Т-и-с-ляк,— повторил он.— Хорошо... понял... и, повесив трубку, сказал Теодозии Петровне: — До их приезда вы туда не входите и ничего не трогайте... До свидания.

Когда они ушли, она уселась на табурет перед раскрытой дверью в комнату Богдана Григорьевича, туда уставившись в ее глубину, где в полураке виднелся край письменного стола, кушетка и часть стеллажа...

Таким предстал перед Щербой рассказ Теодозии Петровны. Что ж, все было гладко, достоверно, убедительно. По словам соседки Шимановича, ее насторожили два факта: отсутствие туфель на подстилке у двери и в то же время свет, горевший в комнате Шимановича, никогда не входившего, по ее словам, к себе в туфлях. И туфли эти, «банкетные», как она сказала, действительно исчезли. Надевал он их по особым случаям, для какого-нибудь визита. Куда же он в этот день ходил? И еще. Получалось, что убийца пришел, когда соседки дома не было. Позвонил, и Шиманович открыл дверь...

Продолжение следует.

«ПЯТЬДЕСЯТ на ПЯТЬДЕСЯТ»

Уважаемые читатели! Продолжаем социологический опрос в области поп- и рок-музыки, начатый нами в пятом номере «Смены». Благодарим всех читателей, приславших свои оценки и письма в адрес передачи «50 на 50», которая состоялась в Кишиневе. Результаты телепоттерии и ее победителей (выпуск № 2) можно будет узнать, посмотрев третий выпуск телешоу. Предлагаем оценить выступление групп и исполнителей, которые приняли участие в концертах «50 на 50», состоявшихся в Ростове-на-Дону. Высший балл — 5!

Исполнительское мастерство (вокал)	Самобытность!	Репертуар!	Артистичность!
------------------------------------	---------------	------------	----------------

Группа «СВ»
Группа «Примус»
Группа «НРГ»
Группа «Планета Х»
Группа «Спрут»

2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финале конкурса «50 на 50», который состоится в конце года?

А теперь несколько слов о себе (обведите соответствующие данные кружочком):

3. Ваш пол
001 — мужчина
002 — женщина

4. Ваш возраст:
003 — до 20 лет
004 — от 21 до 30 лет
005 — от 31 до 40 лет
006 — от 41 до 50 лет
007 — старше 50 лет

Где вы живете?

5. Ваша профессия?

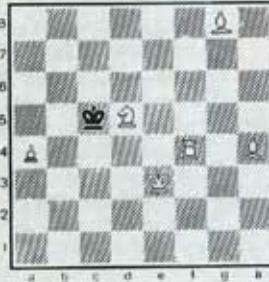
6. Как давно выписываете «Смену»?
008 — до 1 года
009 — от 2 до 5 лет
010 — от 5 лет и выше

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

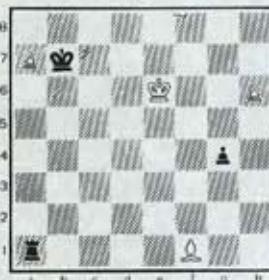
Тринадцатый тур

Белые: Крe3, Kd5, Лf4, Cg8, Ch4, п.a4 (6)
Черные: Крс5 (1)

Мат в 3 хода (3 балла)

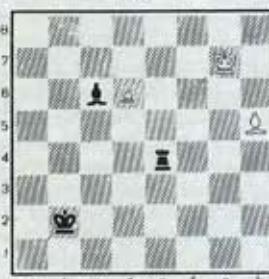
II

Белые: Крe6, Cf1, п.а7, h6 (4)
Черные: Крb7, La1, п.g4 (3)

Ничья (3 балла)

III

Белые: Крg7, Ch5, п.d6 (3)
Черные: Крb2, Le4, Cs6 (3)

Ничья (4 балла)

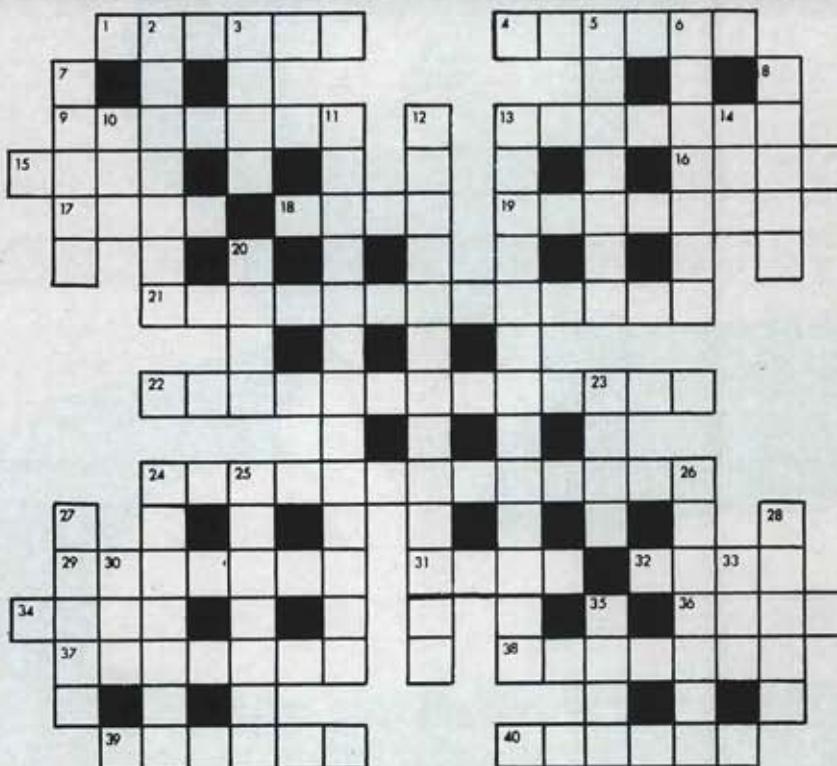
Ответы на задания прсылайте
только на открытках (без конвертов!)
с пометкой «31-я шахматная олимпиада. XIII тур». Последний срок от-
правки писем (по почтовому штемплю) — 15 ноября.

Решения этюдов (задания II и III) просим прсылать на отдель-
ных открытках.

В № 12 «Смены» в миниатюре А. Галицикого допущена опечатка в решении задачи. Вместо 3. Фh5 следует читать 3. Фh4, а вместо 2... Фe7 следует читать 2... Крe7. Просим извинения у участни-
ков шахматной олимпиады.

КРОССВОРД

Составил И. Белоцкий, Гомель

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Стеблющаяся трава, закрепитель песков. 4. Лихой всадник в американских вестернах. 9. Советский живописец, первым наставником которого был К. Коровин. 13. Английский путешественник. В его честь названо море в Антарктике. 15. Чувство, необходимое музыканту. 16. Испанско-португальский род мистерий. 17. Правый приток Северной Двины. 18. Гриб для муравья, нашедшего под ним убежище во время дождя. 19. Рассказчик о Максиме Максимыче: «Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю — ..., свойственное всем путешествующим и записывающим людям» (М. Лермонтов, «Бэла»). 21. Наука о лекарственном сырье, первые шаги в которой сделали Абу Рейхан Бируни. 22. Пристань на Ладожском озере, носившая названия

Орешек, Нотебург, Шлиссельбург. 24. София как невеста Долохова в «Войне и мире» Л. Толстого. 29. Английская писательница, чье творчество повлияло на Д. Байрона и В. Скотта. 31. Русский напиток, впервые упомянутый в летописи 1056 года. 32. Место в лесу, где герой был так потрясен, что потерял всякий интерес к жизни (Ги де Мопасан, «Гарсон, кружку пива!...»). 34. Денежная единица Японии. Первоначально в хождении были только золотые монеты. 36. Снег, о который легко порезаться. 37. Африканское государство, где сейчас строят новую столицу. 38. Азбука, письменность. 39. Оценка, грозящая ученику, не знающему урок. 40. Самоцвет, который носили как амулет, предохраняющий от несчастных случаев во время путешествия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Немецкий физик, высказавший предположение, что Солнце состоит из раскаленной жидкой массы, окруженной атмосферой пара. 3. Огороженная спортивная площадка, на которой Э. Хемингуэй чувствовал себя вполне уверенно. 5. Хорошо плавающая собака, обученная спасать утопающих. 6. Пароход в новелле С. Цвейга «Амок», названный по большой группе островов, которую входит Полинезия. 7. Пройдоха, пронира. 8. Растиение, чей корень есть в мистиктуре от кашля для детей. 10. Мощное животное, с которым в «Слове о полку Игореве» сравнил князь Всеволод. 11. Метод разделения и анализа смесей, которым широко пользовались учёные А. Мартин, Р. Синг, М. Цвет. 12. Русский математик. Любил потешаться над своим высоким ростом, из-за которого с трудом подбирал себе

гардероб. 13. Главный порт в восточной части Индонезии. 14. Имя француза, одного из самых прославленных революционных поэтов XX века. 20. Бог любви, которого, по философу Пармениду, создала Афродита. 23. Детская забава А. Фета, ставшая делом его жизни. 24. Один из самых известных советских языковедов. 25. Площадка для солнечных ванн. 26. Повторение слова или группы слов в начале нескольких фраз как стилистический прием. 27. Военная куртка, названная именем английского генерала. 28. Благородный олень, чувствующий себя беспомощным на глубоком снегу. 30. Древняя столица Армении. 33. Предмет в снаряжении древнерусского воина, который нередко был художественной ценностью. 35. Зазнайка, недорога.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

1. Буря. 5. Людвиг. 10. Мензбир. 12. Железо. 13. Студеное... 14. Челеста. 15. Йогурт. 16. Деготь. 18. Верь. 19. Терем. 25. Рулада. 26. Квинтилиан. 28. Юдина. 29. Зарница. 30. Сплыв. 33. Индивидум. 34. Форель. 38. Калла. 39. Хулио... 43. Лосьон. 45. Япония. 46. Ошейник. 47. Штандарт. 48. «Альмаст». 49. Даренье. 50. Пергам. 51. Щель.

По вертикали:

1. Белуга. 2. Резерв. 3. Серебро. 4. Узбек. 5. Лиственница. 6. Юрта. 7. «Водоем». 8. Ганнон. 9. Джойс. 11. Цэвье. 16. Тейде. 17. Девиз. 20. Урядник. 21. Планница. 22. ...свинтус... 23. Дисплей. 24. Анталья. 27. Мандельштам. 31. Авран. 32. Нория. 35. Мурильо. 36. Олуша. 37. Эстамп. 38. Кондор. 40. Ополье. 41. Янтарь. 42. Пясть. 44. Эйтес. 46. Орда.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

Смена'89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1495) СЕНТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.07.89.
Подписано к печати 02.08.89.
А 0033. Формат 70 × 108 1/4.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 982.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодёжи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерк,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Объясните, пожалуйста, свое собственное изображение на обложке. Почему вы избрали именно такую «культурную композицию»?

— Я избрал композицию «музыкант с гитарой», потому что рояль удержать в руках мне было бы тяжело. Вы известный композитор. Почему вы вдруг решили запеть? Вам не хватало денег, славы?

— Славы мне хватало, как вы понимаете, — я сам Слава. Что же касается пения, то пел я всегда, но только для узкого круга, а отдельные блюстители застоя не позволяли мне этот круг расширить. Потому, наверное, я сильно застоялся — и когда блюстителей не стало, меня прорвали, и я запел на всю страну. А что до денег, то музыкант всегда найдет, где и как заработать.

Вы узнали, что перестройка потерпела поражение. Ваши действия? Поступки?

— На баррикады я, пожалуй, не вышел бы, а стал бы снова петь для узкого круга, а для широкого — сочинять песни «протеста», которые всегда и с неизменным успехом исполняли наши маститые артисты.

Какое влияние на ваше творческое состояние оказывает ваша борода?

— Я по характеру человек ироничный и по отношению к себе и к другим, а борода позволяет мне прятать ироническую улыбку, когда я сам исполняю некоторые свои песни — правда, к сожалению, некоторая часть слушателей воспринимает эти песни подчас слишком буквально и всерьез, не замечая иронии.

Как, по-вашему, за что вам дали премию Московского комсомола?

— В основном, наверное, потому, что я не ленинградец, а москвич. Ну, а кроме того, чтобы получить такую премию в известные времена, приходилось писать песни о БАМе и других эпохальных событиях, хотя в душе я лирик, а не физик. Ну, а сегодня, чтобы удостоиться этой премии, достаточно — это я опять с иронией — написать или спеть такую песню, как, например, «Мадонна».

На вопросы анкеты
отвечает певец
и композитор

Влчеслав ДОБРЫНИН

Говорят, что вы самолюбивы и часто завидуете успехам своих коллег. Это правда?

— Глупости все это. А впрочем, пусть говорят! Думается, эти коллеги имеют больше оснований завидовать мне, чем я им.

Какую песню вы бы спели, пригласив вас на торжественный обед в Кремль?

— В зависимости от того, какое было бы меню.

На что вы собираетесь истратить все заработанные вами деньги?

— Я еще не заработал столько денег, чтобы купить все, что я хочу.

Как, по-вашему, благодаря какому событию раз были, мягко говоря,

ваша песни стали пользоваться популярностью?

— Ну, скажем, благодаря снижению общего уровня культуры у любителей эстрадной песни, связанному с исчезновением из обихода мыла и сахара и усилившим самогоноварением.

Кто первым поверил в ваше призвание: вы сами или окружающие?

— Окружавшая меня с детства мама. Первый раз я проявил музыкальные способности года в три и по неопытно-

сти даже не понял, что именно я проявил.

Когда вы в последний раз были, мягко говоря,

неискренними, грубо говоря, сорвали: себе или окружающим?

— Может быть, в последнем разговоре с инспектором ГАИ, а может быть, в одном из ответов на эти вопросы.

Памятник какому деятелю вам больше всего нравится? Почему?

— Жаль, что я еще не дважды Герой, а то мне было бы легко ответить на этот вопрос. Впрочем, какие мои годы?

Назовите певцов, которым вы бы не доверили исполнение своих песен.

— Вы хотите, чтобы у меня появилось врагов еще больше, чем есть? Нет уж,

Как вы считаете, какой провокационный, да

категории людей могут напрочь не нравиться ваши песни и музыка?

— Той, которой нравятся, например, модные ансамбли типа «Аквариум», «Терраиум», «Кино», «Домино», «Телевизор», «Холодильник» и другие бытовые приборы.

Один мудрец сказал: «Я никогда не был занят так, как в свое свободное время». Как вы понимаете это высказывание применительно к вашему образу жизни?

— Я и не знал, что до меня уже кто-то пришел к подобному выводу.

За что вы любите творчество Игоря Николаева?

— Вопрос, конечно,

и слово «любите» отдает декадентством... Просто мне было отрадно узнать однажды от Игоря, что он всегда считал мои песни примером для своего творчества, поэтому я отношусь к нему, как всякий учитель к своему ученику.

Когда вы в последний раз испытывали состояние влюбленности?

— Я из этого состояния не выхожу. С таким же успехом вы могли бы спросить меня, когда я последний раз дышал. Кто конкретно мешал вам в вашей творческой жизни? Только честно.

— Мне всегда пытались мешать мои более маститые, но менее удачливые коллеги, и с их подачи все же блюстители застоя, о которых я уже говорил. Какие комплименты вы больше всего любите слушать в свой адрес?

— Самый лучший комплимент, на мой взгляд, встретился в записке, присланной неизвестной девушкой на концерте в Новгороде: «Странно получается, немолодой как будто, а нравитесь. Голос нет — а слушать приятно».

Если у вас в доме случится пожар, что вы будете спасать и выносить прежде всего?

— Прежде всего — все живое, а потом пластинки и кассеты с песнями моих любимых «Битлов». Что вам помогает в жизни расслабляться?

— Спорт. Но, к сожалению, не активный, а пассивный: смотрю все спортивные передачи по телевизору и очень сильно болею за московское «Динамо».

Чем вы занимаетесь, если завтра вашу музыку и песни «положат на полку» из-за того, что они перестанут интересовать публику?

— Другую работу искать не буду, а постараюсь использовать весь остаток своего таланта, чтобы вновь заинтересовать своего слушателя или, в крайнем случае, чтобы мою музыку и песни переложили на полку повыше. На какой из заданных вопросов вы ответили не совсем искренне?

— Думаю, если бы я был до конца искренним, наша беседа могла бы не стать достоянием читателей журнала.

БЛЮЗ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ